

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2019
№ 3(11)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 3(11)
2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2019
№ 3
(11)

**Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

**Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год**

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

***Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии
с требованиями для авторов, установленными редакцией.***

***Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими
мотивированный отказ в опубликовании.***

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2019
№ 3
(11)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И.В. Синова*
Русская литература о «блеске и нищете куртизанок» 8
- Е.Н. Крылова*
Газета «Чиновник» – парадокс или корпоративное средство
массовой информации начала XX в.? 25

ЭТНОГРАФИЯ

- М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова*
Аффектация повседневной одежды в событиях смерти
у народов Северного Кавказа 48

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Е.В. Бурлуцкая (Банникова)*
Балы, маскарады и танцевальные вечера как варианты
досуговой повседневности горожанок Оренбургской губернии
второй половины XIX – начала XX в. 68
- А.Е. Жукова*
Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX –
начала XX в.: пути и варианты профессиональной подготовки 80

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- Л.А. Самарина*
Легковой извоз в Российской империи
(вторая половина XIX – начало XX в.) 91
- К.А. Абдрахманов*
Особенности деловых отношений купцов и приказчиков
в условиях приграничной провинции на примере
Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. 116

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- О.А. Балабейкина, В.Л. Мартынов*
Православие как историко-культурная
составляющая Северо-Запада России
(на примере Плюсского района Псковской области) 130

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>В.С. Мильбах</i> Кого же завербовал в заговор И.Э. Якир?	140
--	-----

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Е.В. Годовова, С.В. Любичанковский</i> Новое слово в историографии повседневной жизни российского крестьянства. Рецензия на книгу Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. 736 с., ил.....	148
Сведения об авторах	153

Contents

SOURCE STUDY OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- I.V. Sinova*
Russian literature about the "splendor and poverty of courtesans" 8
- E.N. Krylova*
Is the newspaper "The civil servant" a paradox or a corporate media
of the early XX century? 25

ETHNOGRAPHY

- M.A. Tekueva, E.A. Nal'chikova, M.K. Gugova*
Affectation of everyday clothes in the death occurrences among
the peoples of the North Caucasus 48

GENDER ASPECT OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- E.V. Burlutskaya (Bannikova)*
Balls, masquerades and dancing evenings as variations
of leisure everyday life of townswomen of the Orenburg province
of the second half of the XIX – early XX centuries 68
- A.E. Zhukova*
Female domestic servants in Russia in the second half of the XIX –
early XX centuries: ways and options of professional education 80

DAILY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

- L.A. Samarina*
Passenger carriage in the Russian Empire
(second half of the XIX – beginning of XX centuries) 91
- K.A. Abdrakhmanov*
Features of business relations of merchants and sales representatives
in the conditions of a frontier province on the example of the
Orenburg province in the second half of the XIX – early XX centuries .. 116

RELIGIOUS DAILY LIFE

- O.A. Balabeikina, V.L. Martynov*
Eastern Orthodoxy as a historical and cultural component
of the North-West of Russia (on the example of the Plyussky district
of the Pskov region) 130

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

V.S. Mil'bakh

Who was recruited by I.E. Yakir into the conspiracy?..... 140

REVIEWS, SURVEYS

E.V. Godovova, S.V. Lyubichankovskiy

A new word in historiography of everyday life of Russian peasantry.

Book review: Mukhina Z.Z. Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th – beginning of the 20th century).

St. Petersburg: DMITRY BULANIN, 2018.736 p., Ill..... 148

About Authors 155

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 821.161.1(091):930

ГРНТИ 03.01.07: Методология и методы исследования исторической науки; 03.21.31: История России Нового времени

И.В. Синова

Русская литература о «блеске и нищете куртизанок»

В статье представлен анализ отношения общества к проституции и проституткам в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, В.В. Крестовского, М. Горького. Показано, что моделирование образов падших женщин, потребителей их услуг, врачей и надзирателей за общественной нравственностью невозможно без художественной литературы, которая не только расширяет понимание отношения общественности к куртизанкам и взаимоотношений горожан с институтом проституции, занимавшим свое место в системе досуговых практик крупных городов Российской империи, но и помогает воспринять данное явление российской повседневности во всем его разнообразии. В статье показано, что литераторы подходили к художественному отражению проституции исключительно с точки зрения морально-нравственных норм, а их произведения помогают утонченному восприятию и оцениванию событий и явлений, которые порой ускользают от обнаружения их традиционными способами и недоступны в рамках анализа документов.

Ключевые слова: проституция, девиантное поведение, врачебно-полицейский комитет, «жёлтый билет», повседневная жизнь, досуг, художественная литература.

I.V. Sinova

Russian literature about the "splendor and poverty of courtesans"

The article presents the analysis of society's attitude to prostitution and prostitutes in the works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. I. Kuprin, V. V. Krestovsky, M. Gorky. It is shown that the modeling of images of fallen women, consumers of their services, doctors and supervisors of public morality is impossible without fiction, which not only expand the understanding of the public attitude to courtesans and the relationship of citizens with the institution of prostitution, which took its place in the system of leisure practices of large cities of the Russian Empire, but also help to perceive this phenomenon of Russian everyday life in all its diversity. The article shows that writers approached the artistic reflection of prostitution exclusively from the point of view of moral norms, and their works help a refined perception and evaluation of events and phenomena that sometimes escape detection by traditional methods and are not available in the analysis of documents.

© Синова И.В., 2019

© Sinova I.V., 2019

Key words: prostitution, deviant behavior, Medical and police Committee, "yellow card", everyday life, leisure, fiction.

Проституция в царской России являлась не только способом зарабатывания женщинами средств к существованию, порой ухода от голодной смерти, но и накладывала отпечаток на форму их повседневной жизни, быт, манеру поведения, лексику, одежду. В свою очередь, для мужчин пользование услугами проституток являлось как способом удовлетворения своих сексуальных потребностей, так и сформировавшейся повседневной практикой, формой проведения досуга. В домах терпимости можно было послушать музыку и потанцевать. «В Петербурге в каждом заведении непременно есть фортепиано или рояль, в некоторых заведениях в Москве также встречаются рояли; для игры по вечерам нанимаются пианист или пианистка; музыка играет каждую ночь; часто в щёгольских заведениях составляются танцы, а в заведениях низших нередко можно встретить русского трепака. В провинции, а также во многих заведениях в Москве, фортепьяно нет, зато во многих по ночам играют скрипачи» [1, с. 166]. И использование домов терпимости для проведения досуга нашло отражение не только в публицистике, но и в художественной литературе.

О проституции в дореволюционной России писали специалисты различных областей знаний: юристы, психологи, социологи, врачи, антропологи, историки. Но, как правило, поднимались и обсуждались вопросы, связанные с униженным и бесправным положением женщин, чаще всего внимание уделялось благотворительно-реабилитационным мерам. В дореволюционной литературе существовало несколько точек зрения в оценке и отношении к проституции. Одни рассматривали её не иначе как «социальное зло» и, следовательно, активно разрабатывали идею «методов борьбы» [2; 3]. Другие придерживались позиции защиты правительственного курса регламентации [4; 5], третьи видели в этом форму унижения и угнетения женщин [6; 7].

С конца XIX в. в России в связи с усилением интереса специалистов и представителей общественности к проституции проводилось анкетирование проституток и «перепись» потребителей их услуг, в числе которых были военнослужащие, студенты и другие категории населения. Результаты анкетирования и статистических исследований стали результатом многочисленных публикаций [8–10].

Значительное место в исследованиях юристов дореволюционного периода М. Гернета, А.И. Елистратова и др. [12–14], а также медиков Б.И. Бентовина, П.Е. Обозненко, В.П. Огорокова, П.Н. Тарновской и др. [15; 16; 10; 14] занимали проблемы, связанные с отклоняющимся поведением несовершеннолетних.

В советское время на исследование проституции было наложено табу. И только в конце XX в. появляется новый взгляд и новые оценки проституции в дореволюционной России. Пожалуй, наиболее последовательно история государственной политики и специфика общественного дискурса в этой сфере за столетие с 40-х гг. XIX в. до 40-х гг. XX в. представлены в книге Н.Б. Лебиной и М.В. Шкаровского «Проституция в Петербурге» [17]. Но эта работа вышла более 25 лет назад. Ныне стали доступными многие материалы, касающиеся мероприятий власти, направленных на регламентацию института проституции в царской России и мнения общественности по этому вопросу.

Интереснейшие источники XIX – начала XX в. по вопросу сексуальной культуры собраны Н.Л. Пушкаревой и Л.В. Бессмертных [18]. Законодательному регулированию проституции, деятельности врачебно-полицейских комитетов, отношению общества к девиантному поведению женщин посвящены публикации Н.С. Нижник, Н.К. Мартыненко, М.Н. Зюбан и др. [19–21]. Исследователей также привлекают вопросы, связанные с государственным призрением падших женщин [22]. Но в целом, несмотря на обилие современных публикаций о проституции подавляющее большинство из них отличается изложением однообразных фактов и отсутствием даже попыток разностороннего анализа многообразных проблем, связанных с проституцией. Такими лакунами в данной сфере являются вопросы, связанные с особенностями общественной маргинализации жриц любви, их повседневной жизнью и психологией. Здесь современные исследователи значительно отстают от специалистов дореволюционного периода, не стремясь к переосмыслению и ныне актуальной социальной проблемы.

Современным историкам уже давно не надо объяснять целесообразность и правомерность использования художественной литературы как исторического источника прежде всего для анализа событий и явлений повседневной жизни. Основоположники данного подхода исходили из того, что в искусстве «ничего доказывать не нужно», поскольку критерием «истины» произведения искусства является его «художественная убедительность» [23, с. 81]. И феномен проституции стал именно той темой, о которой с такой убедительностью поведали литераторы обществу. Л.Н. Гумилев в статье «Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?» отметил, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи. Содержанием такого факта является его смысл, направленность и настроенность, причем вымысел играет роль обязательного приема» [24, с. 76]. В освещении проституции скорее домысливать с точки зрения сюжета и драматизма женских судеб мало что приходилось, ско-

рее вымыслом в художественной литературе являлись имена героев, географические названия, может быть какие-либо детали жизни.

Стало ли совпадением, что литературная общественность обратилась к теме проституции с 40-х гг. XIX в. – начала законодательной регламентации жизни публичных женщин, или это закономерность? Скорее второе, т.к. несмотря на то, что ряд писателей и поэтов отличала определенная оппозиционность по отношению к власти все же они являлись частью российского общества, пользовались его благами, публиковались в подцензурной печати, для подавляющего большинства литературный труд был средством к существованию.

Отражение в литературе дискурса падших женщин стало составной частью развития реализма через раскрытие, с одной стороны, так называемого социального дна и одновременно физиологической природы человека, а с другой, основ буржуазной экономики. Но некоторым произведениям свойственно противопоставление женщин «порядочных» и «падших», которые переместились в категорию маргиналов, стоило им оступиться, и здесь путь только один, а значит, и связь с добродетельным обществом прерывается и уже никогда не может быть полностью восстановлена. Порой это даже делается произвольно в соответствии с сформировавшейся устойчивой ментальностью и личностной оценкой социальной роли проституток. Ряд писателей настолько увлеклись идеей спасения падшей женщины и несправедливостью общества, что их творчество пронизывали утопические установки (Гоголь, Чернышевский, Достоевский, Толстой, Гаршин). А вот объективный взгляд на проблему и познание жизни наступил уже позднее (Куприн, Горький) под воздействием общественного движения и развития гражданского общества.

Попытаемся разобраться, в чем причина возникшего внимания деятелей литературы к проституции и чем руководствовались писатели, отражая в своих произведениях не просто неприглядные, но самые темные стороны повседневной жизни общества и отдельных людей. Проблемы проституции в русской литературе неоднократно поднимались писателями начиная с Гоголя, Некрасова, Чернышевского и Достоевского, а далее не обошли своим вниманием эту тему Чехов, Л. Толстой, Горький, Юшкевич, Андреев, Куприн и др. Что толкало на столь грязно-реалистичное отражение действительности, которая для многих была закрыта или, по крайней мере, прикрыта либо властью, либо само население дистанцировалось от данной сферы жизни и не хотело об этом знать и даже думать? На что надеялись писатели, отражавшие столь темные стороны российской действительности в консервативном, патриархальном и в подавляющем большинстве глубоко религиозном обществе? На рост популярности за освещение столь спорной проблемы, на высокий материальный доход, на отсутствие других тем для творчества, на высокий уровень гражданской ответ-

ственности за происходящее в стране? Кто-то тему проституции и в художественной литературе, и в публицистике, и в научном исследовании до сих пор рассматривает и воспринимает как некую «клубничку», а отнюдь не как социальную проблему, форму девиантного поведения и коммерциализации применительно к рассматриваемому периоду.

Интерес общественности, и литературной в том числе, к проблеме проституции и к судьбам падших женщин возник в середине XIX в. И вызван он был двумя основными факторами. Во-первых, регламентацией проституции на государственном уровне, а следовательно, признанием на законодательном уровне самого факта ее существования. Во-вторых, 1850–70-е гг. связаны с подъемом общественного, прежде всего демократического, движения в России, которое не могло мириться с легальным существованием проституции и связанным с ней унижением и порабощением женщин.

Сама по себе проституция не была однородной. И далеко не все проститутки были окружены ореолом страдания, как это описано у Достоевского, Крестовского и др. Были и те, кто относился к так называемым «камелиям», которые являлись содержанками состоятельных людей, имели отдельные квартиры, выезжали летом на дачу, посещали театр, с ними выходили в свет. Может быть они не были счастливы в своей жизни, но на них не распространялось то маргинальное положение подвергавшихся государственной регистрации женщин, живших по «желтому билету».

Судьбы и истории аристократических проституток описаны И.И. Панаевым, прозванного современниками «новым поэтом петербургских “камелий”». Он отмечал «степень нравственного состояния некоторого класса общества» из-за увеличившегося влияния камелий «...в последнее время эти размножающиеся с каждым днем дамы начинают играть роль довольно заметную, выходят иногда из своей сферы и приобретают вне ее силу и значение. С этими прелестными Луизами, Бертами, Армансами и Шарлотами Федоровнами, которые бросаются в глаза всем роскошью, выходящею из всех границ, соединяются, быть может, вопросы весьма серьезные. Эти госпожи явление не случайное...» [25, с. 339]. И хотя писатель не вдаётся в выяснение причин описанного явления, но уже сам факт постановки проблемы для конца 50-х гг. XIX в. является значительным шагом вперед в ханжеском российском обществе, стремившемся сохранять «лицо» в вопросах морали. А. Амфитеатров в диалогии о тайной проституции великосветских дам «Марья Лусьева» и «Марья Лусьева за границей» изобразил картину нравов России рубежа XIX–XX вв., показав, что далеко не всегда бедность и нужда направляют женщин на путь продажной любви.

И все же большая часть художественной литературы второй половины XIX в. связана с проституцией именно как с негативным последствием и проявлением общественного строя и экономического развития. И литераторы в свою очередь, благодаря тонкому восприятию и художественному изложению феномена проституции, способствовали в своих произведениях глубокому постижению жизни не только отдельных людей, но и общества в целом. Н.А. Некрасов одним из первых в 1848 г. в своем творчестве затронул тему падших женщин как жертв тяжелых условий жизни, написав стихотворение «Когда из мрака заблужденья...». Подобные эмоции нашли отражение и в других стихах, а также в повести «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

С сочувствием и соучастием как о жертве общественного развития рассказывал о своих героинях Соне Мармеладовой («Преступление и наказание») и Лизе («Записки из подполья») и Ф.М. Достоевский. В некоторых литературных сочинениях проститутки показаны либо равнодушными к своему поработанному положению («Припадок» А.П. Чехова), либо их вполне устраивает их форма зарабатывания средств на жизнь («Яма» Куприна, «Припадок»), а иногда даже испытывают гордость за приносимую ими пользу.

Безусловно, «в произведениях некоторых художников художественная убедительность настолько велика, что стирается грань между вымыслом и действительностью, и литературный герой начинает существовать как исторический» [23, с. 82]. Порой у таких классиков как Чернышевский, Достоевский и других, в дальнейшем происходило отождествление реальных и виртуальных героев их произведений.

Для прогрессивных литераторов второй половины XIX в. отражение в своих произведениях темы проституции было своего рода демонстрацией их гражданской позиции. Трудно вспомнить и назвать тех из них, кто негативно и с осуждением относился к падшим женщинам. Н. Чернышевский показал в романе «Что делать?» не только бывшую проститутку Настю Крюкову, но и представительниц людей нового типа Веру Павловну, которая, вырвавшись из родительского дома, создает мастерскую и освобождает и других женщин, помогая им избавиться от прошлого и найти свое место в жизни. В романе «Повесть в повести» Чернышевский использует известную ему историю любви своего друга Добролюбова к проститутке Терезе Гринвальд, правда, изменив имена героев.

Повесть «Надежда Николаевна» В.М. Гаршина (1885), несмотря на не самые доброжелательные отзывы литературных критиков, не оставила равнодушными читателей, сопереживавших идее автора о необходимости бороться со злом, спасти падших и верить в силу добра.

В рассказе А.П. Чехова «Припадок» (1888), который, несмотря на опасения Чехова, был оценен современниками как один из лучших, герой впервые идет в публичный дом, чтобы не отстать от товарищей и быть, «как все». При этом он не пользуется услугами проституток, а только с отвращением наблюдает быт борделя. И в этом сюжете, с одной стороны, писатель показывает, что сам по себе факт посещения юношей дома терпимости является едва ли не нормой поведения, частью повседневной жизни, а с другой, за этим стоят глубокие социальные проблемы.

Свое отношение к разнице в общественном восприятии женщин из высшего света и проституток Л.Н. Толстой выразил словами своего героя из «Крейцеровой сонаты» (1889): «Взглянуть на жизнь наших высших классов как она есть, со всем ее бесстыдством, ведь это один сплошной дом терпимости... Но посмотрите на тех, на несчастных презираемых, и на самых высших светских барынь... Как те заманивают всеми средствами, так и эти. Никакой разницы... надо только сказать, что проститутки на короткие сроки – обыкновенно презираемы, проститутки на долгие – уважаемы» [26, с. 196]. Вряд ли к такому выводу писатель пришел на основе своей личной жизни, скорее, это обобщенное восприятие российского общества.

Творческие деятели видели в проститутке прежде всего жертву социальной несправедливости, торгующую собой, чтобы прокормить себя и своих близких. Литературные судьбы падших женщин привлекали читателей, и это сопереживание порой переносили в реальную жизнь. Хотя в историях некоторых героинь было больше авторского вымысла и художественного воплощения идеи, но это не мешало изображенным униженным и оскорбленным женщинам становиться объектом общественного интереса. К таким героиням можно отнести Катюшу Маслову из романа Л.Н. Толстого «Воскресение», изданного в 1899 г., а до этого в течение десяти лет создаваемого писателем. Никто, безусловно, не умаляет гениальность Толстого, но кроме его имени читателей привлекли в произведении еще и полный драматизм сюжет, и поднятая им социальная проблематика, и реалистичность описания деталей. В романе прослеживается любовь и симпатия автора к главной героине, несмотря на то, что она дошла до самого дна жизни, в отличие от его отношения к Нехлюдову, хотя последний гораздо ближе ему по образу жизни и по социальному положению.

Толстой с потрясающей глубиной передал духовные терзания Катюши Масловой, когда для нее началась «та жизнь хронического преступления заповедей божеских и человеческих, которая ведется сотнями и сотнями тысяч женщин не только с разрешения, но под покровительством правительственной власти, озабоченной благом своих граждан, и кончается для девяти женщин из десяти мучительными болезнями, преждевременной дряхлостью и смертью» [26, с. 15].

Точность и убедительность передачи элементов повседневной жизни жертв общественного темперамента делает роман интереснейшим историческим источником и даже не требует верификации отдельных элементов быта и образа существования: «Утром и днем тяжелый сон после оргии ночи. В третьем, четвертом часу усталое вставанье с грязной постели, зельтерская вода с перепоя, кофе, ленивое шлянье по комнатам в пеньюарах, кофтах, халатах, смотренье из-за занавесок в окна, вялые перебранки друг с другом; потом обмывание, обмазывание, душение тела, волос, примериванье платьев, споры из-за них с хозяйкой, рассматриванье себя в зеркало, подкрашивание лица, бровей, сладкая, жирная пища; потом одеванье в яркое шелковое обнажающее тело платье; потом выход в разукрашенную, ярко освещенную залу, приезд гостей, музыка, танцы, конфеты, вино, куренье и прелюбодеяния с молодыми, средними, полудетями и разрушающимися стариками, холостыми, женатыми, купцами, приказчиками, армянами, евреями, татарами, богатыми, бедными, здоровыми, больными, пьяными, трезвыми, грубыми, нежными, военными, штатскими, студентами, гимназистами – всех возможных сословий, возрастов и характеров. И крики и шутки, и драки и музыка, и табак и вино, и вино и табак, и музыка с вечера и до рассвета. И только утром освобождение и тяжелый сон. И так каждый день, всю неделю» [26, с. 15].

Хотя некоторые в романе в качестве основной видят любовную линию, все же Толстой с учетом его жизненной позиции и стремлением привлечь внимание граждан к социальным проблемам, в художественной форме призывает к разрушению порочной системы угнетения и насилия народа и к изменению общества, в котором возможны эксплуатация одного человека другим.

Несколько иные акценты и подходы использовал С.С. Юшкевич в своем исследовании падших женщин. Сюжетом его повести «Ита Гайна» (1902) стали темные стороны городского быта, а также размышления о противоречиях между материнством и проституцией.

Рассказ «Тьма» Л.Н. Андреева (1907), написанный после революции 1905–1907 гг. и под ее воздействием, построен на диалоге революционера, пытающегося скрыться от преследования полиции в одном из публичных домов, и проститутки по имени Люба. При этом молодой человек не скрывает своего презрения к публичным женщинам, но в результате общения герои приходят к мысли, что все люди одинаковы и связаны между собой, но при этом они так и не признали уникальности человеческой личности.

Ряд писателей были не только исследователями, защитниками и своеобразными глашатаями униженного и бесправного положения женщин, но и потребителями услуг проституток, что в то время не просто не подвергалось осуждению общественности, а было частью

повседневной жизни. Скорее осуждению и критике подвергалась государственная система регистрации, чем те, кто представлял сторону спроса. Среди тех, кто имел контакты с проститутками, Л. Андреев, А. Куприн, А. Блок. Вероятно, вряд ли Куприн написал бы столь реалистичный роман «Яма» (1909–1915), который называют «энциклопедией русской проституции», если бы не его знание подобных заведений изнутри. Хотя талантливым писателям, пожалуй, далеко не всегда требуется такое глубокое проникновение в атмосферу, чтобы создать произведение на века.

В «Яме» продемонстрированы не только сцены из жизни публичного дома, но и целого квартала киевских борделей в конце XIX в. Описание домов терпимости Куприным дает возможность представить типичную картину любого крупного российского города. Писатель показал разрядность борделей и, как следствие, уровень сервиса в них. «Самое шикарное заведение – Треппеля это старая фирма. Теперешний владелец ее носит совсем другую фамилию и состоит членом Городской управы. Дом двухэтажный зеленый с белым, выстроен в ложнорусском стиле, ковер с белой дорожкой на лестнице; в передней чучело медведя, держащее в протянутых лапах деревянное блюдо для визитных рамак; есть два кабинета с коврами, диванами и мягкими атласными пуфами; в спальнях – голубые и розовые фонари, канусовые одеяла и чистые подушки; обитательницы одеты в открытые бальные платья, опушенные мехом, или в дорогие маскарадные костюмы гусаров, пажей, рыбацек, гимназисток, и большинство из них – остзейские немки, крупные, белотелые, грудастые красивые женщины. У Треппеля берут за визит три рубля, а за всю ночь – десять.

Три двухрублевых заведения – Софьи Васильевны, "Старо-Киевский" и Анны Марковны – несколько поплоче, победнее. Остальные дома Большой Ямской – рублевые; они еще хуже обставлены. А на Малой Ямской, которую посещают солдаты, мелкие воришки, ремесленники и вообще народ серый и где берут за время пятьдесят копеек и меньше, совсем уж грязно и скудно: пол в зале кривой, облупленный и занозистый, окна завешаны красными кумачевыми кусками. спальни, точно стойла, разделены тонкими перегородками, не достающими до потолка, а на кроватях сверх сбитых сенников валяются скомканные кое-как, рваные, темные от времени, пятнистые простыни и дырявые байковые одеяла; воздух кислый и чадный, с примесью алкогольных паров и запаха человеческих извержений; женщины одеты в цветное ситцевое тряпье, по большей части хриплы и гнусавы, с полупровалившимися носами, с лицами, хранящими следы вчерашних побоев и царапин и наивно раскрашенными при помощи послюненной красной коробочки от папирос» [27, с. 6–7]. Из этого описания можно сделать выводы и составить представление о деталях интерьера, мебели, одежды, посуды и других предметах повсе-

дневной жизни, формах досуга, а также социальном и материальном неравенстве даже при посещении домов терпимости.

Куприн описывает бытовые подробности и человеческие взаимоотношения, рассказывает как о трагических судьбах проституток, так и о потребителях этих услуг, а также о сочувствующих и желающих им помочь. Среди последних репортер Платонов, студент Лихонин, пытающийся спасти проститутку Любку из гражданских соображений, но в конечном итоге ни к чему хорошему это не привело. Куприн оправдывает все недостатки проституток, включая их лживость, объясняя всё их униженным положением и эксплуатацией со стороны мужчин. В позиции и поведении Лухонина, вероятно, автор отразил неустойчивое отношение самого общества, несмотря на все перемены. Писатель лаконично, но жестко и резко негативно оценил словами репортера «вопли суетливых душ» в публицистике и передовых статьях, касающиеся падших женщин: «Ах, регламентация! Ах, аболиционизм! Ах, живой товар! Крепостное положение! Хозяйки, эти жадные гетеры! Эти гнусные выродки человечества, сосущие кровь проституток!..» [27, с. 63]. И далее устами все того же Платонова с большой теплотой, горечью, сочувствием и сожалением, ассоциируя их с детьми высказывает свое отношение к бедным женщинам, оказавшимся на краю жизни: «Судьба русской проститутки – о, какой это трагический, жалкий кровавый, смешной и глупый путь! Здесь все совместилось: русский бог, русская широта и беспечность, русское отчаяние в падении, русская некультурность, русская наивность, русское терпение, русское бесстыдство. Ведь все они, которых вы берете в спальни, поглядите, поглядите на них хорошенько, – ведь все они – дети, ведь им всем по одиннадцать лет. Судьба толкнула их на проституцию, и с тех пор они живут в какой-то странной, феерической, игрушечной жизни, не развиваясь, не обогащаясь оптом, наивные, доверчивые, капризные, не знающие что скажут и что сделают через полчаса – совсем как дети. Эту светлую и смешную детскость я видел у самых старых девок, заезженных и искалеченных, как извозчицьи клячи. И не умирает в них никогда эта бессильная жалость, это бесполезное сочувствие к человеческому страданию» [27, с. 70].

Хотя на современников «Яма» произвела скандальное впечатление, но рецензентами роман был признан неудачным. А Л.Н. Толстой после прочтения первых глав, сказал: «Очень плохо, грубо, ненужно грязно». Вероятно, ему как современнику Куприна было виднее, так как он сам создал глубокое произведение, посвященное падшим женщинам, а скорее просто тяжелой женской судьбе в российском обществе.

М. Горький поднимает тему проституции как в многочисленных рассказах, так и в своей трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты». В рассказе «Женщина с голубыми глазами» (1895) поли-

цейский несколько раз хотел продемонстрировать свою власть над проституткой, но каждый раз гуманизм возобладал над профессиональными обязанностями перед силой ее достоинства. Хотя, вероятно, здесь писатель, говоря о «достоинстве», явно выдавал желаемое за действительное, так как промысел проститутки очень быстро приводил не просто к унижению человеческого достоинства, но, как следствие, и к внутренней надломленности, оставляя лишь ни на чем не основанную браваду и вульгарность.

Рассказ М. Горького «Болесь» отличается несколько идеализированным сюжетом. В основе его письма, которые бедный студент по просьбе малограмотной проститутки Терезы пишет от ее имени воображаемому возлюбленному Болесю, и его ответы к ней. При этом героиня расплачивается со студентом починкой белья. Горький, полный гуманистических идеалов, пытается показать этакую романтическую проститутку, которая мечтает о любви и создает взаимоотношения с любимым в своём воображении.

Огромной проникновенностью вложил М. Горький в рассказ «Девочка», написанный в 1899–1900 гг. о ребенке лет одиннадцати, вынужденной зарабатывать себе на жизнь продажей не только своего худенького тела, но и своего здоровья. При прочтении он вызывает в «сердце тяжелый ужас» и не только еще большую жалость, а скорее, ненависть к тем, кто толкает детей на такие действия.

Писатели рассматривали разные пути ухода от тяжелой доли, некоторые герои видели его в самоубийстве. Об этом говорят Настя Крюкова («Что делать?») и Надежда Николаевна («Происшествие» В. Гаршин), а Женька («Яма») кончает собой.

Литераторы под влиянием демократических настроений в своих произведениях не только оправдывали падших женщин, но через своих героев высказывали негативное отношение к регламентации проституции и, как следствие, к деятельности врачебно-полицейских комитетов и их сотрудников. Высокий авторитет писателей способствовал и выработке общественного мнения к административно-розыскным функциям организации. А.И. Куприн в «Яме» с презрением описывает врача Клименко: «старый, опустившийся, грязноватый, ко всем равнодушный человек...» и добавляет такой штрих, что он «надел криво на нос пенсне». Даже описывая процедуру осмотра женщин, писатель старается использовать сравнения, которые явно не вызовут ни малейшей симпатии к доктору, а через него и к государственной политике в этом вопросе. «Вот уже около двадцати лет как ему приходилось каждую неделю по субботам осматривать таким образом несколько сотен девушек, и у него выработалась та привычная техническая ловкость и быстрота, спокойная небрежность в движениях, которая бывает часто у цирковых артистов, у карточных шулеров, у носильщиков и упаковщиков мебели и у других профессионалов. И

производил он свои манипуляции с таким же спокойствием, с каким гуртовщик или ветеринар осматривает в день несколько сотен голов скота, с тем хладнокровием, какое не изменило ему дважды во время обязательного присутствия при смертной казни.

Думал ли он когда-нибудь о том, что перед ним живые люди, или о том, что он является последним и самым главным звеном той самой странной цепи, которая называется узаконенной проституцией?..» [27, с. 272–273]. Прочитав это, вряд ли у читателей возникнет положительное отношение к органу регистрации падших женщин, даже если он и работал с целью ограничения распространения венерических заболеваний.

Свое личное негативное отношение не только к факту регламентации проституции, но и к деятельности Врачебно-полицейского комитета и его служащим выразил Л. Толстой в романе «Воскресение», описывая еженедельные поездки в государственное учреждение – участок, где «находившиеся на государственной службе чиновники, доктора-мужчины, иногда серьезно и строго, а иногда с игривой веселостью, уничтожая данный от природы для ограничения от преступления не только людям, но и животным стыд, осматривали женщин и выдавали им патент на продолжение преступлений, которые они совершили со своими сообщниками в продолжение недели» [28, с. 15]. В «Крейцеровой сонате» Позднышев обрушивается на докторов по ряду поводов, и в том числе с осуждением за их роль в обезвреживании и узаконении проституции.

Некоторые прогрессивно и романтически настроенные молодые люди не просто предпринимали попытки вытащить проститутку со дна и вернуть к нормальной жизни, но иногда даже женились на них. Из публичного дома вышла вторая жена Н. Некрасова – Фёкла Викторова. Не имевший никакого отношения к литературному творчеству, но не исключая вероятности, что совершил он свой поступок под влиянием произведений, рассказавших о тяжелой судьбе падших женщин, лейтенант П. Шмидт, потомственный дворянин и моряк, возглавивший восстание на крейсере «Очаков» в Севастополе в 1905 г., женился на проститутке Доминикии Павловой. Он заявил при этом родственникам и сослуживцам, что хочет вытащить ее из трясины и будет заниматься ее перевоспитанием. Но в результате жена оставила ему малолетнего сына и вернулась к своей прежней профессии. При этом Шмидт, несмотря на новую любовь, так и не развелся с ней. Делать из данного случая какие-то обобщающие и системные выводы о фатальной невозможности, а следовательно, и о нецелесообразности изменения судьбы падших женщин и безрезультатности их перевоспитания, вряд ли представляется правильным исходя из индивидуальности каждого человека, его психологии и его судьбы, а также складывающихся внутрисемейных отношений.

Хотя и были случаи, когда идеи, отраженные литераторами в своих произведениях, не совпадали с их поступками в реальной жизни. Речь идет о Чернышевском, «спасавшего» от женитьбы на проститутке своего друга Н. Добролюбова, которого любил как сына и считал допустимым не просто вмешиваться в его судьбу, но и фактически управлять ею. В комментариях к письмам Н. Добролюбова Чернышевский рассказывает об отношениях друга с Терезой Карловной Гринвальд, продолжавшихся с зимы 1856 г. до начала 1860 г., о намерении его жениться на ней и об их трудном разрыве. «...Ничего подобного в жизни Добролюбова я не предполагал. Кончилось это тем, что я, при его возвращении из Старой Руссы, – насильно, я его, который был еще тогда здоров и потому вдвое сильнее меня, – насильно повел из вокзала, где ждал его, – в карету, насильно втащил по лестнице к себе, – много раз брал снова в охапку и клал на диван: «прошу вас, лежите и уснете. Вы будете ночевать у меня – и я остался в комнате, пока он уснул. Драться со мною? – У него не поднялась бы рука на меня...» [29, с. 138]. Закончилось это тем, что Добролюбов отказался от женитьбы, хотя позднее он жалел об этом, так как у них с Терезой должен был быть ребенок.

Чернышевский после смерти друга опекал Гринвальд. В комментариях к письмам Добролюбова говорится, что благодаря «обеспеченному положению она мало-помалу выучилась добывать себе безбедный кусок хлеба трудом, полезным обществу» [30, с. 335]. Во время пребывания Чернышевского под арестом заботу о ней, «все еще неопытной, все еще нуждавшейся в чужом руководстве», взяла на себя его жена Ольга Сократовна.

В воспоминаниях поэта В. Ходасевича есть сюжет, когда он и А. Белый осенью 1907 г. кормили в одном из петербургских ресторанов уличную женщину, приставшую к ним около Публичной библиотеки и вызвавшую жалость у мужчин [31, с. 214].

М. Горький в мемуарах описал сцену, когда при посещении А. Блоком дома для свиданий на Караванной улице проститутка заснула у него на коленях, а он при этом оберегал ее сон [32, с. 333–334]. Тот же А. Блок в стихотворении «Незнакомка», написанном в 1906 г., изобразил проститутку, судя по ее утонченности, явно не из категории живших по «желтому билету», но промышлявшую в Озерках. После его публикации уличные женщины, знакомясь с клиентами, называли себя Незнакомками.

Пожалуй, в качестве некоего обобщающего девиза, который следует рассматривать как своеобразный гуманистический идеал взаимоотношений между людьми в свете исследования отношения общества к проституции является мысль Нехлюдова, хотя далеко и не самого положительного героя Л. Толстого: «Взаимная любовь между людьми есть основной человеческий закон». К ней героя явно под-

толкнуло не только его воспитание, но и те грязные, унижительные стороны жизни женщин, вынужденных заниматься проституцией, о которых он узнал.

В целом же литераторы подходили к художественному отражению проституции исключительно с точки зрения морально-нравственных норм, характерных для второй половины XIX – начала XX в., вкладывая в уста своих героев собственные оценки состояния общества.

Описание сюжетов и образов из повседневной жизни проституток в художественном произведении безусловно можно рассматривать как материал для исследований в сфере социальной истории. Литература бесспорно помогает утонченному восприятию и разносторонней оценке событий и явлений, которые порой ускользают от обнаружения их традиционными способами и недоступны в рамках анализа документов.

Список литературы

1. Кузнецов М. История проституция в России. 1871 // История проституции. – СПб.: БРАСК, 1994. – 398 с.
2. Дерюжинский В. Заметки об общественном призрении. – М.: Тип. «Рус. вед.», 1893. – 87 с.
3. Елистратов А.И. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией // Публичные лекции. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1911. – 45 с.
4. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм: доклад русскому Сифилидологическому и Дерматологическому обществам профессора Тарновского. – СПб.: Изд. К. Рикера, 1888. – 261 с.
5. Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в Петербурге. – СПб.: Тип. С.-Петербур. градоначальства, 1897.
6. Авчинникова В.В. О регламентации проституции. (Докладная записка, лично представленная кандидатом на степень доктора Парижского университета В.В. Авчинниковой министру внутренних дел В.К. фон Плеве 24 января 1904 г.). – СПб.: Тип. М. Акинфиева и Л. Леонтьева, 1904. – 15 с.
7. Покровская М.И. Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. – СПб.: С.-Петерб. электропечатня, 1902.
8. Грацианский П. Опыт врачебно-статистического исследования о венерических болезнях в проституционном классе Санкт-Петербурга. – СПб.: Тип. Я. Трея, 1871.
9. Кузнецов М. Проституция и сифилис в России: ист.-статист. исслед. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1871.
10. Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция С.-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. – СПб.: Первая скоропечатня «Надежда», 1896. – 110 с.
11. Статистика Российской империи. XIII. Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / под ред. А. Дубровского. – СПб.: Тип. МВД, 1890. XXXVI, 85. – 39 с.
12. Дети-преступники: сб. ст. с предисл. и под ред. М. Н. Гернета. – М.: Знаменский, 1912. – 550 с.
13. Елистратов А.И. ...О прикреплении женщины к проституции (Врачебно-полицейский надзор). – Казань: Тип. Имп. ун-а, 1903. – 45 с.
14. Огороков В.П. Возвращение к честному труду падших женщин: Сфера деятельности учреждений Марии Магдалины в Москве. – М.: Город. тип., 1888. – 65 с.

15. Бентовин Б.И. Девочки-проститутки. – СПб.: Тип. Л.Д. Сапер, 1910. – 64 с.
16. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование врача П.Н. Тарновской. – СПб.: Тов. худож. печати, 1902. – 512 с.
17. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 219 с.
18. «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литературоведов, фольклористов, правоведов и богословов (XIX – начала XX в.) / под ред. Н.Л. Пушкарёвой и Л.В. Бессмертных: в 3 кн. Кн. 3. – М.: Ладомир, 2004. – 951 с.
19. Нижник Н.С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2012. – № 2 (54). – С. 11–18.
20. Зюбан М.Н. Политика российского государства в отношении женской проституции: середина XIX столетия – 1917 год // Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – 2008. – № 77. – С. 82–86.
21. Мартыненко Н.К. Регламентация проституции в России в середине XIX – начале XX в. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2010. – 180 с.
22. Муравьёва М. Государственное призрение проституции в предреволюционном Петербурге // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век: сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: науч. кн.: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. – С. 158–203.
23. Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1964. – № 14. – С. 76–85.
24. Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 73–82.
25. Панаев И.И. Повести. Очерки / сост. А. Л. Основата и В. А. Туниманова; вступ. ст. В. А. Туниманова; примеч. А. Л. Основата; худож. М.З. Шлосберг. – М.: Сов. Россия, 1986. – 368 с.
26. Толстой Л.Н. Крейцера соната // Собр. соч.: в 12 т. – Т. 10. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 79–145.
27. Куприн А.И. Яма // Собр. соч.: в 9 т. – Т. 6. – М.: Правда, 1964. – С. 150–434.
28. Толстой Л.Н. Воскресение // Собр. соч.: в 12 т. – Т. 11. – М.: Худож. лит., 1975. – 484 с.
29. Чернышевский Н.Г. Письмо Пыпину от 25 февраля 1878 г. Полное собрание сочинений: в 15 т. – Т. 15. – М., 1950. – С. 138.
30. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. – М.-Л.: Худож. лит., 1964. – С. 335.
31. Серебряный век: Мемуары / сост. Т. Дубинская-Джалилова; предисл. Н. Богомолова. – М.: Известия, 1990. – 670 с.
32. Горький М. Соч.: в 30 т. – Т. 15. – М., 1951. – С. 333–334.

References

1. *Kuznetsov M. Istoriya prostitutsiya v Rossii. 1871* [History of prostitution in Russia. 1871] // *Istoriya prostitutsii* [History of prostitution]. – СПб.: «BRASK», 1994. – 398 p.
2. *Deryuzhinskii V. Zametki ob obshchestvennom prizrenii* [Notes on public charity]. – М.: тип. «Rus. Ved.», 1893. – 87 p.
3. *Elistratov A.I. Zadachi gosudarstva i obshchestva v bor'be s prostitutsiei* [Tasks of the state and society in the fight against prostitution] // *Publichnye lektsii* [Public lectures]. – М.: Типография А.Р. Поплавского, 1911. – 45 p.

4. *Tarnovskii V.M. Prostitutsiya i abolitsionizm. Doklad russkomu Sifilidologicheskomu i Dermatologicheskomu obshchestvam professora Tarnovskogo* [Prostitution and abolitionism. Report to the Russian Syphilitological and Dermatological Societies by Professor Tarnovsky]. – SPb.: izd. K. Rikera, 1888. – 261 p.

5. *Fedorov A.I. Ocherk vrachebno-politseiskogo nadzora za prostitutsiei v Peterburge* [Essay on medical and police supervision of prostitution in St. Petersburg]. – SPb.: Tipografiya S.-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1897.

6. *Avchinnikova V.V. O reglamentatsii prostitutsii. (Dokladnaya zapiska, lichno predstavlenaya kandidatom na stepen' Doktora Parizhskogo Universiteta V.V. Avchinnikovoii Ministru Vnutrennikh del V.K. fon-Pleve 24 yanvarya 1904 g.)* [On the regulation of prostitution. (Memorandum personally submitted by the candidate for degree of Doctor of Paris University V.V. Avchinnikova to the Minister of Internal Affairs V.K. von Pleve, January 24, 1904)]. – SPb.: Tipografiya M. Akinfieva i L. Leont'eva, 1904. 15 p.

7. *Pokrovskaya M.I. Vrachebno-politseiskii nadzor za prostitutsiei sposobstvuet vyrozhdeniyu naroda* [Medical and police supervision of prostitution contributes to the degeneration of the people]. – SPb.: S.-Peterburgskaya elektropечатnya, 1902.

8. *Gratsianskii P. Opyt vrachebno-statisticheskogo issledovaniya o venericheskikh boleznyakh v prostitutsionnom klasse Sankt-Peterburga* [Experience of medical and statistical research on sexually transmitted diseases in the prostitution class of St. Petersburg]. – SPb.: Tipografiya Ya. Treya, 1871.

9. *Kuznetsov M. Prostitutsiya i sifilis v Rossii: Istoriko-statisticheskie issledovaniya* [Prostitution and syphilis in Russia: Historical and statistical studies]. – SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1871.

10. *Oboznenko P.E. Podnadzornaya prostitutsiya S.-Peterburga po dannym vrachebno-politseiskogo komiteta i Kalinkinskoi bol'nitsy* [Supervised prostitution of St. Petersburg according to the medical-police committee and the Kalinkinsky hospital]. – SPb.: Pervaya skoropechatnya «Nadezhda», 1896. – 110 p.

11. *Statistika Rossiiskoi imperii. XIII. Prostitutsiya v Rossiiskoi imperii po obsledovaniyu 1 avgusta 1889 goda* [Statistics of the Russian Empire. XIII. Prostitution in the Russian Empire according to a survey on August 1, 1889]. Ed. A. Dubrovskogo. – SPb.: Tipografiya MVD, 1890. – XXXVI, 85, 39 p.

12. *Deti-prestupniki. Sbornik statei s predisloviem i pod red. M. N. Gerneta* [Children-criminals. Collection of articles with a preface and ed. by M.N. Gernet]. – M.: Znamskii, 1912. 550 p.

13. *Elistratov A.I. ...O prikreplenii zhenshchiny k prostitutsii (Vrachebno-politseiskii nadzor)* [... On the attachment of a woman to prostitution (Medical and police supervision)]. – Kazan': Tipografiya Imp. universiteta, 1903. 45 p.

14. *Okorokov V.P. Vozvrashchenie k chestnomu trudu padshikh zhenshchin: Sfera deyatel'nosti uchrezhdenii Marii Magdaliny v Moskve* [Return to the honest work of fallen women: The scope of the institutions of Mary Magdalene in Moscow]. – M.: Gorodskaya tipografiya, 1888. 65 p.

15. *Bentovin B.I. Devochki-prostitutki* [Girls-prostitutes]. – SPb.: Tipografiya L.D. Saper, 1910. – 64 p.

16. *Tarnovskaya P.N. Zhenshchiny-ubiitsy. Antropologicheskoe issledovanie vracha P.N. Tarnovskoi* [Women killers. Anthropological study of doctor P.N. Tarnovskaya]. – SPb.: «Tov. khudozh. Pechati», 1902. – 512 p.

17. *Lebina N.B., Shkarovskii M.V. Prostitutsiya v Peterburge. (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in Petersburg. (40s of the XIX century – 40s of the XX century)]. – M.: Progress-Akademiya, 1994. – 219 p.

18. «A se grekhi zlye, smertnye...»: *Russkaya semeinaya i seksual'naya kul'tura glazami istorikov, etnografov, literaturovedov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov (XIX – nachala XX veka)* [«All sins are evil, mortal...»: Russian family and sexual culture through the eyes of historians, ethnographers, literary scholars, folklorists, legal scholars and theologians (XIX – early XX centuries)] / Ed. N.L. Pushkarevoi i L.V. Bessmertnykh. In 3 books. Book 3. – M.: Ladomir, 2004. – 951 p.

19. *Nizhnik N.S. Deyatel'nost' vrachebno-politseiskikh komitetov Ministerstva vnutrennikh del po osushchestvleniyu sotsial'nogo kontrolya nad deviantnym povedeniem v rossiiskom obshchestve* [Activities of the medical and police committees of the Ministry of Interior Affairs to exercise social control over deviant behavior in Russian society] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – 2012. – № 2 (54). – P. 11–18.

20. *Zyuban M.N. Politika rossiiskogo gosudarstva v otnoshenii zhenskoi prostitutsii: seredina XIX stoletiya – 1917 god* [The policy of the Russian state in relation to female prostitution: the middle of the XIX century – 1917] // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Bulletin of the Herzen Russian State Pedagogical University]. – 2008. – № 77. – P. 82–86.

21. *Martynenko N.K. Reglamentatsiya prostitutsii v Rossii v seredine XIX – nachale XX vekov* [Regulation of prostitution in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries]. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2010. 180 p.

22. *Murav'eva M. Gosudarstvennoe prizrenie prostitutsii v predrevolyutsionnom Peterburge* [State charity of prostitution in pre-revolutionary Petersburg] // *Nuzhda i porjadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX vek* [Need and order: the history of social work in Russia, XX century] / Ed. P. V. Romanova, E. R. Yarskoi-Smirnovoi. – Saratov: Nauchnaya kniga: Tsentr sotsial'noi politiki i gendernykh issledovaniy, 2005. – P. 158–203.

23. *Predtechenskii A.V. Khudozhestvennaya literatura kak istoricheskii istochnik* [Fiction as a historical source] // *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of the Leningrad University]. – 1964. – № 14. – P. 76–85.

24. *Gumilev L.N. Mozhet li proizvedenie izyashchnoi slovesnosti byt' istoricheskim istochnikom?* [Can a work of graceful literature be a historical source?] // *Russkaya literatura* [Russian literature]. – 1972. – № 1. – P. 73–82.

25. *Panaev I.I. Povesti. Ocherki* [Stories. Essays] / sost. A.L. Osnovata i V.A. Tunimanova; Vstup. st. V.A. Tunimanova; Primech. A.L. Osnovata; Khudozh. M.Z. Shlosberg. – M.: Sov. Rossiya, 1986. – 368 p.

26. *Tolstoi L.N. Kreitserova sonata* [Kreutzer's Sonata] // *Sobranie sochinenii v 12 tt. T. 10.* – M.: «Khudozh lit.», 1975. – P. 79–145.

27. *Kuprin A. I. Yama* [Pit] // *Sobranie sochinenii v 9 tt. T. 6.* – M.: izdatel'stvo «Pravda», 1964. – P. 150–434.

28. *Tolstoi L.N. Voskresenie* [Resurrection] // *Sobranie sochinenii v 12 tt. T. 11.* – M.: «Khudozh lit.», 1975. – 484 p.

29. *Chernyshevskii N.G. Pis'mo Pypinu ot 25 fevralya 1878 g.* [Letter to Pypin on February 25, 1878] // *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t. T. 15.* – M., 1950. – P. 138.

30. *Dobrolyubov N.A. Sobr. soch. v 9 t.* [Collected Works in 9 vol.] T. 9. – M-L.: izd-vo «Khudozhestvennaya literatura», 1964. – P. 335.

31. *Serebryanyi vek: Memuary* [Silver Age: Memoirs] / [Sost. T. Dubinskaya-Dzhalilova; Predisl. N. Bogomolova]. – M.: Izvestiya, 1990. – 670 p.

32. *Gor'kii M. Soch. v 30-ti tt.* [Collected Works in 30 vol.] T. 15. – M., 1951. – P. 333–334.

Е.Н. Крылова

Газета «Чиновник» – парадокс или корпоративное средство массовой информации начала XX в.?

Статья посвящена газете «Чиновник», организованной в Санкт-Петербурге с целью защиты интересов чиновников. В феврале 1912 г. вышел первый пробный номер и газета прекратила свое существование. Редактором и издателем газеты стали А.О. Глембоцкий и Н.И. Герасимов, занимавшиеся профессионально издательским делом. Проведенный анализ структуры номера газеты позволяет типологически отнести газету «Чиновник» к корпоративным средствам массовой информации. Начавшая выходить в октябре 1912 г. «Газета чиновника», издателем которой стал Н.И. Герасимов, по структуре рубрик и программе стала продолжением газеты «Чиновник». Можно говорить о том, что появление средства массовой информации такого типа сигнализирует об изменениях, происходящих в обществе в начале XX в. Чиновники начинают объединяться для законного противодействия и защиты своих интересов.

Ключевые слова: пресса, общественное мнение, газеты Санкт-Петербурга в начале XX в., газета «Чиновник», чиновники, чиновничество, газеты в 1912 г., профессиональные СМИ в России в начале XX в., корпоративные СМИ в начале XX в., А.О. Глембоцкий, М.О. Глембоцкий, Н.И. Герасимов.

Е.Н. Krylova

Is the newspaper "The civil servant" a paradox or a corporate media of the early XX century?

The article is dedicated to the newspaper "The civil servant" that was organized in St. Petersburg to defend the interests of officials. In February 1912, the first issue of the newspaper was published and the newspaper ceased to exist. The editor and publisher of the newspaper were A. Glembotskiy and N. Gerasimov, who were engaged in professional publishing. The analysis of the structure of the newspaper number allows to classify the newspaper "The civil servant" as the corporate media. In October, 1912, the first issue of "The newspaper of the civil servant" was released, the publisher of which was N. Gerasimov. According to the structure of headings and program, it became a successor of the newspaper "The civil servant". The author's research reveals that the emergence of media of this type indicates the changes occurring in society in the early XX century. The officials tend to unite for legitimate counteraction and protection of their interests.

Key words: the press, public opinion, St. Petersburg Newspapers in the early XX century, the newspaper "The civil servant", bureaucrats, officials, Newspapers in 1912, the professional media in Russia in the early XX century, the corporate media in the early XX century, A.O. Glembotskiy, M.O. Glembotskiy, N. Gerasimov.

*Большой удел судьбой мне не дан,
И я вперед не выдаюсь,
Начальству всей душой предан
И, страх, полиции боюсь [1, с. 2].*

Вопросы функционирования государственного аппарата Российской империи конца XIX – начала XX в. не перестают интересовать современных исследователей. Изучаются не только социальная структура чиновничества, его численность и политика самодержавия в области его формирования и законодательной базы [2–6], но и региональные аспекты темы [7–10]. Защищена целая серия кандидатских диссертаций [11–15]. Исследуются отдельные аспекты пенсионных прав супругов чиновников [16], расследования должностных преступлений [17], правовые ограничения, связанные со службой [18], финансовое положение и условия деятельности государственных чинов разного ранга [19].

Однако вопрос о периодической печати для такого многочисленного слоя Российской империи как чиновничество до сих пор остается открытым. В ключе данной работы отметим статью А.А. Оспановой [19] о некоторых аспектах повседневности чиновников, где на примере номеров «Вестника чиновника» за 1912–1913 гг. делается вывод об особенностях быта и несения службы чиновником, а также работу Н.Г. Чевтаевой [4], где анализируется журнал «Спутник чиновника», однако автора больше интересует методика социологического исследования чиновничества, нежели сама пресса; использованные в работе издания служат лишь материалом для сбора необходимой информации и не являются предметом самостоятельного изучения.

Уникальность газеты «Чиновник» заключается в том, что в свет вышел только один номер. Тираж газеты составил 100 тыс. экземпляров, что для изданий того периода – просто гигантская цифра. Ведь тиража периодических изданий начала XX в. в среднем был незначительным [подробнее см. 20]. Только небольшое число изданий выпускали номера тиражом более тысячи экземпляров. «По полученным сведениям тираж столичных газет выражается в следующих цифрах: "Копейки" – петербургские и две московские, в общем, до 500 000 экземпляров. "Русское слово" – около 170.000, "Бирж. Ведомости" – 130.000, "Совр. слово" – 60.000, "Нов. время" – 45.000, "Речь" – 40.000, "Свет" – 30.000, "Русские ведомости" – 21.000, "Гол. Москвы" – 8.000, "Россия" – 7.000, "Земщина" – 6.000, "Русск. Знамя" – 3.000, "Моск. ведомости" – 1.600, "Гроза" печатается в количестве 1.500 экз. О тираже провинциальных газет точных сведений не имеется, но по данным обследования (почти все местные газеты печатаются еще на плоских машинах) и отзыву лиц, он вообще значительно меньший, по сравнению со столичной печатью: максимум 20 тыс., средний – 3–5 тыс. и так

же, как в столичной печати, понижается в зависимости от направления – от левого фланга к правому» [21, л. 276–277].

Цель данного исследования – определить, является ли газета «Чиновник», имеющая всего один номер, прообразом корпоративного средства массовой информации начала XX в. или это эксперимент редактора, закончившийся неудачей. Нужно отметить, что как до революции 1905–1907 гг., так и после нее, несмотря на изменившиеся правила открытия повременных изданий, в Санкт-Петербурге существовал ряд изданий, выходявших в свет несколько раз или даже после разрешения к печати не выходявших ни разу по разным, не зависящим от Главного управления по делам печати причинам [20].

Для определения типа средства массовой информации необходимо проанализировать целевую аудиторию. А для этого нужно понять, кто такой чиновник в начале XX в., определить численность чиновничества, чтобы понять, почему тираж единственного номера газеты составляет 100 тыс., рассмотреть программу издания и выявить, каким образом редактор планировал удовлетворять информационные потребности аудитории, провести анализ издательских характеристик номера, содержательной модели средства массовой информации (которая включает в себя основные тематические направления издания и соотношение публикаций на разные темы, систему рубрик, жанровую систему, структуру издания, требования к стилю, языку, особенности подачи информации [22, с. 103], зависящие от задач СМИ и особенностей целевой аудитории), определить функции корпоративного СМИ, и, наконец, исходя из определений корпоративных СМИ понять, является ли газета «Чиновник» примером корпоративного издания.

Обращаясь к современным исследователям корпоративных СМИ, отметим определение, которое дает Юрий Владимирович Чемякин: «Периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, Интернет-сайт, интернет-портал или иная форма периодического распространения информации, служащая интересам определенной корпорации, созданная по ее инициативе и предназначенная, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации» [22, с. 6] и далее он добавляет: «корпоративные СМИ с полным основанием можно считать особым, инструментальным видом специализированной прессы» [22, с. 8].

Продолжая эту тему, А.П. Шинкарева в работе «Корпоративные СМИ» утверждает, что «в истории российской журналистики современной корпоративной прессе как особому виду деловых изданий предшествовало уверенное развитие деловой и отраслевой периодики XIX – начала XX в.» [23, с. 14]. Рассматривая исторические предпосылки становления и развития корпоративных СМИ, автор утверждает, что «первые внутрифирменные издания появились в Европе в 1830-х гг. в процессе перехода к машинному производству» [23,

с. 8]. Специализированные газеты или журналы издавались сообществами и отдельными гражданами, для которых издательский бизнес соотносился и с личным профессиональным делом [23, с. 40].

А.Ю. Горчева обращает внимание на группу деловых изданий с достаточно узкой направленностью, такие, например, как «Листок для рабочих портных, портних и скорняков». «В Петербурге стали издаваться журналы, адресованные определенным профессиональным группам, деятельность которых постепенно включалась в правовые рамки: «Жизнь конторщика», «Жизнь приказчика», «Голос приказчика», «Листок булочников и кондитеров» и многие другие. На страницах этих изданий разъяснялись права и обязанности работающих в обозначенной области, рассказывалось о конфликтах с начальством» [24, с. 100].

О.В. Сляднева [25] условно разделяет все профессиональные издания на два типа. Первый тип составило большинство профессиональных изданий – это газеты и журналы, возникшие на волне революционной борьбы с целью организовать рабочих в профессиональные союзы [25, с. 166], и второй тип – газеты и журналы, далекие от классовой борьбы, ставившие своей целью повышение авторитета профессии, развитие отрасли, обмен профессиональным опытом и профессиональной информацией [25, с. 178].

Значительное количество изданий типологически А.П. Шинкарева относит к категории деловых и корпоративных журналов и газет, рожденных быстрым ростом российской промышленности и капиталистических отношений во второй половине XIX в. [23, с. 23]. Деловые издания узкой специализации она относит к отраслевым или корпоративным [23, с. 24]. Говоря об изданиях для разных категорий ремесленников и представителей мелкой кустарной промышленности, профессиональную прессу для государственных служащих А.П. Шинкарева не затрагивает.

Таким образом, соглашаясь с А.П. Шинкаревой, мы можем говорить о том, что в начале XX в. роль современных корпоративных СМИ выполняли деловые или отраслевые издания.

Определяя место корпоративных СМИ в комплексе корпоративных коммуникаций, С. Бровка выделяет следующие аспекты:

1) канал коммуникаций с различными аудиториями, прежде всего с внутренней (сотрудники, персонал организации),

2) самостоятельный компонент медиарынка, влияющий на формирование информационного поля вокруг организации,

3) средство приложения усилий менеджмента организации (включая представителей коммуникационных служб – PR-подразделений) с целью увеличения публичного капитала, а следовательно, и рыночной оценки организации [26, с. 187].

В нашем случае газета «Чиновник» – это канал коммуникации между государственными служащими, обмен опытом, мнением и самостоятельный элемент, влияющий на формирование информационного поля о государственной власти и отношения к ней.

При всем многообразии типологии СМИ [27] вопрос о профессиональных, отраслевых и корпоративных средствах массовой информации госслужащих в начале XX в. в отечественной историографии не поднимался.

28 сентября 1911 г. было выдано свидетельство № 3101 [28, л. 1] на выпуск в свет в Санкт-Петербурге газеты «Чиновник» по программе, состоящей из 16 пунктов, с доставкой и пересылкой на 1 год – 6 р., за границу – 10 р. Издателем и редактором газеты стал Александр Онуфриевич Глембоцкий, проживающий по адресу: Санкт-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 27. Издание планировалось печатать в типографии товарищества «Слово».

14 февраля 1912 г. было получено второе свидетельство за № 3318 [28, л. 2]. Подписная цена на год с доставкой и пересылкой составляла уже 4 р. Издателями газеты в свидетельстве обозначены Александр Онуфриевич Глембоцкий и Николай Игнатьевич Герасимов, редактором – Александр Онуфриевич Глембоцкий. И в этот раз в документе значится: «Издание будет печататься в типографии Глембоцкого, Калашниковский пр., д. 7» [28, л. 2]. Этот же адрес указан и в первом номере газеты «Чиновник», только с пометкой: «Типография "Жизнь"». Сопоставляя эти два свидетельства, можно говорить, что открытие газеты было намечено еще на октябрь 1911 г., но в силу ряда причин, возможно, проблемы с местом издания, выход в свет был отложен. Также подешевела подписка на газету и издателей стало двое. Возможно, А.О. Глембоцкий купил типографию.

Второе свидетельство было получено 14 февраля и уже на следующий день, 15 февраля 1912 г., в Санкт-Петербурге вышел первый, пробный номер ежедневной литературной, общественной и экономической газеты, посвященной интересам чиновников и служащих в общественных учреждениях [29].

Ф. Морель полагает, что модель корпоративного издания должна содержать следующие материалы: колонку редактора, стратегию развития, финансовую и экономическую информацию, техническую информацию, социальную информацию, новости в отрасли, страницу развлечений [22, с. 104].

Если рассматривать газету «Чиновник» как корпоративный орган печати, то можно говорить о том, что в газете присутствовали все необходимые элементы указанной модели: к колонке редактора можно отнести «Передовую статью» – «Читателям», к стратегии развития – ту же статью «Читателям», к финансовой и экономической информации – раздел «С.-Петербургская биржа»; к социальной информации –

разделы «Хроника», «Вечерняя хроника (в обществах и собраниях, разные новости, некрологи)»; к рубрике «Новости в отрасли» – «Приказы по гражданским ведомствам о назначениях, перемещениях, увольнении и пр.», «Отголоски провинциальной жизни чиновников (сообщения собственных корреспондентов)»; страница развлечений представлена разделами «Фельетон», «Театр и музыка». Помимо этого, в номер газеты были включены следующие разделы: «В Государственной думе», «Телеграммы С.-Петербургского агентства и собственных корреспондентов», «Злободневные статьи на политические и служебные общие темы», «Внешние и внутренние известия», «Письма в редакцию», «Из газет и журналов», «Справочник», «Календарь».

Отметим, что отдельно, несмотря на наличие раздела «Злободневные статьи на политические темы», в газете выделен раздел «В Государственной думе». Как считает А.Н. Егоров, анализируя каналы поступления информации о работе Государственной думы, «информацию о ее деятельности простой обыватель мог получить либо от депутата своей губернии, либо из прессы» [30, с. 319]. Однако важнейшим каналом по ряду причин становилась пресса [30, с. 319]. Неслучайно поэтому данный раздел имел место в новом органе печати.

Главной задачей газеты была обозначена защита интересов лиц, служащих в правительственных, общественных и сословных учреждениях, т. е. мы можем говорить о формировании корпоративной культуры и имиджа профессии государственного служащего.

Пробный номер был издан тиражом сто тысяч экземпляров, которые должны были быть разосланы в общественные и сословные учреждения. Редактор отмечает в передовой статье, что «быстрый отклик со стороны господ чиновников, даст нам возможность приступить к правильному выпуску газеты с 1 марта» [29].

Передовая статья включает в себе просьбу распространять экземпляры среди сослуживцев и знакомых и всеми мерами способствовать широкому оповещению чиновников о новой газете, ее цели и намерениях, популяризировать мысль о необходимости существования такого органа печати и о той пользе, которую он должен принести многотысячной массе чиновников освещением их служебного быта, нужд и потребностей. При этом сообщалось также, что редакция брала на себя наведение справок в министерствах и других правительственных и общественных учреждениях по запросам подписчиков.

Редактором газеты стал Александр Онуфриевич Глембоцкий. О самом А.О. Глембоцком удалось узнать, что он являлся редактором-издателем иллюстрированного общественного, политического, экономического и литературного журнала «Почтово-телеграфное эхо» в Бессарабской губернии (первый пробный номер журнала вышел 1 января 1906 г. и был отпечатан в Кишиневе [31, л. 22]), затем с 1910 по

1913 г. редактором и издателем еженедельного иллюстрированного журнала для чинов почтово-телеграфного ведомства «Почтово-телеграфный вестник». В характеристиках петербургских периодических изданий «Почтово-телеграфному вестнику» дано следующее описание: «журнал в значительной степени, имеющий профессиональный характер. Общеполитических вопросов журнал не касается» [32, л. 131]. Как отмечает С.О. Сидорова в своей работе «Минский почтово-телеграфный округ на рубеже XIX–XX вв.», А.О. Глембоцкий занимался «вопросами развития почтово-телеграфного дела в Российской империи» [33, с. 4]. Отметим следующие его труды [34–42], среди которых в контексте данной работы интерес представляют «Почтовые правила: Краткий курс для изучения службы на должность п. т. Чиновника» [43]. Из формулярного списка Александра Онуфриевича Глембоцкого [31, л. 4–13], составленного на 1905 г. следует, что он родился 19 декабря 1865 г., был женат, начал государственную службу в 1881 г. сортировщиком и к 1901 г. дослужился до начальника Унгенской почтово-телеграфной конторы, а в 1903 г. за выслугу лет был произведен в надворные советники со старшинством [31, л. 13]. В характеристике, которая была дана Бессарабским губернатором А.О. Глембоцкому для Главного управления по делам печати, отмечено, что он «поведения и нравственных качеств хороших, в политической неблагонадежности не замечался, в публицистике и других литературных работах неизвестен, материальные средства его небольшие» [31, л. 21].

Известно также, что у него был брат – Михаил Онуфриевич Глембоцкий, который 30 лет отслужил в Почтово-телеграфном ведомстве. Согласно формулярному списку за 1914 г. [44, л. 2–4] о его службе, Михаил Онуфриевич Глембоцкий родился 13 ноября 1866 г., потомственный дворянин без имени; был женат, имел двух дочерей, занимал различные должности в почтово-телеграфных конторах Кишиневского почтово-телеграфного округа с 1887 по 1917 гг., православного вероисповедания, был награжден орденами Св. Анны III степени и Св. Станислава III степени. В разное время был почтово-телеграфным чиновником 6-го разряда Хотинской почтово-телеграфной конторы, Бердерской почтово-телеграфной конторы, почтово-телеграфным чиновником 5-го разряда Проскуровской почтово-телеграфной конторы, с 1894 г. – начальником Гусятинского почтово-телеграфного отделения, с 1907 г. – начальником Городокской почтово-телеграфной конторы 6 класса, с 1910 г. начальником Гайсинской почтово-телеграфной конторы 5 класса.

В 1913 г. при назначении начальником Гайсинской почтово-телеграфной конторы 4 класса М.О. Глембоцкому была дана следующая характеристика: «надворный советник Глембоцкий, прослуживший в почтово-телеграфном ведомстве свыше 25 лет, из коих в

самостоятельной должности 19 лет, по своим хорошим служебным и нравственным качествам вполне заслуживает помянутого назначения» [44, л. 11–11 об.]. В 1917 г.: «Знает хорошо службу и исполняет такую старательно, при отличных нравственных качествах» [44, л. 15].

В 1917 г., когда по состоянию здоровья он не смог выполнять свои обязанности и ходатайствовал о назначении в Сухум, для него было выделено место и в штат Сухумской почтово-телеграфной конторы с 1 марта 1917 г., была добавлена должность чиновника 1-го разряда «для предоставления таковой начальнику Гайсинской почтово-телеграфной конторы 4 класса, коллежскому советнику Глембоцкому, о чем и объявить ему, на прошение от 20 декабря минувшего года» [44, л. 21].

Приведенный выше материал подтверждает слова редактора газеты «Чиновник» о том, что жизнь и труды, нужды и потребности редактору, еще вчера принадлежавшему «к лицам этой же группы и тянувшим одну с ними лямку – хорошо известны», и редактор со спокойной совестью заверяет «наших бывших коллег, что их профессиональные нужды будут предметом особых попечений "Чиновника"» [29]. Действительно, зная ситуацию изнутри, являясь редактором журналов и имея брата, проработавшего на момент открытия газеты около 25 лет на государственной службе чиновником в почтово-телеграфном ведомстве, Александр Онуфриевич имел необходимый опыт и связи, чтобы открыть профессионально-ориентированный орган печати.

В планах редактора было освещать служебное и экономическое положение чиновников и совместить в газете два отдела: специально-чиновничий и общегазетный.

Редактор заверял своих будущих читателей в том, что редакция будет придерживаться этических принципов и норм морали не только по политическим мотивам, а и потому, что «вся крикливость лжепатриотов, обливающих друг друга ушатами помой и уличающих друг друга в продажности и пользовании "темными деньгами", вызывает в нас чувство гадливости с чисто этической точки зрения» [29]. О методах «черного PR», используемых в политической борьбе начала XX в., пишет в своей работе А.Н. Егоров [подробнее см. 45].

Поскольку чиновникам было запрещено принадлежать к какой-либо партии, то газета ««Чиновник» будет беспартийным органом печати и умеренно-прогрессивным, с лозунгом: «Всегда вперед, но без головоломных скачков в неизвестные пространства»» [29].

В программе новой газеты определена целевая аудитория – тот круг людей, на которых был ориентирован новый орган печати – чиновники среднего и низшего классов. Для того чтобы понять, на кого был направлен информационный поток, обратимся к специалистам, занимавшимся изучением истории чиновничества начала XX в.

В самой газете редактор определяет чиновников как не только «лиц, служащих в правительственных учреждениях, чиновников в узком значении этого слова, а и тружеников канцелярий общественных и сословных учреждений» [29].

Н. Рубакин считает чиновником только тех, кто «на свою должность назначается или в ней утверждается, кто получает это свое назначение или утверждение или от главы правительства, или от того лица, которому верховная власть делегировала это право и кто сам осуществляет одно из прав государственного верховенства» [46, с. 115].

Выделяя чиновничество из общей массы государственных служащих, Б.Б. Дубенцов не включает в его состав рабочих государственных предприятий, обслуживающий персонал государственных учреждений (курьеров, швейцаров), низших чинов полиции, служащих земств и городов, технических почтово-телеграфных служащих, врачей, преподавателей, деятелей науки, не занимавших административных должностей» [11, с. 11].

Отметим, что советская историческая энциклопедия дает следующее определение: «Чиновничество – это особая привилегированная прослойка населения, находившаяся на гражданской государственной службе и специализировавшаяся на управлении и делопроизводстве» [47, с. 43].

Служба чиновников была строго регламентирована порядками определения на службу, ее прохождения, ухода на пенсию и т. п. Нормативно-правовая база была собрана в «Устав о службе гражданской» [48].

Каждой должности соответствовал определенный класс, что было зафиксировано в штатных расписаниях ведомств и учреждений. Определение на должность зависело от класса должности и имеющегося чина. На низшие должности (12 и 14 классов) разрешалось определять лиц, не имевших классовых чинов. Лица, уволенные из военной службы, имели право поступать в гражданскую с сохранением военных чинов. Наряду с военной и гражданской службой для дворян была открыта служба по выборам.

Все находившиеся на военной или гражданской службе получали жалованье в зависимости от занимаемой должности. Кроме основного жалованья, некоторым категориям служащих выплачивались также столовые и квартирные деньги, а часть из них имела бесплатную казенную квартиру. Кроме жалованья, чиновники могли рассчитывать на различные награждения и пособия.

Одним из важнейших преимуществ, которые давала в России государственная служба, являлось пенсионное обеспечение. Право на получение пенсий и единовременных пособий распространялось на каждого, кто беспорочно прослужил определенное число лет в военной, придворной или гражданской службе [подробнее: 16].

В первой половине XIX в. чиновничество состояло из четырех групп. Первую из них составляли правительственные верхи, высшая бюрократия (1–5 классы), члены Государственного совета и министры (2–3 классы), сенаторы (2–4 классы), генерал-губернаторы (2–3 классы), директора министерских департаментов (3–4 классы), губернаторы, управляющие казенными палатами, (5 класс) и др. Во вторую группу входили чиновники 6–8 классов. Это были советники центральных и губернских учреждений, начальники отделений министерских департаментов, полицмейстеры, градоначальники, занимавшие должности исполнительного характера. Третью, довольно значительную группу составляли чиновники 9–14 классов, занимавшие различные канцелярские или низшие исполнительные должности. Четвертой являлись канцелярские служители, не имевшие классов чинов и занимавшие внетабельные должности. Они использовались исключительно для технической работы и отличались от табельного чиновничества в материальном и правовом отношении [47, с. 47].

Таким образом, можно говорить, что газета была ориентирована на чиновников 6–14 классов и сотрудников, не имевших чинов.

Еще один интересный аспект – тираж первого номера. Редактор указывает 100 000 тыс. экземпляров. Возникает вопрос: почему именно такой тираж? Обращаясь к дореволюционным и советским исследованиям численности чиновничества Российской империи отметим, что Н. Рубакин, ссылаясь на перепись населения Российской империи 1897 г. называет цифру в «397.736 пола мужского и 38.082 пола женского» [46, с. 116]. Б.Б. Дубенцов приводит другие данные. Он говорит о том, что в 1903 г. численность чиновничества составляла «132 тыс.» [11, с. 12].

П.А. Зайончковский в своей работе «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» по состоянию на 1903 г. выделяет следующие цифры: «численность чиновников вместе с канцелярскими служащими равнялась примерно 500 тыс. человек» [2, с. 71]. И тут же добавляет, что «эти расчеты носят сугубо приблизительный характер с возможными отклонениями в несколько десятков тысяч человек, скорее в сторону увеличения, нежели уменьшения» [2, с. 71]. Мы будем ориентироваться на данные, предложенные П.А. Зайончковским. Его определение «чиновника» совпадает с определением, данным редактором газеты.

Таким образом, тираж получается по одному экземпляру газеты в среднем на пять чиновников. Подобный тираж, действительно, мог охватить практически всю читательскую аудиторию газеты. Поскольку целевая аудитория газеты ограничена материально (средние и низшие чиновники), а на чтение газет нужно производить значительные затраты, цель редактора газеты «Чиновник» – «заменить дорогостоящие газеты» [29]. Если учесть тот факт, что во втором свидетельстве,

выданном на газету, указано «типография Глембоцкого», то можно предположить, что цель – охватить изданием всех читателей-чиновников – была вполне выполнимой.

Для реализации цели предполагалось совместить узкопрофессиональный и общегазетный отделы «Чиновника», и включить все обычные разделы больших газет: статьи на политические и общественные темы, фельетоны, телеграммы, столичную и провинциальную хронику, беллетристику, отделы, посвященные литературе и искусству.

«За минимальную цену, какая только возможна для ежедневной газеты, читатели найдут в «Чиновнике», помимо того, что интересуется их, как чиновников, еще материал для чтения и размышления по общежитским вопросам» [29]. При этом цена за номер на первой странице газеты не указана. Сообщается, что открыта подписка на газету, годовая цена – 4 р., за один месяц – 40 к. Продажа газеты планировалась и по подписке, и в розницу, а редакция и контора временно располагались при издательстве «Почтово-телеграфное дело».

Отметим, что среди основных задач корпоративных изданий специалисты обычно называют формирование корпоративной культуры и положительного имиджа компании, внедрение определенных ценностей и моделей поведения, создание в коллективе чувства единой семьи, укрепление доверия к руководству, консолидацию и мобилизацию персонала на решение производственных задач [22, с. 9]. Мы можем говорить, что газета «Чиновник» решает поставленные задачи.

Цель корпоративных СМИ – это донесение информации до основных целевых аудиторий бизнес-организации – корпорации (и получение обратной связи от них). Поэтому рассмотрение корпоративных СМИ как прежде всего канала коммуникации и выведение этой задачи на первое место, по мнению С. Бровка, представляется целесообразным [26, с. 187]. В газете прямо заявлена цель – информирование о положении чиновника, а получение обратной связи осуществляется через рубрику «Письма из провинции». Редакция принимает материальную поддержку. «Страницы "Чиновника" широко раскрыты для всех, кто будет сочувствовать появлению такого органа печати, уразумеет полезность его существования и захочет содействовать нам в успешном исполнении нашей задачи не только материальной поддержкой, но и активным сотрудничеством. Всех зовем к солидарной работе для достижения служебного и материального быта» [29] – здесь автор говорит о задачах корпоративных СМИ: формирование корпоративной культуры и положительного имиджа компании, внедрение определенных ценностей и моделей поведения, создание в коллективе чувства единой семьи, укрепление доверия к руководству, консолидация и мобилизация персонала на решение производствен-

ных задач. «Мы хотели бы чтобы "Чиновник" считала *своим*¹ вся чиновничья рать, без различия ведомств и учреждений» [29].

Говоря об издательских характеристиках, которые включают в себя формат, объем, периодичность и тираж, отметим, что газета – ежедневная (тираж сто тысяч), состоит из четырех страниц. На первой странице размещена информация о подписке, статьи «Читателям», «Финансы России в 1912 г.», «Начальники и подчиненные».

На второй странице – продолжение статьи «Начальники и подчиненные», «Печать», две статьи о положении дел в Китае и «Вредный предрассудок».

Третья страница посвящена внешним и внутренним новостям: восемь статей, из них четыре – о внешней политике, четыре – о внутренней.

Четвертая (последняя) страница включает одну статью (Корреспонденция. «Письмо из провинции. Из Варшавы») и восемь реклам: из них пять реклам книг, две рекламы журналов «Почтово-телеграфный вестник» и «Семейный журнал», редактором которых был А.О. Глембоцкий, и одна реклама часов. Если учесть, что у А.О. Глембоцкого был склад изданий в Унгени, Бессарабской губернии [49, с. 4], а Н.И. Герасимов [50] занимался книжной торговлей, то можно предположить, что «проплаченной» была реклама только часов. Все остальное рекламировалось на основе партнерства и бартера.

Контент-анализ статей показывает отрицательное отношение чиновничества к текущему положению. Чиновник описывается как личный слуга начальника, каста низшего разряда. Он имеет скудное материальное обеспечение и даже стереотип о том, что в западных губерниях чиновнику якобы живется лучше, не соответствует действительности и не должен вызывать зависти. Здесь уместно отметить, что «местное чиновничество ориентировалось на настроения своих столичных коллег» [51, с. 290].

Обобщая европейский опыт, автор в одной из статей говорил, что «правительства в одном случае признают полезность корпоративной сплоченности и не только не препятствуют ей, а наоборот, поощряют и способствуют» [29]. Далее он указывал, что «издавна не только в России, а и во всех государствах законами регламентируется существование в войсковых частях обществ офицеров, которым предоставляются широкие права не только в деле улучшения экономического быта членов, а дана возможность контролировать поведение товарищей, вплоть до вторжения в их чисто семейную жизнь» [29]. Так, например, вопрос о благопристойности брака офицера мог быть передан на «суд офицеров, хотя окончательное решение все

---

¹ Курсив издания.

равно принималось командным составом» [52, с. 160] (подробнее см. работы В.А. Вереме́нко [52; 53]).

Исходя из этого, автор статьи задавался риторическим вопросом: «Почему же в таком подозрении находятся мирные чиновники, которые, в силу их безоружности, вообще, менее опасны, чем вооруженные члены военной корпорации?» [29].

Можно утверждать, что появление такой газеты изменяет отношение чиновников к проблеме, происходит осознание своего положения и необходимости перемен. В статьях есть призыв к действиям: «всеми законными способами надо противодействовать» [29]. С.В. Любичанковский, анализируя российские революции начала XX в., делает вывод о том, что «отношение населения к власти может лечь в основу крупных общественных потрясений» [54, с. 62]. В этом контексте факт появления газеты «Чиновник» в 1912 г. выглядит весьма драматичным.

По структуре, рубрикам, языку, стилю и содержанию информации газету «Чиновник» можно считать примером корпоративного средства массовой информации начала XX века. Остается открытым вопрос о причине, по которой газета не стала регулярным периодическим органом печати. Сам редактор А.О. Глембоцкий продолжил свою деятельность в качестве редактора других журналов.

Газета решает только часть задач корпоративных СМИ (а именно: внедрение определенных ценностей и моделей поведения, консолидацию коллектива, мобилизацию персонала на решение задач) и ее можно считать прообразом будущих корпоративных СМИ. Она не формирует положительный образ власти, так как газета не государственная, а частная.

Газета призывает к законным способам борьбы за свои права и улучшение материального положения чиновничества. Это первый этап – осознание, понимание своего неудовлетворительного положения, газета создается как первый акт действия, консолидация разрозненных сил чиновничества для выявления своих интересов и организации работы, активности за изменение своего экономического положения, минуя политическую борьбу и ориентируясь на действующее законодательство. В целом газета показывает неудовлетворенность своей жизнью чиновников – опоры самодержавия.

Несмотря на задачу корпоративных СМИ формировать положительный имидж власти среди чиновников, коммуникация идет по старой модели (циркуляры, поощрения, награды).

Инициатива принадлежит частному лицу, хорошо знающему ситуацию, профессионалу. Он излагает свое видение ситуации и таким образом формирует информационное поле о государственной власти, цель газеты – привлечь внимание к проблемам чиновников, заявить о своих потребностях и интересах.

Отметим, что с октября 1912 г. стала выходить еженедельная «Газета чиновника» [55] (до 1914 г.), независимый, умеренно-прогрессивный, литературный, общественный и экономический орган, посвященный интересам чиновников и служащих в земских и общественных учреждениях, где издателем стал Н.И. Герасимов.

Подписная цена на год с доставкой и пересылкой на эту еженедельную газету составляла 3 р. Редакция находилась по адресу: Санкт-Петербург, ул. Широкая, д. 19. Тираж был отпечатан в типографии «Реклама» (Санкт-Петербург, Владимирский пр., д. 7). Реклама этой типографии, неоднократно появлявшаяся на первой полосе данной газеты, информировала читателей о том, что типография «принимает заказы на печатание периодических изданий, брошюр, отчетов, прейс-курантов, счетов, адресов, плакатов, летучек и всевозможных других типографических работ» [55].

В статье «От издателя» Н.И. Герасимов писал: «Программы от меня не требуйте, но ее вы узнаете с первых же номеров "Газеты Чиновника"... Несите на столбцы "Газеты чиновника" все ваши нужды и все недочеты вашего правового положения. Мы будем стучаться в двери сильных мира сего, будем печаловаться в Думе и, возможно, что наш голос будет услышан» [55].

Вместе с тем программа издания была представлена в Главное управление по делам печати и включала в себя следующие пункты: 1) Государственная дума, 2) руководящие статьи, 3) распоряжения правительства, 4) приказы и назначения, 5) внутренние известия¹, 7) последние новости в области науки и знания, 8) фельетон, 9) маленькая философия, 10) маленькая юмористика, 11) для легкого чтения, 12) вести и слухи, 13) последняя хроника, 14) из телеграмм, 15) происшествия, 16) сообщения собственных корреспондентов, 17) справочник, 18) полезные советы, 19) здоровье, 20) ответы читателям, 21) кухня, 22) календарь Брюса, 23) маленькая биржа, 24) иллюстрации, 25) объявления, 26) литературные приложения [56, л. 1]. Свидетельство на выход в свет «Газеты Чиновника» в Санкт-Петербурге было выдано 6 сентября 1912 года [56, л. 1].

Н.И. Герасимов уверял, что он «выступил с изданием «Газеты чиновника» не с целью получать барыши от этого издания, а исключительно с намерением идейно послужить тому обществу угнетенных и обиженных», в котором он «пробыл 22 года и ушел черным ходом» [55].

Как уже отмечалось выше, газету «Чиновник» можно рассматривать как корпоративный орган печати. «Газета чиновника» также включала в себя колонку «От издателя», которую одновременно можно считать и стратегией развития газеты, к финансовой и экономиче-

---

¹ В источнике опечатка, пропущен пункт № 6.

ской информации относится раздел «Биржа», к социальной информации – разделы «Хроника», «Судебная хроника», «Сообщения собственных корреспондентов», к рубрике «Новости в отрасли» – «Распоряжение правительства», «Вести и слухи по службе», «Последние новости в области науки и знания», страница развлечений представлена разделами «Маленькая философия», «Юмористика», «Для легкого чтения». Помимо этого, в номер газеты были включены также разделы: «Государственная дума», «Внешние известия», «Справочный отдел», «Полезные советы», «Здравие», «Кухня», «Ответы читателям», «Почтовый ящик».

В № 6 от 25 декабря 1912 г. Н.И. Герасимов подводит итоги уходящего года: «Он нам не принес ничего хорошего... те же, за ничтожным исключением мизерные оклады, та же беспросветная нужда и то же бесплодное искание путей к выходу из критического положения... будем рассчитывать, что на нужды миллионной армии мелких, измученных недоеданием и бесправием чиновников правительство обратит внимание прежде всего» [57].

На данный момент трудно сказать о тираже газеты, но в одном из ответов подписчикам указано, что «мы в настоящее время имеем достаточное количество подписчиков, вполне обеспечивающих наше существование» [58].

Статьи «Газеты чиновника» настолько обличительны, что один из читателей выразил сомнение в ее легальности, на что редакция дала следующий ответ: «Наша газета вполне легальная, ни к какой политической партии не принадлежит и преследует исключительно экономические и правовые цели гг. чиновников, согласованные с интересами государства и целями высшего правительства. Если вы сомневаетесь, что наша газета «дозволена начальством», то благоволите обратиться за справкой на почту» [59].

23 сентября 1913 г. редактор «Газеты чиновника» Н.И. Герасимов написал письмо [56, л. 10–11] в Главное управление по делам печати, в котором прямо указывал, что издаваемый им орган он считает «сторонником правительства, что усматривается в каждом номере» [56, л. 11].

Отметим, что «Газета чиновника» имела ту же структуру, что и газета «Чиновник». После восьмимесячного перерыва газета вышла снова в свет, но уже в обновленном варианте с расширенной программой. Издателем обеих газет стал Н.И. Герасимов, А.О. Глембоцкий отказался от этой идеи. Редакция сменила адрес конторы (тот же адрес: Санкт-Петербург, ул. Широкая, д. 19 указан как домашний адрес Н.И. Герасимова [56, л. 1]) и типографию. Газета стала называться «Газета чиновника», возможно, по причине того, что свидетельство было выдано на двух человек и при желании вернуть газету А.О. Глембоцкий мог снова начать выпуск. Тем более, что при одно-

временном выпуске двух газет с одинаковым названием в одном городе могла начаться путаница, кроме того Главное управление по делам печати не выдавало свидетельство на издание газеты, если издание с подобным названием уже выходило в свет. Начать же новый орган печати с тем же названием можно было не раньше, чем через год после последнего выхода в свет, поэтому для продолжения издания понадобилось переименовать газету, но так, чтобы было понятно, что она является продолжением старой. Н.И. Герасимов продолжил издание газеты, начатой А.О. Глембоцким. Газета «Чиновник» – не парадокс эпохи, а ее проявление и пример средства массовой информации, объединявшей читателей по профессиональному признаку.

Таким образом, газету «Чиновник» можно считать закономерным этапом на пути развития корпоративных средств массовой информации, пробный номер газеты показал востребованность подобного средства массовой информации, отстаивающий интересы аудитории по профессиональному признаку. Продолжением газеты «Чиновник» можно считать «Газету чиновника», начавшую выходить в октябре 1912 г. и имеющую ту же структуру, что и «Чиновник», а также одного и того же издателя.

Появление СМИ такого типа сигнализирует об изменениях, происходящих в обществе в начале XX в. Чиновники начинают объединяться для законного противодействия и защиты своих интересов. Символичны в этом смысле строки из запрещенного сборника В.П. Сидорацкого «Чиновник», взятые в качестве эпиграфа к статье: «маленький человек», всей душой преданный начальству в 1900 г., организует газету для законного противодействия ненормальности положения чиновника в 1912 г.

Список литературы

1. Сидорацкий В.П. Чиновник: сб. запрещ. стихотворений раз. авт. / изд. под ред. Сидорацкого. – Paris: Sidoratsky, [1900?]. – [16] с.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
3. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. – СПб.: Искусство-СПб., 1999. – 477 с.
4. Чевтаева Н.Г. Корпоративность социально-профессиональной группы российского чиновничества: социол. анализ. – Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2006. – 311 с.
5. Поташев А. Ф. История регламентации государственной службы в Российской империи. – Ростов н/Д.: Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2009. – 141 с.
6. Половинкина М. Л. История чиновничества. – Липецк: ЛГТУ, 2016. – 70 с.
7. Любичанковский С.В. Губернский чиновник в условиях российской действительности конца XIX – начала XX в. // Человек в экстремальных условиях: ист.-психол. исслед.: материалы XVII междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2005. – С. 305–309.

8. Любичанковский С.В. Кадровая политика государственной власти на Южном Урале в 1907–1913 гг. (на примере губернских правлений региона) // Урал. Бирюк. чт.: сб. науч. ст. – Челябинск, 2004. – С. 492–497.
9. Любичанковский С.В. Недостатки губернаторской власти в начале XX века глазами чиновников Южного Урала // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2002. – № 1 (27). – С. 43–62.
10. Любичанковский С.В. Социокультурный облик руководящего состава губернских правлений Урала на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – № 9 (47). – С. 21–26.
11. Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика цар. правительства в обл. организации гос. службы): автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Л., 1977. – 22 с.
12. Любина Т.И. Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Тверь, 1998. – 25 с.
13. Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. канд. ист. наук. – Курган, 2002. – 29 с.
14. Поповичева Ю.Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2003. – 30 с.
15. Семин Г.А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект: автореф. ... канн. ист. наук. – М., 2017. – 25 с.
16. Верременко В.А. Пенсионные права супруга за службу чиновника в России во второй половине XIX – начале XX веков // Диалог со временем. – 2007. – № 19. – С. 162–190.
17. Любичанковский С.В. Практика административного расследования должностных преступлений чиновников в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2004. – № 10 (35). – С. 38–43.
18. Минеева И.А. Правовые ограничения для государственных чиновников в Российской империи в XIX – начале XX в. // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2017. – № 2-3 (56). – С. 55–58.
19. Оспанова А.А. Некоторые аспекты повседневности чиновников в Российской империи в начале XX века (по материалам «Вестника чиновника») // Самар. науч. вестн. – 2016. – № 3 (16). – С. 128–131.
20. Крылова Е.Н. Периодическая печать России 1900–1915 гг. на примере столичных изданий // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – Т. 1. – С. 149–156.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 776. Оп. 23. Д. 18.
22. Чемякин Ю. В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 183 с.
23. Шинкарева А.П. Корпоративные СМИ (От истоков к перспективам). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 245 с.
24. Горчева А. Ю. Корпоративная журналистика. – М.: Вест-Консалтинг, 2008. – 219 с.
25. Сляднева О.В. Профессиональные издания 1906–1914 гг. // Петербург газетный, 1711–1917: сб. ст. / под ред. Е.С. Сониной. – Вып. 2. – СПб., 2016. – С. 166–185.
26. Бровка С. Корпоративные коммуникации в социуме: понятия, структура, примеры: социальные коммуникации, PR, медиарилейшнз, корпоративные СМИ: как они формируют корпоративные коммуникации. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 259 с.

27. Крылова Е.Н. Российская периодическая печать на рубеже XIX–XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 5. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 95–100.
28. РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 2406.
29. Чиновник. – 1912. – 15 февр. – № 1.
30. Егоров А.Н. К вопросу о степени влияния Государственной думы на политические настроения населения Российской империи // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб., 2017. – С. 315–324.
31. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2100.
32. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2198.
33. Сидорова С.О. Минский почтово-телеграфный округ на рубеже XIX–XX вв. // Ист. и психол.-пед. науки: сб. науч. ст. – Мн.: РИВШ, 2017. Вып. 17. Ч. 2: Исторические и педагогические науки. – С. 3–10.
34. Глембоцкий А.О. Алфавитный указатель разъяснений Главного управления почт и телеграфов: (Вопросы и ответы). – 1-е изд. – Пг: Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. Дело», 1916. – [4], 136 с.
35. Глембоцкий А.О. Алфавитный указатель циркуляров и распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству. – 4-е изд. – Пг: А. Протогенова, 1916. – [8], 192 с.
36. Глембоцкий А.О. Делопроизводство по переводной операции: (Формы, инструкции, указатели, табель сроч. сведений и донесений, книги и проч.): прил. к Сборнику по переводной операции: К изд. 5-му 1917 г. – М.: тип. "Обществ. польза", 1917. – 104 с.
37. Глембоцкий А.О. Сборник постановлений и распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству для делопроизводства и счетоводства в п.-т. учреждениях: «Почтово-телеграфная канцелярия»: в 3 ч. и 12 отд.: с беспл. прил.: "Алфавитным указателем" распоряжений по П.-т. ведомству и "Указаниями и разъяснениями" существующих правил (запросы и ответы). – 5-е изд. – Пг.: Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. Дело», 1916. – XVI, VI. – 908 с.
38. Глембоцкий А.О. Указатель почтовых и п. т. учреждений, имеющих непосредственный обмен корреспонденции с почтовыми вагонами / сост. А.О. Глембоцкий. – Кишинев: Тип. Г.Ю. Волина, 1909. – 24 с.
39. Сборник постановлений и распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству / сост. А.О. Глембоцкий. Ч. 1: Прием и выдача всякого рода почтовых отправлений, 1910. – 593 с.
40. Сборник постановлений и распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству / сост. А.О. Глембоцкий. Ч. 1. Беспл. приложение...: Таблицы весового и страхового сборов за внутренние и международные почтовые отправления. – [1910]. – [2] 74 с.
41. Сборник постановлений и распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству / сост. А.О. Глембоцкий. Ч. 1: Почтовая. – 1901. – [4], 1066. – 50 с.
42. Почтово-телеграфный календарь.... на 1910 г.: год 9-й / А.О. Глембоцкий. – Кишинев: Тип. Г.Ю. Волина, 1910. – 152, 30 с.
43. Глембоцкий А.О. Почтовые правила: Крат. курс для изучения службы на должность п. т. чиновника. – 2-е изд. – М.: Тип. «Обществ. польза», 1918. – 64 с.
44. РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 1013.
45. Егоров А.Н. Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи). // Вестн. Перм. ун-та. – 2015. Сер.: История. – № 3 (30). – С. 170–178.

46. Рубакин Н. Много ли в России чиновников? Из «Этюд о чистой публике» // Вестн. Европы. – 1910. – Кн. 1. – Янв. – С. 111–135.
47. Советская историческая энциклопедия: в 12 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. – Т. 1- [Т.] 16. Чжан Вэнь-тянь – Яштух. – М., 1976. – 1002 стб.
48. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Изд. 1896 г. Т. 3: Уставы о службе гражданской. – СПб., 1897. – 768 с.
49. Почтово-телеграфное эхо. – 1906. – 1 янв. – № 1.
50. Герасимов Н.И. Подвижной каталог дешевых книг книжной торговли Николая Ивановича Герасимова в С.-Петербурге. – СПб., 1893. – 64 с.
51. Егоров А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф. – СПб., 2015. – С. 279–290.
52. Веремченко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С.157–164.
53. Веремченко В.А. Семья в обход закона: брачная практика российских офицеров во второй половине XIX – начале XX в. // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 3. – С. 55–59.
54. Любичанковский С.В. Носили ли Российские революции начала XX в. антибюрократический характер? // Память о прошлом – 2017. – Самара, 2017. – С. 57–63.
55. Газета чиновника. – 1912. – Окт. – № 1–2.
56. РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Д. 432.
57. Газета чиновника. – 1912. – Дек. – № 6.
58. Газета чиновника. – 1913. – Янв. – № 10.
59. Газета чиновника. – 1913. – Янв. – № 9.

References

1. *Sidorackij V.P. Chinovnik* [The official servant]: Sb. zapreshch. stihotvorenij raz. Avt. / Izd. pod red. Sidorackogo. – Paris: Sidoratsky, [1900?]. – [16] p.
2. *Zajonchkovskij P.A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. – М.: Mysl', 1978. – 288 p.
3. *Shepelev L.E. Chinovnyj mir Rossii XVIII – nachalo XX v.* [The official world of Russia XVIII – early XX century]. – SPb.: Iskusstvo-SPb., 1999. – 477 p.
4. *Chevtaeva N.G. Korporativnost' social'no-professional'noj grupy rossijskogo chinovnichestva: sociologicheskij analiz* [The corporatism of socio-professional groups of the Russian bureaucracy: a sociological analysis]. – Ekaterinburg: Ural'skaya akad. gos. sluzhby, 2006. – 311 p.
5. *Potashev A. F. Istoriya reglamentacii gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj imperii* [History of regulation of public service in the Russian Empire]. – Rostov n/D: Rostovskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya, 2009. – 141 p.
6. *Polovinkina M.L. Istoriya chinovnichestva* [The history of bureaucracy]. – Lipeck: LGTU, 2016. – 70 p.
7. *Lyubichankovskij S.V. Gubernskij chinovnik v usloviyah rossijskoj dejstvitel'nosti konca XIX – nachala XX vv.* [Provincial official in the Russian reality of the late XIX-early XX centuries] // *Chelovek v ekstremal'nyh usloviyah: istoriko-psihologicheskie issledovaniya* [Man in extreme conditions: historical and psychological research] Materialy XVII

Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2-h chastyah. Pod redakciej: S.N. Poltoraka. – 2005. – P. 305–309.

8. Lyubichankovskij S.V. *Kadrovaya politika gosudarstvennoj vlasti na YUzhnom Urale v 1907–1913 gg. (na primere gubernskih pravlenij regiona)* [Personnel policy of the state power in the southern Urals in 1907–1913 (on the example of provincial boards of the region)] // *Ural'skie Biryukovskie chteniya* [Ural Biryukovskiy readings] *Sbornik nauchnyh statej.* – Chelyabinsk, 2004. – P. 492–497.

9. Lyubichankovskij S.V. *Nedostatki gubernatorskoj vlasti v nachale XX veka glazami chinovnikov Yuzhnogo Urala* [The shortcomings of the Governor's power in the early XX century through the eyes of officials of the southern Urals] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state pedagogical University]. – 2002. – № 1 (27). – P. 43–62.

10. Lyubichankovskij S.V. *Sociokul'turnyj oblik rukovodyashchego sostava gubernskih pravlenij Urala na rubezhe XIX–XX vv.* [Socio-cultural image of the leadership of the provincial boards of the Urals at the turn of the XIX–XX centuries] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg state University]. – 2005. – № 9 (47). – P. 21–26.

11. Dubencov B.B. *Samoderzhavie i chinovnichestvo v 1881–1904 gg.: (Politika car. pravitel'stva v obl. organizacii gos. sluzhby)* [Autocracy and bureaucracy in 1881–1904 gg.: (Politics of the government in the regional organization of public service)]: avtoref... dis. kan. ist. nauk. – L., 1977. – 22 p.

12. Lyubina T.I. *Uezdnoe chinovnichestvo Tverskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* [County bureaucracy of Tver province in the late XIX-early XX century]: avtoref... dis. kan. ist. nauk. – Tver', 1998. – 25 p.

13. Kozel'chuk T.V. *Chinovnichestvo Tobol'skoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Officialdom of Tobolsk province in the second half of XIX-early XX century]: avtoref. dis. kan. ist. nauk. – Kurgan, 2002. – 29 p.

14. Popovicheva Yu.N. *Dal'nevostochnoe chinovnichestvo vo vtoroj polovine XIX veka* [Far Eastern officialdom in the second half of the XIX century]: avtoref... dis. kan. ist. Nauk. – Vladivostok, 2003. – 30 p.

15. Semin G.A. *Chinovnichestvo Moskovskoj gubernii v nachale XX v.: social'nyj aspekt* [Officialdom of the Moscow province in the early XX century: social aspect]: avtoref... kann. Ist. nauk. – M., 2017. – 25 p.

16. Veremenko V.A. *Pensionnye prava supruga za sluzhbu chinovnika v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov* [Pension rights of the spouse for service of the official in Russia in the second half of XIX – the beginning of XX centuries] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. – 2007. – № 19. – P. 162–190.

17. Lyubichankovskij S.V. *Praktika administrativnogo rassledovaniya dolzhnostnyh prestuplenij chinovnikov v ocenke senatorskih revizij nachala XX veka* [The practice of administrative investigation of official crimes in the evaluation of senatorial inspections of the early XX century] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg state University]. – 2004. – № 10 (35). – P. 38–43.

18. Mineeva I.A. *Pravovye ogranicheniya dlya gosudarstvennyh chinovnikov v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vekov* [Legal restrictions for government officials in the Russian Empire in the XIX-early XX centuries] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal]. – 2017. – № 2–3 (56). – P. 55–58.

19. Ospanova A.A. *Nekotorye aspekty povsednevnosti chinovnikov v Rossijskoj imperii v nachale XX veka (po materialam "Vestnika chinovnika")* [Some aspects of everyday life of officials in the Russian Empire at the beginning of the XX century (accord-

ing to the official Bulletin") // Samarskij nauchnyj vestnik [Samara scientific Bulletin]. – 2016. – № 3 (16). – P. 128–131.

20. Krylova E.N. *Periodicheskaya pechat' Rossii 1900–1915 gg. na primere stolichnyh izdaniy* [Periodicals of Russia in 1900–1915 based on editions of the capital] // *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*. [Natural and geographical factors in everyday life of the Russian population: history and modernity] *Materialy mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. V.A. Veremenko.* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2019. – T. 1. – P. 149–156.

21. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive] (RGIA). F. 776. Op. 23. D. 18.

22. *Chemyakin Yu. V. Korporativnye SMI: sekrety effektivnosti* [Corporate media: secrets of efficiency]. – Ekaterinburg: Diskurs-Pi, 2006. – 183 p.

23. *Shinkareva A.P. Korporativnye SMI (Ot istokov k perspektivam)* [Corporate media (from origins to prospects)]. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. – 245 p.

24. *Gorcheva A. YU. Korporativnaya zhurnalistika* [Corporate journalism]. – M.: Vest-Konsalting, 2008. – 219 p.

25. *Slyadneva O.V. Professional'nye izdaniya 1906–1914 gg.* [Professional editions 1906–1914] // *Peterburg gazetnyj, 1711–1917* [Petersburg newspaper, 1711–1917]: [sbornik statej] / pod red. E.S. Soninoy. Vyp. 2. – SPb., 2016. – P. 166–185.

26. *Brovko S. Korporativnye kommunikacii v sociume: ponyatiya, struktura, primery: social'nye kommunikacii, PR, mediarilejshnz, korporativnye SMI: kak oni formiruyut korporativnye kommunikacii* [Corporate communications in society: concepts, structure, examples: social communications, PR, media relations, corporate media: how they form corporate communications]. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 259 p.

27. *Krylova E.N. Rossijskaya periodicheskaya pechat' na rubezhe XIX–XX vv.* [Russian periodical press at the turn of XIX–XX centuries] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and provinces: relations between the center and regions in the history of Russia]: *Mater. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem.* Vyp.5. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – P. 95–100.

28. RGIA. F. 776. Op. 9. D. 2406.

29. *Chinovnik* [The civil servant]. – 1912. – 15 fevralya. – № 1.

30. *Egorov A.N. K voprosu o stepeni vliyaniya Gosudarstvennoj Dumy na politicheskie nastroyeniya naseleniya Rossijskoj imperii* [On the degree of influence of the state Duma on the political mood of the population of the Russian Empire] // *Tavrisheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauric readings in 2016. Actual problems of parliamentarism: history and modernity]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Pod red. A.B. Nikolaeva.* – SPb., 2017. – P. 315–324.

31. RGIA. F. 776. Op.8. D. 2100.

32. RGIA. F. 776. Op. 8. D. 2198.

33. *Sidorova S.O. Minskij pochtovo-telegrafnyj okrug na rubezhe XIX–XX vv.* [Minsk postal and Telegraph district at the turn of XIX–XX centuries] // *Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. Statej* [Historical and psycho-pedagogical Sciences: collection of scientific works. articles]. – Minsk: RIVSH, 2017. – Vyp. 17. – Ch. 2: Istoricheskie i pedagogicheskie nauki. – P. 3–10.

34. *Glebockij A.O. Alfavitnyj ukazatel' raz'yasnenij Glavnogo upravleniya pocht i telegrafov: ("Voprosy i otvety")* [Alphabetical index of explanations of the General Directorate of posts and telegraphs: ("Questions and answers")]. – 1-e izd. - Petrograd: tip. t-va "Ekateringof. pech. delo", 1916. – 136 p.

35. *Glebockij A.O. Alfavitnyj ukazatel' cirkulyarov i rasporyazhenij po Pochtovo-telegrafnomu vedomstvu* [Alphabetical index of circulars and orders for the Post and Telegraph office. – 4-e izd. – Petrograd: A. Protogenova, 1916. – [8], 192 p.

36. *Glebockij A.O. Deloproizvodstvo po perevodnoj operacii: (Formy, instrukcii, ukazateli, tabel' sroch. svedenij i donesenij, knigi i proch.)* [Paperwork on the transfer operation: (Forms, instructions, pointers, time sheet. information and reports, books, etc.): Pril. k Sborniku po perevodnoj operacii: K izd. 5-mu 1917 g. – M.: "Obshchestv. pol'za", 1917. – 104 p.

37. *Glebockij A.O. Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po Pochtovo-telegrafnomu vedomstvu dlya deloproizvodstva i schetovodstva v p.-t. uchrezhdeniyah: "Pochtovo-telegrafnaya kancelyariya"* [The collection of decrees and orders by Post and Telegraph Department for record keeping and accounting, in postal institutions: "Post and Telegraph office"]: V 3 ch. i 12 otd. – 5-e izd. – Petrograd: tip. t-va "Ekateringof. pech. delo", 1916. – XVI, VI, 908 p.

38. *Glebockij A.O. Ukazatel' pochtovyh i p. t. uchrezhdenij, imeyushchih neposredstvennyj obmen korrespondencii s pochtovymi vagonami* [Index of postal and postal institutions having direct exchange of correspondence with mail cars] / Sost. A.O. Glebockij. – Kishinev: tip. G.Yu. Volina, 1909. – 24 p.

39. *Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po Pochtovo-telegrafnomu vedomstvu* [Collection of resolutions and orders for the Postal and Telegraph office] / Sost. A.O. Glebockij. Ch. 1: Priem i vydacha vsyakogo roda pochtovyh otpravlenij. – 1910. – 593 p.

40. *Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po Pochtovo-telegrafnomu vedomstvu* [Collection of resolutions and orders for the Postal and Telegraph office] / Sost. A.O. Glebockij. Ch. 1. Bespl. prilozhenie...: Tablicy vesovogo i strahovogo sborov za vnutrennie i mezhdunarodnye pochtovye otpravleniya. – [1910]. – 74 p.

41. *Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po Pochtovo-telegrafnomu vedomstvu* [Collection of resolutions and orders for the Postal and Telegraph office] / Sost. A.O. Glebockij. Ch. 1: Pochtovaya. – 1901. – 1066, 50 p.

42. *Pochtovo-telegrafnyj kalendar'* [Post and Telegraph calendar]. ... na 1910 god: God 9-j / A.O. Glebockij – Kishinev: tip. G.YU. Volina, 1910. – 152, 30 p

43. *Glebockij A.O. Pochtovye pravila: Krat. kurs dlya izucheniya sluzhby na dolzhnost' p. t. chinovnika* [Mail rules: Times. course to study service for the position of postal official] / A.Glebockij. – 2-e izd. – M.: Tip. "Obshchestv. pol'za", 1918. – 64 p.

44. *RGIA. F. 1289. Op. 4. D. 1013.*

45. *Egorov A.N. Predvybornaya agitaciya kak instrument diskreditacii politicheskogo protivnika (po materialam vyborov v Gosudarstvennuyu dumu Rossijskoj imperii)* [Pre-election campaigning as a tool to discredit the political opponent (based on the materials of the elections to the state Duma of the Russian Empire)] // *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. – 2015. – Seriya: Istoriya. – № 3 (30). – P. 170–178.

46. *Rubakin N. Mnogo li v Rossii chinovnikov? Iz «Etyudov o chistoj publike»* [Are there many officials in Russia? From "Sketches of public"] // *Vestnik Evropy* [Herald Of Europe]. – 1910. – Kn.1. yanvar'. – P. 111–135.

47. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya* [Soviet historical encyclopedia]: [V 12 t.] / Gl. red. E.M. Zhukov. – [T.] 1-[T.] 16: *CHzhan Ven'-tyan' – Yashtuh.* – M., 1976. - 1002 stb.

48. *Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyj* [Code of laws of the Russian Empire]: Izd. 1896 goda. T. 3: *Ustavy o sluzhbe grazhdanskoj.* SPb., 1897. – 768 p.

49. *Pochtovo-telegrafnoe echo* [The Postal and Telegraph echo]. – 1906. – 1 yanvarya. – № 1.
50. *Gerasimov N.I. Podvizhnoj katalog deshevyh knig knizhnoj trgovli Nikolaya Ivanovicha Gerasimova v S.-Peterburge* [Mobile directory of cheap books in book trade of Nikolai Ivanovich Gerasimov in St. Petersburg]. – SPb., 1893. – 64 p.
51. *Egorov A.N. Politicheskie predpochteniya deputatov Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj imperii ot severnyh gubernij* [Political preferences of deputies Of the state Duma of the Russian Empire from Northern provinces] // *Tavricheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Tauric readings in 2014. Actual problems of parliamentarism: history and modernity collection of scientific articles of the international scientific conference]. – SPb., 2015. – P. 279–290.
52. *Veremenko V.A. Problema vnebrachnyh semej oficerov i zapasnyh v Rossii nachala XX veka* [The problem of illegitimate families of officers and spare in Russia of the early XX century] // *Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv.* [War and everyday life of the population of Russia XVII-XX centuries]: *Mater. mezhdunar. nauch. konf., 14-16 marta 2014 g.* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – P.157–164.
53. *Veremenko V.A. Sem'ya v obhod zakona: brachnaya praktika rossijskih oficerov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Family bypassing the law: marriage practice of Russian officers in the second half of the XIX – early XX century] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military and history journal]. – 2006. – № 3. – P. 55–59.
54. *Lyubichankovskij S.V. Nosili li Rossijskie revolyucii nachala XX v. antibyurokraticheskij harakter?* [Were the Russian revolutions of the early twentieth century anti-bureaucratic in nature?] // *Pamyat' o proshlom.* [Memory of the past] – 2017. 2017. – P. 57–63.
55. *Gazeta chinovnika* [The newspaper of the civil servant]. 1912. Oktyabr'. № 1–2.
56. RGIA. F. 776. Op. 10. D. 432.
57. *Gazeta chinovnika* [The newspaper of the civil servant]. 1912. Dekabr'. № 6.
58. *Gazeta chinovnika* [The newspaper of the civil servant]. 1913. Yanvar'. № 10.
59. *Gazeta chinovnika* [The newspaper of the civil servant]. 1913. Yanvar'. № 9.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391(470.6)

ГРНТИ 03.61.91: Этнография отдельных стран и народов

М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова

Аффектация повседневной одежды в событиях смерти у народов Северного Кавказа*

Статья посвящена описанию и анализу такого явного элемента повседневного существования человека, как одежда. В скорбных событиях смерти она маркируется особыми знаками и символами, приобретает определенную театральность (аффектацию), становится своего рода текстом, сопровождающим покойного в иной мир и сообщающего социуму о смерти сородича, чувстве утраты и сопереживания. Этнографическая разработка проблемы «смерть и одежда» у народов Северного Кавказа осуществляется в статье в трех направлениях: одежда для покойника; одежда, носившаяся им при жизни; траурное одеяние членов семьи покойного и траурные знаки в одежде соболезнующих. Установлено, что посмертные действия с одеждой покойника имеют целью поддержание социального присутствия умершего в прежнем окружении; «правильную» подготовку его для загробной жизни; выражение связи семейно-родственной группы с ушедшим; демонстрацию эмоционального восприятия смерти близкого человека. Особое обращение с одеждой покойного (имитация присутствия), одаривание ею участников погребальной церемонии выдают древнее общекавказское основание культурных установок похоронно-поминального цикла. Отмечено, что в условиях современной глобализации у народов Северного Кавказа сохранилась информативная функция одежды в ситуации скорби и траура с видимыми этнокультурными различиями в траурной символике.

Ключевые слова: Северный Кавказ, траурная одежда, похоронно-поминальная обрядность, одевание покойника, цветовая символика.

М.А. Tekueva, E.A. Nal'chikova, M.K. Gugova

Affectation of everyday clothes in the death occurrences among the peoples of the North Caucasus

The article is devoted to the description and analysis of such an obvious element of a person's daily existence as clothing. In the mournful occurrences of death it is marked with special signs and symbols, acquires a certain theatricality (affectation), be-

---

© Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х., 2019

© Tekueva M.A., Nal'chikova E.A., Gugova M.K., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа».

comes a kind of text that accompanies the deceased to another world and informs society about the death of a congener, sense of loss and empathy. The ethnographic development of the problem of "death and clothing" among the peoples of the North Caucasus is carried out in the article in three directions: clothing for the dead; clothes worn by him during his life; mourning clothing of the deceased's family members and mourning signs in clothes of condolences. It was established that posthumous actions with the clothes of the deceased are aimed at maintaining the social presence of the deceased in the former environment; his "proper" preparation for the afterlife; expression of the connection of the family-related group with the passed away; demonstration of emotional perception of the death of a loved one. Special treatment of the deceased's clothing (imitation of presence) and gifting by them of the participants of the funeral ceremony show the ancient common Caucasian foundation of cultural installations of the funeral and memorial cycle. It is noted that in the context of modern globalization, the peoples of the North Caucasus retained the informative function of clothing in situations of sorrow and mourning with visible ethnocultural differences in mourning symbolism.

Key words: North Caucasus, mourning clothes, funeral-memorial ceremonial, dressing the decedent, color symbols.

В русле изучения этнографии смерти у народов Северного Кавказа авторы настоящей статьи уделили существенное внимание материальной стороне похоронно-погребальной обрядности и внешним проявлениям траура. Так, были рассмотрены надгробные памятные знаки, поминальная пища в различных ее вариантах: «еда для покойного», собственно поминальная тризна, благотворительная раздача продуктов, телесные символы траура (борода, волосы). Развивая эту тему, в настоящей статье мы ставим задачу изучения траурной маркировки одежды, так как «одежда – социальная метка, знак, обозначающий место данного индивидуума в общественной системе» [1, с. 10]. В современном мире одежда все более унифицируется и ее роль половозрастного и сословного индикатора стирается. Однако внешнее обозначение такого состояния, как траур, сохраняется во многих культурах.

В дореволюционном кавказоведении некоторые аспекты духовной и материальной культуры похоронно-поминальных обрядов затронуты В. Миллером [2], К. Хетагуровым [3] и др. М. Ковалевский писал о значении погребальной одежды в верованиях осетин, которые «...придерживаются того мнения, что по ту сторону могилы есть жизнь, которая не что иное, как продолжение того, что предназначено нам в земной жизни. Поэтому души умерших имеют такую же потребность в пище, тепле, свете, как и живые люди. Это обязывает оставшихся в живых родственников покойного позаботиться [об этом]» [4]. Д.Я. Лавров, анализируя похоронную практику, сообщил о специфическом использовании одежды ушедшего из жизни: «В некоторых местах удержался еще оригинальный обычай: в канун поминок в сакле покойника ставят его чучело, надевая на палки одежду умершего» [5]. Ингушский этнограф Чах Ахриев посвятил отдельную работу похоронно-

поминальной обрядности, отмечая в том числе специфику траурных и погребальных одеяний [6]. Отрывочные сведения по погребально-обрядовой культуре чеченцев оставили А. Лилов [7], Н. Семенов [8]. Наиболее полное этнографическое описание северокавказской ритуальной практики сделал Г.Ф. Чурсин, а его очерк «Культ мертвых на Кавказе» можно назвать энциклопедией похоронных и траурных обычаев.

С 1920-х на первый план вышло изучение некоторых традиционных институтов и наиболее выразительных погребальных ритуалов. Важную информативную нагрузку в русле изучения этнографии смерти и ее материальных элементов несут археологические научные труды авторитетных советских исследователей. Это В.П. Левашова [9], А.Х. Нагоев [10], И.М. Мизиев [11], Г.А. Кокиев [12], В.Х. Тменов [13], Е.П. Алексеева [14], Л.П. Семенов [15], Е.И. Крупнов [16] и др. С.Ш. Гаджиева в своей монографии «Одежда народов Дагестана» небольшой параграф посвятила траурной одежде [17].

Постсоветский период истории Северного Кавказа отмечен ростом этнической идентичности и появлением новых концепций освещения традиций различных этнических сообществ. 90-е г. XX и начало XXI в. характеризуются ростом интереса непосредственно к похоронно-поминальным обрядам, но авторы обращаются к ним преимущественно для иллюстрации своих социокультурных построений. Это относится к изданным в этот период работам М.Ч. Джуртубаева [18], С.Х. Мафедзева [19; 20], А. Чибирова [21] и др. В традициях советской этнографии написаны работы, содержащие материал по траурной и погребальной одежде осетин, такие как диссертация А.Б. Кокоевой «Погребальный обряд осетин как этнокультурный феномен» [22] и «Традиции и обычаи осетин» Х.К. Цаллаева [23]. Оценки последнего носят ярко выраженный «социалистический» характер: «Таким же бессмысленным является ношение траура в течение года вдовой покойного. Правда, мало кто его придерживается в наше время, но случаи бывают»; «Пережитки этих обрядов продолжают существовать и в наши дни... Покойника, например, одевают в лучшую одежду, даже такую, какую никогда в жизни не носил, кладут вместе с ним в могилу драгоценности, золотые часы, кольца и т. п.» [23].

Подводя итог многолетним изысканиям новейшего времени в современных национальных энциклопедиях (например, из серии «Народы и культуры») [24; 25] в диссертационных исследованиях [26] пишется о роли одежды в обрядах похоронно-поминального цикла (от короткого упоминания до специальных параграфов в разделе «одежда», как в диссертации Л. Гарсаева). Так, в адыгской энциклопедии коротко говорится, что «... элементы одежды символизируют состояние траура близких родственников покойного. Одежда умершего раздается участникам похоронных ритуалов; бурка или платок покрывает тело

покойника до самого момента его предания земле. Особой одеждой является погребальное одеяние – саван» [27].

Очевидно, что траурная и погребальная одежда народов Северного Кавказа не становилась объектом специальных исследований, а затрагивалась, как правило, в общем контексте изучения элементов традиционной материальной культуры или обрядово-ритуальной сферы.

Этнографическая разработка темы «смерть и одежда» подводит авторов настоящей статьи к выделению трех основных блоков вопросов: 1) одежда для покойника; 2) одежда покойника, носимая им при жизни и предназначенная для раздачи; 3) траурное одеяние членов семьи покойного и траурные знаки в одежде соболезнующих.

Одежда для покойного. Со времени утверждения ислама на Северном Кавказе у большинства народов, его населяющих, порядок подготовки тела покойного к погребению состоит в его омовении и оборачивании в саван – 5–7-метровое белое полотно. Со стороны головы и ног оставляют по полметра ткани, которые после последнего прощания собираются в узел, полностью скрывая тело. Женщинам под саван надевается несшитое платье, скроенное из белого полотна специально к похоронам, и платок на голову. Возможно надевание подобного аналога рубахи до коленн мужчин. Сверху тело покрывается отрезом нарядной ткани – «хьэдэтелхьузэ» (каб. яз.). У адыгов саван называется «джэбын» (каб. яз.), (платье и рубашка под саван – «ахьрэтджанэ») (каб. яз.) [28], у балкарцев – «кебин», у ингушей – «мерчи» (платье под саван – «коч») [29].

Очевидно, обряд посмертного облачения изменился в течение последних двух веков. В доисламский период и некоторое время после принятия ислама похоронные ритуалы сохранялись в архаическом состоянии. По древним обычаям покойника одевали в платье. Так, ингушские исследователи утверждают, что «в древности, когда могилами являлись «маьхара кашаш» – солнечные могильники, человека хоронили в том лучшем одеянии, которое у него было при жизни» [29], «покойника одевали в чистое и новое платье и в полном вооружении, с шапкой на голове и буркой на плечах опускали в могилу» [17], «все покойники [в кашах] одеты в лучшее платье» [30, с. 102].

Термином «мерчи», означающим в современном ингушском языке саван, изначально называли одежду светлого цвета, в которой хоронили умершего. В балкарском языке также существует аутентичный эквивалент *кебина* – «ёлюкбастыр», что означает собственно одежду покойника, а не ткань для оборачивания.

Этнографические источники свидетельствуют, что вплоть до XVIII–XIX вв. черкесы также после обмывания одевали труп «во все совершенно новое» [31, с. 344] или лучшее из носимого им при жизни. Это подтверждается и материалами средневековых адыгских захоронений (например, белореченских курганов), где на покойниках была

одежда (сохранились фрагменты) из шелка, золотых тканей восточного происхождения, итальянского бархата [32], т. е. дорогих тканей.

Благодаря археологическим изысканиям в Ингушетии Л.П. Семенова (1925–1932), Е.И. Крупнова (1950–1960), раскопкам 1970–80-х гг. представление о средневековом погребальном обряде вайнахов можно уточнить данными об одежде захороненных [33]. Так, Е.И. Крупнов на материалах могильников с. Эгикал пишет, что женщины были одеты в длинные платья – рубахи с неглубоким разрезом на груди. Нижнее платье – с длинными рукавами из грубого белого холста. Верхнее (на некоторых женщинах) – из шелковой материи с короткими рукавами, окрашенными в красный, синий, зеленый и оранжевые цвета. Талию опоясывал кушак из шелка или холста, к которому привязывались железные ножницы, а также сумочки (например, из шелковой иранской ткани XIV–XV вв.) с шелковыми цветными нитками, иглами и наперстками, деревянным гребнем [17, с. 94]. Подробное описание ингушского средневекового погребального облачения свидетельствует о переходе покойного в иной мир в полном парадном облачении.

Современный ученый, доктор ист. наук Л.М. Гарсаев, в своей диссертации «Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX в.» внес коррективы в датировку некоторых элементов погребальной одежды: «ошибочно считают, что *эхартан коч* – рубаха для загробного мира (в горных обществах – *миэл-коч*) появилась после принятия народами Северного Кавказа мусульманства. Знакомство с археологическими материалами Е.И. Крупнова показывает, что она имеет более длительную историю. По его описанию, она не имеет рукавов, длиной до пят, белого цвета, но указанное название так или иначе имеет религиозный оттенок. Надеваемая поверх нее рубаха была из цветного шелка, иногда из шерсти. Вместе с тем носилось нижнее белье длиной до пят старинного покроя, бывшее в обиходе еще до принятия Ислама. Нижнее белье до колен, видимо, относится к тому периоду, когда женщины перешли к использованию укороченной одежды» [34, с. 280].

Археологические источники подтверждаются этнографическими. Г.Ю. Клапрот во время путешествия по Кавказу в 1807–1808 гг. замечал: «Раньше мертвому клали в гроб все его имущество, теперь его кладут в гроб только в *обычной* одежде» [35, с. 264]. Шарль де Бесс (1829–1830) так описывал посмертное облачение у адыгов: «Труп сейчас же обмывают, сбривают всю растительность, одевают во все совершенно новое и укладывают на землю на циновку; на другую циновку рядом с телом складывают одежду покойного; оружие покойного выставляется у входа во двор как символ семейного горя, и проходя мимо оружия, посетители начинают издавать рыдания» [36].

Момент перемен в традиционном укладе горцев зафиксировал Ж.-В.-Э. Тебу де Мариньи, бывший в Черкесии в начале 1820-х гг.: «Тело умершего полностью обворачивается в белое полотно и опускается в могилу» [37, с. 301–302]. Ф.Д. де Монпере уточняет: «Ритуал похорон у черкесов меняется в зависимости от местности и, как и повсюду, от степени зажиточности умершего» и фиксирует утверждение исламских требований к подготовке тела к погребению: «У натухаев тело, обернутое в белое полотно, после песнопений в честь умершего и своего рода надгробного слова опускают в могилу, похожую с теми, которые я описывал выше; тело укладывают головой к востоку и на бок как у мусульман. В церемонии принимает участие мулла, если таковой имеется» [38].

Тем не менее у адыгов-черкесов обычай захоронения в одежде сохранялся еще длительное время применительно к категории умерших, принявших смерть на поле боя: «черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие свои одежды» [39, с. 288]. Эта установка выработалась в связи с возможностью гибели в битве: «Если это убитый в бою, но не в набеге ради добычи (определенная черта проводится между тем и другим), его хоронят в одежде, в которой он был убит, и не подвергают омовению, так как предполагается, что он без промедления будет принят в рай, как павший, защищая свою родину», в то же время «если кто-либо умирает своей смертью дома, его тело сейчас же моют, завертывают в новую белую бумажную или льняную простыню и хоронят...» [40, с. 496].

Данный тезис подтверждается и фольклорными источниками, в особенности адыгскими плачевыми песнями, где часто описывается гибель героя в парадной одежде: «*дыщэ цейшхуэри щыпщыгъмэ*» [41] («золотую черкеску большую когда ты носил»), «*цей морэ цыклури кьыбдоклэрахъуэ*» [41, с. 118–119] («черкеска малиновая твоя любимая на тебе ладно сидит»), «*фи цей джэхуитыр*» («ваши черкески серые») [41, с. 77] и т. д.

Те же установки на богатое погребальное одеяние обнаруживаем в еще более архаических преданиях. Так, в одном из осетинских сказаний о нартах обсуждается принципиальная значимость погребальной одежды. Главный герой был оскорблен перед смертью словами врага: «...позор ждет тебя в доме твоих родичей. Из кожи змеи приготовлен тебе гроб, а погребальные одежды сшиты из кожи лягушки». Поэтому раненый Сослан требует показать ему при жизни гроб и погребальные одежды: «не успокоюсь я, пока не увижу гроб свой и свою погребальную одежду. Вынесли тогда нарты погребальные одежды – из драгоценного шелка были сотканы они...» [42].

У основной массы осетин покойник по-прежнему хоронится в одежде. Современное обыденное сознание соотносит этот обычай с христианскими традициями погребения, однако наши материалы

убеждают в его древнейшем происхождении, что многократно иллюстрируется письменными источниками и устными свидетельствами. «Осетины, чтобы только одеть покойника как можно пышнее, продают все, что подвернется под руку. "Зачем, спрашивают, хотите вы одеть мертвого пышно? – Затем, отвечают хозяева, что покойник в этом мире, по бедности, не мог одеваться прилично, так пусть хоть теперь оденется, чтобы не стыдно было на том свете показаться умершим людям"» [43, с. 162].

Г.Ф. Чурсин на рубеже XIX–XX вв. наблюдал у грузин обычай надевать на покойника несколько слоев одежды: исподнего и верхнего платья [43, с. 176]. Наши информаторы рассказывают об аналогичной практике у современных абхазов: перед самым погребением в гроб кладут смену белья, носки, тапочки, деньги «в дорогу»¹.

Таким образом, традиция «одевания» покойника заместила традицией «заворачивания» в саван не сразу с усилением позиций ислама на Северном Кавказе. Как видно, некоторое время (конец XVIII – первая четверть XIX в.) они сосуществовали, отступление от этнокультурных канонов было медленным и постепенным. Так, комплекс ритуалов в отношении погребения павшего в бою: посвящение коня, длительное прощание (3–4 суток), захоронение в одежде, более строгий траур – удерживался в культуре, несмотря на распространение исламских практик (тщательное и полное обмывание тела, оборачивание в саван, скорые похороны в первые сутки после смерти и т. д.).

В отношении одежды покойника у многих народов Кавказа сохранились и другие архаические обычаи – «постпохоронные». В течение определенного времени (до 40 дней, до года) вещи умершего члена семьи раскладываются на его постели и оплакиваются, словно это он сам. Так, Дж. Белл наблюдал этот обряд у черкесов: «В течение года постель покойного и его оружие сохраняются в священной неприкосновенности, на том самом месте, что и при жизни покойного» [40, с. 451]. Известны локальные вариации этого «траурного перформанса». М. Джанашвили описывал, как абхазы «в одной из комнат плачут над трупом умершего, а в другой раскладывают его одежду и оружие и над ним также совершают оплакивание. Эти вещи умершего лежат в доме до сорокового дня, и все пребывающие сначала плачут над ними, а потом уже отправляются плакать на могиле» [43, с. 177]. Эта абхазская традиция – в течение года на постели покойного лежит его одежда, разложенная как на живом – не утратила актуальности до сегодняшнего дня². Разложенные в определенном порядке на кровати или тахте вещи покойного называются «аншан», в похоронно-

---

¹ Информатор Капш Алхас Валериевич, 1992 г.р., с. Бармыш, Абхазия.

² Информаторы Наташа Георгиевна Агумава, 1916 г.р., с. Эшера, Абхазия; Александра Джамаловна Авидзба, 1931 г.р., г. Новый Афон, Абхазия.

поминальной обрядности он замещает покойника и становится объектом оплакивания соболезнующими, что подтверждается современными полевыми материалами¹.

У ингилойцев через неделю после похорон женщины «отправляются на кладбище, где, разостлав на могиле одежды покойного, плача и завывая вспоминают о жизни умершего. Ингуши для оплакивания умершего ставят посреди двора постель, на которой раскладывают одежду покойного [43, с. 177].

В адыгской песне-плаче об исторической личности Кушуке, Ажджерия сыне (Аджигиреев – авт.), его вдова просит: «*Алэруэрэ сэ си арджэннышхуэри жыхафэ гуцэмэ щызогъэтыль. Чэрэчэуэрэ хагуэшэжынри къэвгъэтыпыхьэркъэ!*» («Из алара сплетенную мою циновку большую перед дверью я разложу. Доспехи, прежде чем раздадут, положите сюда и оплакать мне дайте!») [41, с. 57–61].

Этнографами зафиксирована и другая форма «посвящения одежды» покойному. Так, в отношении осетин пишут, что к очередным поминкам вдова «исправляет одежду и обувь мужа и по наступлении этого дня вечером, в присутствии родственников и знакомых покойного, надевает одежды мужа на крестообразную палку, с целью изобразить его. Искусственный покойник сажается на видное место» [44, с. 12].

Обычаи обращения с одеждой покойного, которая имитирует его самого, выдают древнее общекавказское основание культурных установок похоронно-поминального цикла, оказавшихся наиболее консервативными его элементами. Подтверждением тому служат и разновременные сведения в отношении хевсуров, сванов, имеретинцев, гурийцев и др. Обычай оплакивания над одеждой и лошадью умершего в Мегрелии отмечен еще в XVII в. А. Ламберти [45, с. 74] и наблюдался вплоть до конца прошлого века². В Самурзакани во время поминок «тело покойного заменяется куклою, одетою в его платье, которую кладут на ковре и подушке; рядом с куклою часто кладут и жену покойного, если она жива» [46, с. 83].

Одежда умершего для раздачи. Забота об одежде умершего не исчерпывается его «одеванием» для захоронения. Требуют решения ряд сопутствующих вопросов.

1. Как распорядиться одеждой покойного, носимой им при жизни?

Общая установка такова, что следует раздать ее родственникам, духовным лицам, нищим, тем кто копает могилу, обмывает тело и т. п. Судьба вещей покойного проясняется, например, в плаче о Кушуке Аджигирееве. Его вдова просит: «...доспехи, прежде чем раздадут (курсив наш – авт.), положите сюда и оплакать мне дайте». «Тем, кто

---

¹ Информатор: Алхас Валериевич Капш, 1992 г.р., с. Бармыш, Абхазия.

² Информатор: Ляля Арсеновна Авицба, 1969 г.р., г. Сухум, Абхазия.

мою могилу выроет, мои доспехи отдайте», – завещает Гукетла Матут своим родным [46, с. 140]. «С Ханифы снятую одежду, ее тело обмывшим раздают» [46, с. 161] – сообщается в *гъыбзэ* о гармонистке Ханифе Хамуковой.

2. Как осуществлялась процедура одаривания одеждой покойного?

В начале XIX в. очевидец похорон у адыгов свидетельствовал, как всю одежду умершего «кладут на циновку вместе с другими вещами и постепенно отдают соседнему мулле или тем, кто участвовал в церемониях. Семья ничего не может взять себе, кроме оружия, которое умерший носил, и коня, на котором он ездил» [40, с. 488].

У мегрелов по истечении 40 дней после смерти проводилась литургия и епископу, который ее служил, «дается все самое лучшее и красивое, что покойный дворянин имел для своего личного употребления. Поэтому епископу в вознаграждение за литургию приводят лошадь..., серебряные вещи, драгоценные платья...» [45, с. 74].

3. Как быть, если одежда покойного недостаточно хороша для раздачи? На этот вопрос подробно отвечает Дж. Белл: «Если одежда ко времени смерти оказалась недостаточно хорошей, то изготавливается новая, и родственники добавляют различные предметы, как например, обувь, гетры, мешки, сшитые из кожи (для путешествий) и т. д.» [40, с. 488].

Для оказания помощи семье умершего в пополнении «посмертного гардероба» близкие родственники и соседи приносят одежду или ткани для ее пошива. «Женщины – родственницы умершего [у ингушей – авт.] – приносят ситцу, кумачу и т. п., не меньше, как на один рубль» [43, с. 35].

Следует отдельно отметить, что до наших дней сохранилась разница в обращении с одеждой покойника: с одной стороны – комплект одежды, который был на покойном в момент смерти, обычно закапывают в конце огорода, где не ходят люди, туда же сливают воду после омовения; с другой стороны – вещи, носимые покойником при жизни, продолжают носиться теми, кто ее наследовал. В среде черкесской диаспоры в Иордании одежду приводят в порядок и через некоторое время после смерти развешивают в помещении при мечетях или национальных центрах – *хасэ* – и ею могут воспользоваться нуждающиеся.

Таким образом, все процедуры с одеванием покойника и раздачей его одежды имеют по меньшей мере две цели. Во-первых, одежда в этнических культурах Кавказа является неотторжимой частью ее носителя, и человек без одежды не может считаться включенным в социальные отношения [47, с. 45]. Поэтому так важно правильно одеть тело для погребения и затем «заместить» его в социуме комплектом парадного костюма, носившимся при жизни. Во-вторых, через разда-

вание, одаривание и обязательное ношение одежды умершего человека его жизнь в социуме (а значит – память о нем) продолжается.

Траурная одежда. Культурная ассимиляция эпохи глобализации не ликвидировала полностью информативную функцию одежды в ситуации скорби и траура, причем сохранились этнокультурные различия в траурной символике в разных культурах. Так, например, широко известен русский обычай обнажения головы мужчинами при входе в дом, где находится покойник. Диаметрально противоположна кавказская традиция обязательного ношения головного убора на похоронах и поминках. У большинства христиан Европы с трауром ассоциируется черный цвет, а на Востоке траур часто обозначается белыми одеждами.

У народов Северного Кавказа цвет одежды на похоронах существенной роли не играет. В культурном поле народов Кавказа современная «траурная» мода едина в соблюдении главного обязательного требования – наличие головного убора. Его форма у мужчин зависит только от личных предпочтений: кепки, бейсболки, шляпы, папахи. Женский головной убор – платок или шарф. Он может быть любой расцветки (но приглушенных тонов), завязан в зависимости от возраста и степени приверженности традиции в данной местности. Другие требования к одежде скорбящих и соболезнующих женщин состоят в необходимости носить платье с рукавами и чулках (пусть даже тонких, телесного цвета).

Однако развитие современной религиозной ситуации в регионе оказало деструктивное влияние на традиции ношения одежды на похоронах. В противовес народным обычаям «новые мусульмане» демонстративно отказываются от мужских головных уборов, считая это данью языческим обрядам¹. К женщинам же предъявляются повышенные требования: не просто платок, завязанный по моде, набивной или однотонный, закрывающий волосы и шею или, наоборот, формально прикрывающий макушку с выпущенными из-под него прядями, это должен быть однозначно хиджаб. Отмеченные новые тенденции заметнее в Ингушетии, Чечне и Дагестане, эпизодично встречаются в молодежной среде Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее.

Наши осетинские информаторы свидетельствуют, что траурная одежда в Осетии не имеет принципиальных отличий от традиций соседних народов: на похороны ходят в обычной одежде сдержанных тонов, которая стремится к более темным цветам в зависимости от степени родства с покойным.

Тем не менее анализ полевых и литературных материалов указывает все же на определенные установки во внешнем выражении траура.

---

¹ Информатор: Лиана Хоконова, 1998 г.р., г. Нальчик.

Ингушские этнографы указывают на существование специальной «веннача – ванначадувхар» – «на похороны-рождение одеваемое» [48, с. 298].

Глубокий черный цвет в одежде (туфли, чулки, платье, платок) отличает траурное облачение абхазских женщин. Мужчины обнажают голову, входя к покойнику, независимо от их конфессиональной принадлежности (что не свойственно большинству кавказцев). Более того, на стол перед домом прибывшие на соболезнование, прежде чем подойти к гробу, оставляют все «суетное»: головные уборы, сумки, телефоны¹. В прежнее время во дворе ставился «стол, к которому подходят плакальщики. Отдав у ворот лошадь, плакальщик подходит к столу, оставляет на нем свое оружие – шашку, револьвер, нагайку и шапку или башлык» [43, с. 186].

На древние традиции черного траура указывают фольклорные источники адыгского происхождения. В сказании о Малечипх, получившей известие о гибели жениха, глубина ее горя подчеркивается метафорой: «Малечипх, отвергнув платье с золотым шитьем узорным, в черном из дому выходит» [49, с. 405]. Детали исторических песен времен Кавказской войны (1763–1864) подтверждают долгую сохранность этой традиции: «*Уэ уи шыпхъууэ Хьэнифэ дахэр, дыбы фацэр дыгъэм пэлыдуэ, щыхъэкӀуейкӀэ зыцарегъэдз*» (Его [покойного] сестра Ханифа-красавица меняет свою сверкающую [от золототканной вышивки и украшений] под солнцем одежду на траурную) [50, с. 128]. Наши информаторы из адыгской диаспоры в Иордании говорят, что в соответствии с родительскими установками вид радикального черного траура «*уегъэмэхъашэ*», т.е. заставляет испытывать дискомфорт, не нравится, кажется неправильным.

В отношении траурного наряда черкесов сохранились сведения бытописателей прошлых веков. Джеймс Белл в 1838 г. писал: «...среди черкесов принято, если кто-либо умрет в семье, чтобы женщины некоторое время носили черное» [40, с. 496]. Кох подтверждает обычай выражения скорби по павшему в бою: «вдова и дети, закутанные в черные одежды, гораздо дольше скорбят о нем, если он погиб от рук врага» [51, с. 624]. Еще раньше Г.Ю. Клапрот уверенно заявлял о том, что «черкесы носят целый год черную одежду в знак траура» [35, с. 264]. Указание на «черные одежды» фиксирует характерное для многих народов выражение траура посредством специального наряда.

С.Ш. Гаджиева выявила особенности ношения траурной одежды у народов Дагестана. Она отмечает, что на этот случай одежду шили из простых тканей темных тонов. Мужской траурный костюм не имел жестких канонов. Близкие же женщины надевали длинное платье,

---

¹ Информаторы: Вадим Владимирович Бжания, 1979 г.р., с. Тамыш, Абхазия; Алхас Валериевич Капш, 1992 г.р., с. Бармыш, Абхазия.

платок или покрывало – все черного цвета. Для прочих родственников цветовая палитра менее строга. У других народов Восточного Кавказа, например, кумыков, цвет траурного платка был белый. У аварцев, даргинцев, лакцев траур в женской одежде маркировался акцентированно – даже летом носили шубу: «обычно по истечении двух-трех лет шубу с женщины должен был снять какой-нибудь влиятельный родственник или ... кадий, мулла» [18, с. 125]. Вообще шуба была знаковым элементом траура в горном Дагестане: известны свидетельства о том, что члены семьи умершего в течение нескольких дней носили туго подпоясанную шубу наизнанку. Знаком можно считать и сам способ ношения траура: родственницы умершего, провожая покойника на кладбище, «надевают на себя платье покойника *навыорот* (курсив наш – авт.)» [43, с. 180]; «по кончине владетельного князя все подвластные носят семь дней платья, вывороченные наизнанку» [43, с. 189].

Учитывая высокую семиотичность традиционной одежды адыгов (особенно женской), траурное состояние маркировалось нарушением привычного порядка ношения отдельных элементов одежды. Например, наглядным свидетельством женского горя служило отсутствие «стальных ножниц», обычно носимых на поясе: «кто их снимает – о мертвом тужит» [52, с. 372]. Позже ножницы использовались «для покойника»: их клали на труп в развернутом виде. По свидетельствам наших информаторов из черкесской диаспоры в Иордании¹ родители строго запрещали держать раскрытые ножницы дома, боясь дурной приметы. Женщины-аристократки, носившие деревянные башмаки на высокой подошве, снимали их также в знак траура: «*Чэщей гуцэугуэрэ си пхэа вакъитмэ щхьэкуае гуцэм срегъэпсых мыгъуэт!*» [41, с. 40–41] (букв. – «С самшитовых моих башмаков высоких горя вестник меня сойти заставляет, о горе!») – как услышала я весть о горе, так сошла со своих самшитовых котурнов.

Знаком, отмечавшим статус вдовы у адыгов, считался некий головной убор, который виделся современникам как бычий пузырь, прикрепленный к затылку и покрытый легким покрывалом или платком. Впервые он описан Адамом Олеарием в 30-е гг. XVII в. и в последующем был широко растиражирован другими авторами: «у вдов же сзади у головы большие надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрым флером или белой бумажной материей, издали получается впечатление, точно у них по две головы» [53, с. 516].

Сохранились записи Адама Олеария о приеме Голштинского посольства у вдовствующей княгини Бикэ с подробным описанием ее экзотического одеяния: длинного черного, подбитого соболями кафтана,

---

¹ Информаторы: Каид Ансоко, 1943 г.р., г. Суелех, Иордания; Фардоус Дэхкан, 1953 г.р., г. Амман, Иордания.

пестрого шелкового платка на шее и плечах и обвитого вышитым золотом флером головного платка, который прикрывал прикрепленный сзади к прическе бычий пузырь [32, с. 79–80]. В подтверждение своих слов Олеарий выкупил у Бикэ этот костюм и оформил манекен для Готторпской кунсткамеры. Популярности его описания вдовьей одежды кабардинской княгини послужило возможное знакомство с экспозицией кунсткамеры других авторов и публикацией гравюры манекена Августом Ионом в «Описании Готторпской кунсткамеры», изданной в 1674 г. в Шлезвиге [32, с. 80].

Следует отметить, что, судя по полевым источникам, у адыгов не одобрялось долгое ношение траура. Так, наш информатор рассказывала, что отец поучал своих дочерей: «долгий траур – не к добру. Он зовет новую беду»; «По прошествии положенных сорока дней снимайте платок (символ траура) и начинайте выходить в люди». Особая по сравнению с мужчинами ответственность женщин за восстановление баланса жизни выражена в ряде паремий: «нельзя носить черный платок по чужому покойнику – овдовеешь», «нельзя сидеть в позе горюющего, подперев руками подбородок, – умрет кто-нибудь из близких». В высшей среде черкесской диаспоры в Иордании женщинам принято иметь специальный «траурный» костюм черного или темно-синего цвета, который они носят исключительно на похороны¹.

При этом абадзехи и шапсуги в израильской диаспоре ходят на похороны в обычной одежде (длинная юбка, белый платок на голове), а вдовий траур обозначается не только цветом одежды, ограничением посещения развлекательных мероприятий, но и полным полугодовым затворничеством в доме. Аналогичные свидетельства мы имеем из абхазских и дагестанских полевых источников: в Дагестане во время траура одежду не стирали, и родственники умершего по возможности не выходили днем из дому; в Абхазии и сейчас строгий вдовий траур состоит в том, что, надев его однажды, жена не меняет платья.

В новейшее время происходит заметная нивелировка траурных маркеров в одежде, но можно с уверенностью указать на такие исторически сложившиеся и общие для Кавказа знаки мужской скорби по умершему, как отказ от пояса (кроме ряда дагестанских народов [18]), обязательного в одежде для мужчины с момента его вступления во взрослое мужское сообщество. Как вариант, была возможна замена узкого кавказского ремешка с серебряным набором на широкий матерчатый пояс, скрученный жгутом [54, с. 173]. Неподпоясанная черкесска, без кинжала символизировала глубокий траур.

После окончания срока траура осуществлялся переход к нормальной жизни и обычной форме одежды. Срок ношения траура, как

---

¹ Информатор: Мадина Балкыз, 1969 г.р., г. Амман, Иордания.

видно, варьировался в соответствии с регионом, историческим временем и конфессиональной ситуацией.

Выводы. Посмертные обрядовые церемонии над одеждой покойника у народов Северного Кавказа, таким образом, имеют целью (1) поддержание социального присутствия умершего в прежнем окружении; (2) сопровождение его в «другой мир»; (3) выражение связи семейно-родственной группы с ушедшим сородичем; (4) демонстрацию эмоционального восприятия смерти близкого человека.

Достижение этих задач происходит через обряды облачения тела для погребения, посвящения одежды покойнику для «замещения» его присутствия (от разложенного на кровати или столе полного комплекта костюма до наряженного в него манекена), через благотворительную раздачу его вещей, как носимых при жизни, так и докупленных (дошитых) – для памяти о нем и «продолжения биографии».

Ярким свидетельством коллективной утраты, эмоционального наполнения события смерти традиционно является траурное облачение родственников и соболезнующих: покрытие головы для мужчин и женщин, скорбные темные платья, которые не сменяются на протяжении длительного времени. Возможны локальные вариации с вывернутой наизнанку одеждой и ношением шуб даже в теплое время года, с неподпоясанной черкесской.

Анализ традиций траурного облачения и ритуальных действий с одеждой покойника позволяют сделать вывод об их глубоко архаичном характере и общекавказской культурной основе наиболее консервативных материальных элементов похоронно-погребального цикла. Изучение посмертного одеяния и символики траура в одежде в исторической ретроспективе позволяет проследить локальные трансформации традиций, что объясняется культурными взаимовлияниями и изменившимися ритуальными практиками в связи со сменой религиозных взглядов.

Список литературы

1. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Этнографическое обозрение. – 1970. – №4. – С. 3–17.
2. Миллер В. Религиозные верования осетин // Миллер В. Осетинские этюды. – Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитар. исслед., 1992. – 707 с.
3. Хетагуров К.Л. Особа (этногр. очерк) // Полн. собр. соч.: в 5 т. – Владикавказ: Республ. изд.-полигр. предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. – Т. IV. – С. 313–374.
4. Ковалевский М. Поклонение предкам у кавказских народов // Кавказ. – 1902. – № 107.
5. Лавров Д. Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. – Цхинвали: Ирыстон, 1989. – Кн. 4. – С. 37–99.
6. Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // Сб. сведений о кавказских горцах. – Вып. II. – Тифлис, 1870. – С. 28–32.

7. Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа в XIV в. – Тифлис, 1897. – С. 24–48.
8. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб.: Тип. А. Хомского и Ко, 1895. – 508 с.
9. Левашева В.П. Белореченские курганы // Тр. Гос. ист. музея. – М., 1953. – Вып. XXII. – С. 163–213.
10. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья (XIV–XVII вв.) / под ред. С.А. Плетневой. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 88 с.
11. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.) / под ред. проф. Е.И. Крупнова. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 90 с.
12. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Горной Осетии. – Владикавказ: Растдзинад, 1928. – 74 с.
13. Тменов В.Х. Город мертвых. Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 151 с.
14. Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1960. – 72 с.
15. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1927 гг. // Изв. Ингуш. науч.-исслед. ин-та краеведения. – Вып. 1. – Владикавказ, 1928. – С. 367–422.
16. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М.: Наука, 1971. – 208 с.
17. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
18. Джуртубаев М. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 255 с.
19. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции (адыгэ хабзэ). – Нальчик: Эльфа, 2000. – 360 с.
20. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 253 с.
21. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М.: РОСПЭН, 2008. – 710 с.
22. Кокоева А.Б. Погребальный обряд осетин как этнокультурный феномен: дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2015. – 198 с.
23. Цаллаев Х.К. Традиции и обычаи осетин. – Владикавказ: Ир, 1993. – 58 с.
24. Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, З.И. Хасбулатова, В.А. Тишков. – М.: Наука, 2012.
25. Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. – М.: Наука, 2012. – 605 с.
26. Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2010. – 309 с.
27. Адыгская (Черкесская) энциклопедия / под ред. М.А. Кумахова. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.
28. Думанов Х.М. Адыгэхэм я дауэдапщэхэр. Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльфа, 2006. – 216 с.
29. Тариева Л.У. Институт Сув в древней Ингушетии // Ингушетия и ингуши / сост. М. Яндиева. – Т. 1. – М.-Назрань, 1999. – С. 285–297.
30. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. – М.: Наука, 2004. – 240 с.
31. Бесс Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 330–352.
32. Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. – Л.: Наука, 1990. – 144 с.

33. Албогачиева М., Махмудова З. Одежда ингушей: история и современность // Кавказ: перекресток культур: сб. ст. по материалам регулярного семинара. – СПб.: Музей антропологии и этнографии (МАЭ) РАН (Кунсткамера), 2015. – С. 192–218.
34. Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. – Махачкала, 2010. – 309 с.
35. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 236–280.
36. Бесс Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 330–352.
37. Мариньи Т. Путешествия в Черкесию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 291–321.
38. Монпере Ф.Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435–457.
39. Хан-Гирей. Записки о Черкесии / вступ. ст. и подг. к печати В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 352 с.
40. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458–530.
41. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиус. – М.: Сов. композитор, 1980. – Т. 3. Ч. 2. – 264 с.
42. Смерть Сослана // Сказания о нартах. – Владикавказ: РИПП им. Гассиева, 2000.
43. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис, 1913. – 190 с.
44. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин. Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IX. – Тифлис, 1876.
45. Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией: сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 43. – 1913. – 232 с.
46. Мачавариани Д., Бартоломей И. Нечто о Самурзакани // Зап. Кавказ. отдела Рус. геогр. о-ва. – Вып. 6. – Тифлис, 1864.
47. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
48. Тариева Л.У. Ингушский костюм // Ингушетия и ингуши / сост. М. Яндиева. – Т.1. – М.-Назрань, 1999.
49. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. – М.: Наука, 1974. – 416 с.
50. Адыгские песни времен Кавказской войны / под ред. В.Х. Кажарова. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 436 с.
51. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585–628.
52. Кабардинский фольклор / под ред. Г.И. Бройдо. – Нальчик: Эль-фа, 2000.
53. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1636–1639) / пер., примеч. и указ. Л.М. Ловягина. – СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. – 528 с.
54. Гарсаев Мужские пояса и оружие чеченцев и ингушей конца XIX – начала XX в. // Власть. – 2009. – № 8. – С. 173–175.

References

1. Tokarev S. A. *K metodike etnograficheskogo izucheniya material'noi kul'tury* [To the methodics of ethnographic study of material culture] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 1970. – №4. – P. 3–17.
2. Miller V. *Religioznye verovaniya osetin* [Religious beliefs of Ossetians] // *Miller Vs. Osetinskie etyudy* [Ossetian essays]. – Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh issledovaniy, 1992. – 707 p.
3. Khetagurov K.L. *Osoba (etnograficheskii ocherk)* [Person (ethnographic essay)] // *Poln. sobr. soch. v 5 t.* [Complete works in 5 vol.]. – Vladikavkaz: Respubl. izd.-poligraf. predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2000. – Vol. IV. – P. 313–374.
4. Kovalevskii M. *Poklonenie predkam u kavkazskikh narodov* [Deference of the ancestors of the Caucasian peoples] // *Kavkaz* [Caucasus]. – 1902. – № 107.
5. Lavrov D. Ya. *Zametki ob Osetii i osetinakh* [Notes on Ossetia and Ossetians] // *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodicals of the Caucasus on Ossetia and Ossetians]. – Tskhinvali: Iryston, 1989. – Book 4. – P. 37–99.
6. Akhriev Ch. *Pokhorony i pominki u gortsev* [The funeral and commemoration of the highlanders] // *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. – Iss. II. Tiflis, 1870. – P. 28–32.
7. Lilov A. *Ocherki byta kavkazskikh gortsev* [Essays on the daily life of the Caucasian highlanders] // *Sb. materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza v XIV v.* [Collection of materials to describe the localities and tribes of the Caucasus in the XIV century]. – Tiflis, 1897. P. 24–48.
8. Semenov N. *Tuzemtsy Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Aborigines of the North-East Caucasus]. – SPb.: Tipografiya A. Khomskogo i Ko, 1895. – 508 p.
9. Levasheva V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorechensk mounds] // *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Transactions of the State Historical Museum]. – M., 1953. – Iss. XXII. – P. 163–213.
10. Nagoev A. Kh. *Material'naya kul'tura kabardintsev v epokhu pozdnego Srednevekov'ya (XIV–XVII vv.)* [Material culture of the Kabardins in the late Middle Ages (XIV–XVII centuries)]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – 88 p.
11. Miziev I.M. *Srednevekovye bashni i sklepy Balkarii i Karachaya (XIII–XVIII vv.)* [Medieval towers and crypts of Balkaria and Karachai (XIII–XVIII centuries)]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 90 p.
12. Kokiev G.A. *Sklepovye sooruzheniya Gornoj Osetii* [Crypt constructions of Mountain Ossetia]. – Vladikavkaz: Rastdzinad, 1928. – 74 p.
13. Tmenov V.Kh. *Gorod mertvykh. Pozdnesrednevekovye skleповые sooruzheniya Tagaurii* [City of dead. Late medieval crypt constructions of Tagauria]. – Ordzhonikidze: Ir, 1979. – 151 p.
14. Alekseeva E.P. *O chem rasskazyvayut arkheologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkessii* [What do the archaeological sites of Karachay-Cherkessia tell about]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 72 p.
15. Semenov L.P. *Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1925-1927 gg.* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushetia in 1925–1927] // *Izvestiya Ingushskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Kraevedeniya* [Proceedings of the Ingush Scientific Research Institute of Local Lore]. – Iss. 1. – Vladikavkaz, 1928. – P. 367–422.
16. Krupnov E.I. *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. – M.: Nauka, 1971. – 208 p.
17. Gadzhieva S.Sh. *Odezhda narodov Dagestana* [Clothing of the peoples of Dagestan]. – M.: Nauka, 1981. – 206 p.

18. *Dzhurtubaev M. Drevnie religioznye verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient religious beliefs of the Balkars and Karachays]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 255 p.
19. *Mafedzev S.Kh. Adygi. Obychai, traditsii (adyge khabze)* [Adygea. Customs, traditions (adyghe habze)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2000. – 360 p.
20. *Mafedzev S.Kh. Mezhpokolennaya transmissiya traditsionnoi kul'tury adygov* [Intergenerational transmission of the traditional Adygea culture]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 253 p.
21. *Chibirov L.A. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of Ossetians]. – M.: ROSSPEN, 2008. – 710 p.
22. *Kokoeva A.B. Pogrebal'nyi obryad osetin kak etnokul'turnyi fenomen* [Funeral rite of the Ossetians as an ethnocultural phenomenon]. Dissertatsiya na soisk. uch. st. k. ist. n. [Thesis for the Candidate degree in History]. – Vladikavkaz, 2015. – 198 p.
23. *Tsallaev Kh.K. Traditsii i obychai osetin* [Traditions and customs of Ossetians]. – Vladikavkaz: Ir, 1993. – 58 p.
24. *Chechentsy* [Chechens] / Ed. L.T. Solov'eva, Z.I. Khasbulatova, V.A. Tishkov. – M.: Nauka, 2012.
25. *Osetiny* [Ossetians] / Ed. Z.B. Tsallagova, L. A. Chibirov. M.: Nauka, 2012. – 605 p.
26. *Garsaev L.M. Odezhda chechentsev i ingushei XIX – nachala XX vv.* [Clothing of Chechens and Ingush of the XIX – early XX centuries]. Diss. na soisk.uch.st doktora ist.n. [Thesis for the Doctoral degree in History]. Makhachkala, 2010. – 309 p.
27. *Adygskaya (Cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. Ed. Kumakhova M.A. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p.
28. *Dumanov Kh.M. Adygekhem ya dauedapshchekher. Kratkii slovar' etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Adygekhem ya dauedapshchekher. A brief dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'-fa, 2006. – 216 p.
29. *Tarieva L.U. Institut Suv v drevnei Ingushetii* [Suv Institute in Ancient Ingushetia] // *Ingushetiya i ingushi* [Ingushetia and Ingush]. – Vol. 1. – M.-Nazran', 1999. – P. 285–297.
30. *Dalgat B.K. Pervobytnaya religiya chechentsev i ingushei* [The primitive religion of the Chechens and Ingush]. – M.: Nauka, 2004. – 240 p.
31. *Bess Zh.-Sh. Puteshestvie v Krym, na Kavkaz, v Gruziiyu, Armeniyu, Maluyu Aziyu i v Konstantinopol' v 1829 i 1830 gg.* [Travel to the Crimea, Caucasus, Georgia, Armenia, Asia Minor and to Constantinople in 1829 and 1830] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik, 1974. – P. 330–352.
32. *Ravdonikas T.D. Ocherki po istorii odezhdy naseleniya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Essays on the history of clothing of the population of the North-West Caucasus]. – Leningrad: Nauka, 1990. – 144 p.
33. *Albogachieva M., Makhmudova Z. Odezhda ingushei: istoriya i sovremennost'* [Clothing of the Ingush: history and modernity] // *Kavkaz: perekrestok kul'tur: (sbornik statei po materialam regul'yarnogo seminara)* [Caucasus: crossroads of cultures: (collection of articles based on the materials of a regular seminar)]. – SPb.: Muzei antropologii i etnografii (MAE) RAN (Kunstkamera), 2015. – P. 192–218.
34. *Garsaev L.M. Odezhda chechentsev i ingushei XIX – nachala XX vv.* [Clothing of Chechens and Ingush of the XIX – early XX centuries]. Diss. na soisk.uch.st doktora ist.n. [Thesis for the Doctoral degree in History]. Makhachkala, 2010. – 309 p.

35. *Klaprot G.-Yu. Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Travel to the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 236–280.

36. *Bess Zh.-Sh. Puteshestvie v Krym, na Kavkaz, v Gruziiyu, Armeniyu, Maluyu Aziyu i v Konstantinopol' v 1829 i 1830 gg.* [Travel to the Crimea, Caucasus, Georgia, Armenia, Asia Minor and to Constantinople in 1829 and 1830] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 330–352.

37. *Marin'i T. Puteshestviya v Cherkesiyu* [Travels to Circassia] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 291–321.

38. *Monpere F.D. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhaztsam, v Kolkhidu, Gruziiyu, Armeniyu i v Krym* [Traveling in the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Colchis, Georgia, Armenia and Crimea] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 435–457.

39. *Khan-Girei. Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 352 p.

40. *Bell Dzh. Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837, 1838, 1839 gg.* [Diary of a stay in Circassia during 1837, 1838, 1839] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 458–530.

41. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adygei]. – M.: Sovetskii kompozitor, 1980. – Vol. 3. – Part 2. – 264 p.

42. *Smert' Soslana* [The death of Soslan] // *Skazaniya o nartakh* [Tales of the Narts]. – Vladikavkaz: RIPP im. Gassieva, 2000.

43. *Chursin G.F. Ocherki po etnologii Kavkaza* [Essays on the ethnology of the Caucasus]. – Tiflis, 1913. – 190 p.

44. *Gatiev B. Sueveriya i predrassudki u osetin. Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Ossetians' superstitions and prejudices. Collection of information about the Caucasian highlanders]. – Iss. IX. – Tiflis, 1876.

45. *Lamberti A. Opisanie Kolkhidy, nazyvaemoi teper' Mingreliei* [Description of Colchis, now called Mingrelia] // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. – Iss. 43. – 1913. – 232 p.

46. *Machavariani D., Bartolomei I. Nechto o Samurzakani* [Something about Samurzakani] // *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society]. – Iss. 6. – Tiflis, 1864.

47. *Baiburin A.K. Ritual v traditsionnoi kul'ture* [A ritual in traditional culture]. – SPb.: Nauka, 1993. – 240 p.

48. *Tarieva L.U. Ingushskii kostyum* [Ingush costume] // *Ingushetiya i ingushi* [Ingushetia and Ingush]. – Vol. 1. – M.-Nazran', 1999.

49. *Narty. Adygskii geroicheskiy epos* [Sledges. Adyghe heroic epic]. – M.: Nauka, 1974. – 416 p.
50. *Adygskie pesni vremen Kavkazskoi voiny* [Adyghe songs of the Caucasian war]. Ed. V.Kh. Kazharova. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 436 p.
51. *Kokh K. Puteshestvie po Rossii i v kavkazskie zemli* [Traveling to Russia and the Caucasian lands] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 585–628.
52. *Kabardinskii fol'klor* [Kabardian folklore] / Ed. G.I. Broido. – Nal'chik: El'-fa, 2000.
53. *Olearii A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno (1636–1639)* [Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back (1636–1639)]. – SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1906. – 528 p.
54. *Garsaev. Muzhskie poyasa i oruzhie chechentsev i ingushei kontsa XIX – nachala XX vv.* [Men's belts and weapons of Chechens and Ingush of the late XIX – early XX centuries] // *Vlast'* [Power]. – 2009. – № 8. – P. 173–175.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 394.3(470.56)"19"-055.2

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

Е.В. Бурлуцкая (Банникова)

Балы, маскарады и танцевальные вечера как варианты досуговой повседневности горожанок Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в.*

Статья посвящена досуговой составляющей повседневной жизни провинциальных горожанок Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. Речь идет о таких формах досуга, как балы, маскарады и танцевальные вечера, которые были наиболее популярными способами свободного времяпрепровождения не только у аристократок, но и у горожанок среднего достатка (купцов, мещан, казаков). Танец всегда был тесно связан с эмоциональной и психофизической сферой людей, обладал множеством важных социокультурных функций – помогал налаживать групповые и межличностные контакты, способствовал самопрезентации. Для различных сословных категорий танцевальные вечера могли выполнять различные задачи. Оренбургская аристократия с их помощью стремилась повысить свой социальный статус. Средние городские слои рассматривали танцы просто как возможность приятного времяпрепровождения, активного отдыха, не вкладывая в них большого социального смысла. В уездных городах танцевальная культура горожан подвергалась ощутимому влиянию сельских вкусов.

Ключевые слова: история повседневности, женская история, провинция, досуг, бал, маскарад, танцы.

E. V. Burlutskaya (Bannikova)

Balls, masquerades and dancing evenings as variations of leisure everyday life of townswomen of the Orenburg province of the second half of the XIX – early XX centuries

The article is devoted to the leisure component of everyday life of the provincial townswomen of the Orenburg province of the second half of the XIX – early XX centuries. This refers to such forms of leisure as balls, masquerades and dancing evenings, which were the most popular ways of spending free time not only among aristocrats, but also among middle-income townspeople (merchants, philistines, Cossacks). Dance has always been closely associated with the emotional and

---

© Бурлуцкая (Банникова) Е.В., 2019

© Burlutskaya (Bannikova) E.V., 2019

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

psychophysical sphere of people, had many important socio-cultural functions – it helped to establish group and interpersonal contacts, contributed to self-presentation. For various social categories, dance evenings could perform various tasks. The Orenburg aristocracy with their help sought to improve their social status. The middle urban strata considered dancing simply as an opportunity for a pleasant pastime, active recreation, without investing much social meaning in them. In district towns the dance culture of the townspeople was significantly affected by rural tastes.

Key words: history of everyday life, women's history, province, leisure, ball, masquerade, dancing.

Досуговая составляющая повседневности до настоящего момента продолжает оставаться еще не вполне легитимизированной частью повседневной жизни, предполагаемой к изучению. В понимании ряда исследователей досуг не может считаться компонентом обыденного существования, поскольку всегда предполагает нечто радостно ожидаемое, предвкушаемое, выходящее за пределы рутины. Общеизвестным стало то мнение, что к повседневности относятся социальные явления и индивидуальные состояния, классифицируемые в качестве обычных, обиходных, т. е. не принадлежащих к явлениям однократным, необычным или харизматическим: будни, но не праздник, работа, но не праздность [1; 2]. С другой стороны, досуг вполне может быть повседневным, если он включает в себя ежедневные практики отдыха, не предполагающие каких-то специальных действий.

Досуг, как элемент повседневности, имеет много составляющих. Фактически это понятие сформировалось на рубеже XIX–XX вв. в условиях урбанизации и было связано с достижениями цивилизации: появлением свободного времени у горожан в связи с нормированием рабочего времени, распространением коммуникаций различного вида, ростом грамотности и проч. Одной из форм досуга были общественные собрания в форме балов, маскарадов и танцевальных вечеров.

Танцы на всем протяжении человеческой истории выполняли важные социальные функции. Первоначально они служили художественным воспроизведением различных процессов жизнедеятельности первобытного человека (охоты, труда). Танец являлся неотъемлемой частью культовых действий. На определенном этапе он превратился в способ развлечения, однако при этом не потерял своего социального значения. По словам одного из современных исследователей, «ассамблеи, танцевальные вечера, балы стали актом общественной и социально-культурной жизни общества. Светский бал, просуществовавший в России ровно два века, был формой общения, в котором формировался особый язык – взгляда, жеста, манеры держаться, нормы взаимоотношений» [3, с. 93].

Важная роль, которую играла Оренбургская губерния в политической системе империи и ее военно-стратегическом развитии, приводи-

ла к тому, что в губернской столице и других уездных центрах сосредотачивалось значительное число женщин – жен чиновников и офицеров, присланных в регион по службе.

В Оренбурге, как военно-административном центре губернии, стало складываться вполне аристократичное женское общество. Большую роль сыграл в этом оренбургский генерал-губернатор граф В.А. Перовский, исполнявший обязанности начальника губернии в 1833–1841 и 1851–1857 гг. Василий Алексеевич, привыкший к блестящему столичному обществу, ослепительным балам, прекрасным дамам света, очевидно, скучал в «диком» Оренбурге. Одной из попыток унять эту скуку стало решение устроить в этом лежащем на краю света городе «маленький уголок Петербурга».

На главной улице Оренбурга было выстроено здание Благородного (дворянского) общественного собрания. Автором проекта выступил архитектор Александр Брюллов, старший брат знаменитого художника Карла Брюллова. Фасад особняка, построенного в духе позднего классицизма, украшали полуколонны дорического ордера, а окна – гипсовые розетки. Первоначальный интерьер Дворянского собрания отличала изящная, но богатая отделка, сохранившаяся до наших дней лишь частично. В собрании стали давать великолепные балы.

А.Н. Плещеев в повести «Пашинцев», написанной в конце 1850-х гг. в период оренбургской ссылки, описывая бал в Оренбурге-Ухабинске, замечал: «Зал наполнялся быстро и начинал представлять для глаз весьма живописную пестроту: розовые, голубые, белые платья, аксельбанты, красные панталоны, звезды на фраках и на мундирах, Станиславы на шее, Станиславы в петличках, белые бурнусы на синих кафтанах, даже один гусарский доломан и один черкесский чекмень, усы, бакенбарды, лысины, убеленные сединами старцы и старицы, цветущие здоровьем юноши с проборами посередине головы, с проборами на затылке, с проборами сбоку, цветы, ленты, колосья, обнаженные плечи, пухленькие и тощие, – словом, было от чего зарябить в глазах, закружиться в голове. И все так изящно, прилично, нигде карикатурной фигуры, нигде допотопного чепца, нигде безвкусного сочетания цветов» [4, с. 551–552].

П.П. Жакмон, сын начальницы Оренбургского девичьего института, в своих воспоминаниях писал: «Имея в своем распоряжении бесконтрольную сумму башкирского капитала, состоявшего из нескольких миллионов рублей, и полмиллиона рублей, отпускаемых ежегодно на угощение киргизов и на прием хивинских и бухарских посланников, В.А. Перовский сам для себя не пользовался ни одной копейкой этих денег, но употреблял их на устройство балов, пиршеств и празднеств для поддержания престижа своей власти. Так, например, за месяц или за два перед этими балами всем молодым дамам свиты В.А. Перовского высылались богатые дорогие материи и целые гото-

вые платья, привозимые из Парижа специально для этой цели командированным туда фельдъегерем. На обедах и ужинах подавались раритеты вроде малины и клубники в зимние месяцы, а на каждом дамском приборе лежал прелестный букет редких цветов, выписываемых из Петербурга» [Цит. по: 5, с. 317–318].

А.Н. Плещеев замечал: «Самый придиричивый столичный фронт, окинув пытливым взором это многолюдное общество, сквозь вставленную в глаз лорнетку, не нашел бы ничего провинциального, отсталого; от всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством с столицей, словом – просвещением!» [4, с. 551]. То же можно найти и у М. Михайлова, который констатировал: «Известно, что провинциальные города вообще страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, но Оренбург, как центр военного и гражданского управления краем и, притом, как резиденция генерал-губернатора, подвержен этой мании в превосходной степени. Доказательством наших слов могут служить здешние модные и галантерейные магазины, которые торгуют на большие суммы» [6, с. 38–39].

По воспоминаниям Т. Базинера, бал, посещенный им в Оренбурге, относился к празднествам, которые «лишь редко можно встретить, да и в редких местах [...] Здесь можно было видеть в мирном содружестве самые различные наряды Европы и Азии [...] и рядом с как бы парящими в своих легких газовых платьях женами военных и чиновников – неповоротливые супружеские половины русских купцов в тяжелых шелковых материях и перегруженные разнообразными, более или менее ценными украшениями. Я был очень рад заметить, что здесь не господствует, как в большинстве маленьких городов провинции, тот чванный кастовый дух, то внешнее соблюдение чопорного этикета, которое отнимает все волшебство у приятельского общения» [Цит. по: 7, с. 140–141].

Действительно, кастового духа в Оренбурге не наблюдалось, поскольку тех, кого можно было отнести даже не к высшему, а просто к приличному обществу, здесь было совсем немного. Да и менялось это сообщество со скоростью картинок в калейдоскопе. Поэтому жестко отделять дворянский круг от, к примеру, купеческого, не было никакого смысла. Тем не менее и в Оренбурге складывались соперничавшие друг с другом группировки. Как писал А.Н. Плещеев, «общество, как ни малочисленно оно было, делилось на бесконечные партии. Одна партия язвила другую; одна другую старалась затмить светскостью» [4, с. 571]. Почти теми же словами описывал оренбургское общество Ф.И. Лобысевич: «Как и везде, общество делится на кружки: часть его, во что бы то ни стало, силится стать на аристократическую ногу» [8, с. 21].

Оренбургское общество, как и большинство провинциальных социумов, было падко на новости, потому что жизнь в городе текла чаще

всего вяло и однообразно. Дам интересовали новые моды, подробности семейных конфликтов, но более всего – свежие люди, появляющиеся в обществе: «...всякое появление новой особы сейчас заметно, точно постороннее тело, попавшее в известную массу; говорам, судам и пересудам нет конца» [8, с. 21]. Даже в «Хронике Оренбурга» за 1864 г. был упомянут один «скандальчик», случившийся в высшем дамском обществе: «две дамы в клубе благородного собрания поспорили о месте за карточным столом; спор перешел в брань, в которой принял участие и муж одной из этих дам; когда же старшины клуба попросили ожесточившихся удалиться из собрания, руганье продолжалось и на улице, к соблазну меньших братьев» [9, с. 33].

Однако, как правило, на балах, дамское общество, напротив, демонстрировало абсолютную любовь и взаимопонимание. По словам Плещеева, здесь дамы, «казалось, забывали свои антипатии, свою вражду, все ссоры, интрижки и сплетни, которыми так изобилует провинциальная жизнь; обращались друг к другу с самыми ласковыми, дружескими названиями, ... и поправляли друг другу платья, прикалывали бантики, советовали спустить пониже цветок, и все это с такой предупредительностью, с такой любовью, что вы невольно умилились бы...» [4, с. 551].

С окончанием губернаторства В.А. Перовского оренбургская аристократия перестала получать специальные дотации «на модный наряд». При этом страсть к роскошествам у нее уже вошла в привычку. В результате, как писал М. Михайлов, «здешнее общество дошло до таких плачевных результатов, что на балы его являлось иногда не более трех дам, ибо прочие за невозможностью соперничать со счастливицами, хотя не без слез и ссор, оставались дома» [6, с. 40].

После упразднения Оренбургской крепости в 1862 г. высшее общество губернской столицы существенно поредело. В середине 1860-х гг., по мнению современников, едва ли можно было отыскать «другой столь скучный город, как Оренбург». Благородное собрание с танцами, картами и бильярдом – «почти единственное место для развлечения порядочной публики» посещалось немногими. Случалось, что из-за отсутствия четвертой дамы невозможно было организовать кадрили и танцевальный вечер объявлялся несостоявшимся. «Даже пульку в преферанс либо ералаш не всегда удается сформировать» [9, с. 30].

На первый план стало выходить купечество, активно осваивавшее не только региональные рынки, но и городское пространство, а также представители прочих социальных слоев. Этот «средний класс» стал предъявлять новые требования к качеству своей жизни. Под влиянием подобных настроений в 1864 г. в Оренбурге был открыт казачий клуб. Его основателями стали казачьи офицеры, которые «убедили свои семейства, что приличие и вкус нарядов выше их ценности [...] К каза-

кам пристали и прочие лица среднего класса, мало по малу составил-ся сбор, а затем исходатайствовано было разрешение пользоваться залами благородного собрания. Недостаточные семейства ожили и можно сказать, что на казачьих вечерах несравненно веселее и многолюднее, чем на пышных съездах благородного собрания. К тому же и членский взнос наполовину менее: вместо 10 р. только 5 р. за весь зимний сезон. Жаль только, что танцевальная зала в доме собрания одна и оркестр далеко не из изрядных», – констатировал М. Михайлов [6, с. 40].

Об этих же танцевальных вечерах казачьего клуба писала и «Хроника Оренбурга», отмечая, что на них собиралось 60–70 пар. На вечера допускались не только казаки, но и семейства других сословий, с тем лишь условием, чтобы «являться без всякой роскоши в туалете». Присутствующие, в отличие от «сливок» рафинированного Благородного собрания, танцевали «до упаду, с искренним удовольствием, душа не нарадуется, глядевши на неподдельную веселость» [9, с. 31].

В 1871 г. по инициативе оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в Оренбурге было открыто Коммерческое собрание. В прошении Крыжановского министру внутренних дел А.Е. Тимашеву указывалось: «Принимая во внимание, что многочисленный торговый класс в Оренбурге ведет жизнь совершенно замкнутую и доселе чуждается всяких общественных развлечений, я нахожу в высшей степени полезным открытие предполагаемого коммерческого клуба, который не только будет содействовать сближению коммерческого класса между собой, но и с другими сословиями, и несомненно воздействует благотворительно на развитие в нем (городе) полезной во всех отношениях общественной жизни...» [10, л. 2–2 об.].

В аристократической среде умение танцевать рассматривалось как ценное достоинство, а бал мог стать способом решения вопросов карьеры, возможностью наладить нужные связи, приобрести полезные знакомства и даже отыскать себе вторую половину. В повести Плещеева появление на балу губернатора – «старенького, седенького и сутуловатого, с большой лысиной на макушке» – вызвало оживление среди присутствующих дам, утверждающих, «что они никогда не встречали такого милого старичка». Дамы, окружив престарелого губернатора, засыпали его вопросами о здоровье, о петербургских новостях. «Некоторые, посмелее, даже приглашали его вальсировать: а одна подарила ему цветочек из своего букета, и сама продела этот цветок в петличку губернаторского фрака, за что его превосходительство с чувством пожал маленькие пальчики очаровательницы» [4, с. 552].

В Благородном собрании зимой раз в неделю для городской аристократии по-прежнему организовывали семейные вечера или маскарады, которые, по словам Ф. И. Лобысевича, имели «свой, какой-то

оригинальный характер; являются 35 дам и из них только 8–10 в домино и масках, а остальные в бальных платьях; мужчин замаскированных совсем не бывает; маски не подходят к мужчинам сами и не интригуют, а, большею частью, сидят и пыхтят от духоты и скуки; кавалеры же, преимущественно, состоят из офицеров квартирующих здесь войск и нескольких статских; многие отличаются оригинальностью в танцах и особенной манерой в танцах дергать и изо всей силы вертеть дам» [8, с. 23–24].

С кавалерами в городе действительно было плохо. В самом начале своей повести А.Н. Плещеев замечал, что среди чиновников Оренбургской (Ухабинской) губернской канцелярии «находились даже молодцы, сморкавшиеся без платка; а уж лайковых перчаток не носил решительно ни один» [4, с. 546]. Один из персонажей пьесы, ротмистр Амарантский, танцуя, «то и дело играл цепочкой и рисовался; а в разговоре употреблял самые вычурные, изысканные фразы, а la Марлинский» [4, с. 555]. Он же, во время кадрили, которую играли на мотив «барыни», завил, что ему «эта кадрили напоминает Бетховена» [4, с. 554]. А сам Владимир Николаевич Пашинцев (главный герой повести) нравился барышням за то, что «не носил пестрых жилетов, не повязывал цветных галстуков, не выставлял напоказ позолоченной цепочки». Из-под воротника его пиджака не торчали «тесемочки, обличавшие присутствие манишки». «Он не садился на кончик стула, поджав под него ноги; когда смеялся или был чем-нибудь удивлен, не хлопал себя по ляжкам и не приседал; никогда не хихикал, закрывши себе рот рукой; никогда не торчал из его кармана кончик клетчатого бумажного платка и никогда не свертывал он своих батистовых платков в клубочек» [4, с. 598]. Это повествование «от противного» ярко свидетельствует о том, какова была основная масса мужчин из оренбургской аристократии.

Офицеры Оренбургского линейного батальона, по воспоминаниям Н.Г. Залесова, свое свободное время «проводили или в компании с писарями разных управлений корпуса или в кутежах с женщинами легкого поведения, причем весьма часто попойки кончались дракой» [11, с. 54]. В Челябинске офицеры, поругивающие «Чехова за офицеров в “Трех сестрах” и Куприна за “Поединок”», тоже были «одинаково неинтересны» [12, с. 252].

Возможно, даже такие кавалеры могли бы составить счастье одной из оренбургских барышень. Но значительная часть горожанок Оренбургской губернии имела «внешнее» происхождение – по данным переписи 1897 г., 35,3 % от их состава были уроженками других губерний [13, с. 109]. Среди проживавших в Оренбурге дворянок это число было еще выше и достигало 42 % [13, с. 110]. И хотя большинство приезжих женщин родились в Казанской, Уфимской и Самарской гу-

берниях, в Оренбурге оказывались и уроженки столиц (155 чел. [14, с. 22, 24] или 0,44 % горожанок).

Думается, что им вряд ли были по сердцу оренбургские кавалеры, потому что, как писал А.Н. Плещеев, человек «не вполне достойный любви, но вполне приличный, всегда скорее нравится ей, нежели тот, у кого эти свойства наоборот» [4, с. 598]. Н.Г. Залесов, к примеру, общался, что с офицерами линейного батальона оренбургские барышни предпочитали не общаться – «или вовсе не смотрели, или бросали презрительный взгляд с тем, чтобы сейчас же отвернуться». Лишь несколько «перезрелых барышень» согласились танцевать с ними на танцевальном вечере кадрили, «но и тут не без злости», делая «самую кислую гримасу» [11, с. 53].

В «Оренбургской газете» за январь 1901 г. были размещены объявления о зимних увеселениях, которые ожидали жителей Оренбурга. Так, в помещении Общественного собрания 21 января планировался танцевальный вечер в пользу благотворительного общества при римско-католической церкви, 8 февраля на Масляной неделе ожидался ежегодный художественно-костюмированный бал Оренбургского общества любителей художеств. А Совет старшин Оренбургского коммерческого собрания объявлял о том, что в январе-феврале в том же зале Общественного собрания должны были состояться семейные вечера и «членские маскарады». Гости вечеров, по рекомендации членов Общества, должны были заплатить за вход по 1 р. 10 к. «Вход масок в дни членских маскарадов и дам, не принадлежащих к семейству членов», на все эти вечера предполагался по билетам, за получением которых следовало обращаться в Коммерческое собрание к дежурному старшине. Начало вечеров планировалось в 9 ч вечера. Форма одежды для штатских определялась просто – «в сюртуках». Маскарад ожидался и по окончании спектакля «Царь Федор Иоаннович», который должен был состояться 14 января в городском театре [15].

Несмотря на довольно широкое предложение, участницами балов и маскарадов в итоге становилась очень небольшая часть горожанок. Открытое нежелание оренбуржцев тесно общаться с земляками было отмечено неоднократно. М. Михайлов, рассказывая о вариантах летнего отдыха горожан, описывал палаточные дачные городки, состоящие из киргизских кибиток. «Подобных, наскоро импровизированных, дач в окрестностях Оренбурга можно встретить немало, – писал путешественник, – но все они располагаются отдельно одна от другой, как будто оренбуржцы сами бегут общества» [6, с. 47]. А в оренбургских газетах того времени встречались такие анекдоты, как, например, «Охотники на праздниках»:

- Я всегда провожу праздники в лесу на охоте...
- Почему так?

– Нахожу, что приятнее иметь дело с медведями, чем с визитерами [15].

Возможно, причина нежелания общаться с соседями крылась в чрезвычайной пестроте городского населения, собранного из самых разных регионов России и мира. Ф.И. Лобысевич констатировал, что в Оренбурге «дворянства местного почти нет или, по крайней мере, оно здесь не играет никакой роли; купечество держится особняком, и в общество, в собрание является из них лишь несколько дам, замечу мимоходом, очень состоятельных и очень хорошеньких; для остальных, кроме театра и катанья, все общественное закрыто: ни они никуда более, ни к ним никто» [8, с. 21].

Челябинск, как и Оренбург, отличался от других провинциальных городов постоянной сменой состава городского общества. Чиновничество здесь «не является господствующим классом и не задает тона», как это было в других небольших городах. Как отмечала А.М. Нечаева, прибывающие в Челябинск на службу чиновники «смотрят на свое пребывание, как на переходную стадию. [...] Никто из них не засиживается и живет здесь как на бивуаках – "проходимцем" ... Более постоянный класс населения состоит из крупного купечества, мелких торговцев и железнодорожников разного калибра» [12, с. 239].

Именно эти категории населения и организовали в Челябинске клубные собрания. В клубах устраивались карточные игры (преферанс и макао) и «русско-славянские танцы», которые стороннему наблюдателю представлялись курьезом. Как отмечали современники, танцы были «исполнены провинциальных особенностей. Танцуются они под какие-то оркестровые или рояльные частушки, почти все на один манер. Кавалер, стараясь держать бюст и голову каменно неподвижными, ногами стремится выделывать самые невозможные выкрутасы, или же, наоборот, танцует на одних пятках, едва поворачиваясь, "неглиже с отвагой", как выражаются шутники. Боже упаси танцующей даме приподнять слегка край платья, как вообще принято на танцах.

- Вот бесстыжая-то, – не стесняясь, пустят ей вслед.

Если же дама хочет по-местному танцевать эффектно, то она должна как можно сильнее трясти боками, подперши их руками, или сложить руки на груди а la Наполеон. Она тоже может танцевать "неглиже", едва переставляя ноги и зевая со скучающим видом по сторонам... Если кому-либо удастся удачно выполнить все эти требования "хорошего тона", его единодушно награждают аплодисментами и даже просят повторить танец» [12, с. 251]. Подобные варианты танцевальных па, скорее всего, попали в городской обиход с сельским населением, перебирающимся в город в поисках больших денег и лучшей жизни.

Население Илецкой Защиты, «кроме чернорабочих и служителей», состояло «из нескольких семейств чиновников, которые состав-

ляют цвет здешнего общества». Здесь, по словам современника, «все отзывается Оренбургом... столицей... шампанское, шелковые платья, король-валет, сам-пять, блондовые чепцы, чудный ростбиф, Бальзак и Эжен Сю, лакированные сапоги, листовские транскрипции... одним словом, все, как у нас в Петербурге. Что ж касается до низшего слоя, до простолюдья, то особенно блестящих сторон оно, по разрозненности элементов, его составляющих, представить не может: днем оно работает, ночью спит, в праздники пьет вино...» [16, с. 199].

Как писал современник, там «живется всем очень хорошо и очень весело; развлечения общественные разнообразны и потому очень понятно, что балы, обеды, ужины, карточные вечера должны очень часто перемешиваться с умственными занятиями ... А соскучится в Защите, едут в Оренбург – ведь это рукой подать: выехал утром, приехал к обеду, проплясал всю ночь до упаду, и на завтра опять в Защите» [16, с. 199].

В других городах губернии развлекательных танцевальных вечеров не проводилось. Орск и Верхнеуральск были, скорее, военными крепостями, совершенно непригодными для аристократических увеселений. Троицк представлял собой купеческий городок, заселенный преимущественно мусульманами. Такой состав городского населения также не способствовал расцвету там танцевального искусства.

В итоге следует констатировать, что танцы, как способ проведения свободного времени, играли в жизни горожанок Оренбургской губернии заметную, хотя и не самую важную роль. Различные категории населения вкладывали в этот вариант досуга свой особый смысл. Так, дворянки смотрели на балы как на способ самопрезентации и повышения социального статуса. Проблемы, возникшие со временем в этой сфере (сокращение доходов чиновников, перемены в системе ценностей у начальников края и пр.), лишали смысла участие дворянок в подобных увеселениях. Для купечества и других категорий горожан танцы были средством самовыражения и приятным вариантом отдыха. В уездных городах они имели свои особенности, связанные, вероятно, со значительным притоком в города сельского населения. Особого социального смысла в танцевальные вечера эти категории горожанок не вкладывали. Именно поэтому для них данная форма досуга оказывалась наиболее комфортной.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – 1977. – Вып. 411. – С. 65–89.
2. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. – Екатеринбург: УрГУ; ИФиП УрО РАН; РФО, 2007. – 295 с.
3. Тихоновская Г.С. Социально-культурные тенденции становления и развития танцевально-развлекательных форм досуга // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2016. – № 11-3 (53). – С. 92–96.

4. Плещеев А.Н. Пашинцев // Плещеев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. – М., 1960. – С. 508–632.
5. Скибин С.М. П.П. Жакмон: «Матери моей предстояла тяжёлая задача...» // Гостиный двор. – 2012. – № 38. – С. 317–318.
6. Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. – СПб.: тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. – 110 с.
7. Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. – Челябинск: Южно-Урал. книж. изд-во, 1988. – 272 с.
8. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: ист.-статист. очерк. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1878. – 60 с.
9. Хроника г. Оренбурга за 1864 г. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1865. – 34 с.
10. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6 – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора. Оп. 6. Д. 14303.
11. Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. – 1903. – Т. 114. – Кн. 4. Апрель. – С. 41–64.
12. Нечаева А.М. Челябинские впечатления // Ист. вестн. – 1909. – Т. СХVII. – Июль. – С. 236–269.
13. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей по данным первой всеобщей переписи населения российской империи 1897 г. // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2018. – № 2(26). – С. 105–120.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. – СПб.: Тип. Т-ва худож. печати, 1905. – 198 с.
15. Оренбургская газета. – 1901. – № 1116.
16. Небольсин П.И. Рассказы проезжего. – СПб.: Тип. Штаба воен-учеб. заведений, 1854. – 345 с.

References

1. Lotman Yu.M. *Poetika bytovogo povedeniya v russkoi kul'ture XVIII veka* [Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century] // *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Tartu State University]. – 1977. – Num. 411. – P. 65–89.
2. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Dialektika povsednevnosti: metodologicheskii podkhod* [Dialectics of everyday life: methodological approach]. – Ekaterinburg: UrGU; IFiP UrO RAN; RFO, 2007. – 295 p.
3. Tikhonovskaya G.S. *Sotsial'no-kul'turnye tendentsii stanovleniya i razvitiya tantseval'no-razvlekatel'nykh form dosuga* [Socio-cultural trends in the formation and development of dancing and entertaining forms of leisure] // *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Scientific Journal]. – 2016. – № 11-3 (53). – P. 92–96.
4. Pleshcheev A.N. *Pashintsev* [Pashintsev] // *Pleshcheev A.N. Izbrannoe: Stikhotvoreniya. Proza* [Selected writings: Poems. Prose]. – М., 1960. – P. 508–632.
5. Skibin S.M. P.P. *Zhakmon: «Materi moei predstoyala tyazhelaya zadacha...»* [P.P. Jacquemont: «My mother had a difficult task...»] // *Gostinyi dvor* [Merchant center]. – 2012. – № 38. – P. 317–318.
6. Mikhailov M. *Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchikh oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troitskom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu*

step' do Forta № 1 [Orenburg letters for those who wish to get acquainted with Orenburg, Orsk, Troitsky, Fort Aleksandrovsky and the road through the Kyrgyz steppe to Fort No. 1]. – SPb.: tip. N. Tiblen i Ko, 1866. – 110 p.

7. *Dorofeev V.V. Nad Uralom-rekoi* [Over the Ural River]. – Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 272 p.

8. *Lobysevich F.I. Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskii ocherk* [The city of Orenburg: historical and statistical essay]. – SPb.: Tipografiya E. Goppe, 1878. – 60 p.

9. *Khronika g. Orenburga za 1864 g.* [Orenburg city chronicle for 1864]. – SPb., Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1865. 34 p.

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOO)* [State Archive of the Orenburg Region (GAOO)]. F. 6 – *Kantselyariya orenburgskogo general-gubernatora* [Office of the Orenburg Governor General]. Op. 6. D. 14303.

11. *Zalesov N.G. Zapiski ad'yutanta* [Notes of the adjutant] // *Russkaya starina* [Russian antiquity]. – 1903. – Vol. 114. – Book 4. April. – P. 41–64.

12. *Nechaeva A.M. Chelyabinskские впечатления* [Chelyabinsk impressions] // *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin]. – 1909. – Vol. CXVII. July. – P. 236–269.

13. *Burlutskaya (Bannikova) E.V. Soslovnyi sostav gorodskogo naseleniya Orenburgskoi gubernii i sotsiograficheskie kharakteristiki ego zhenskoi sostavlyayushchei po dannym pervoi vseobshchei perepisi naseleniya rossiiskoi imperii 1897 g.* [Urban population of the Orenburg Governorate according to the Russian Imperial Census of 1897, its social estates and its female population characteristics] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. – 2018. – № 2 (26). – P. 105–120.

14. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. *Izдание Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo*. Vol. XXVIII: Orenburgskaya guberniya. – SPb.: Tipografiya «Tovarishchestva Khudozhestvennoi pechati», 1905. – 198 p.

15. *Orenburgskaya gazeta* [Orenburg newspaper]. – 1901. – № 1116.

16. *Nebol'sin P.I. Rasskazy proezzhego* [Stories of a passer-by]. – SPb.: Tip-ya Shtaba Voенno-Uchebnykh Zavedenii, 1854. – 345 p.

А.Е. Жукова

**Женская домашняя прислуга в России
второй половины XIX – начала XX в.:
пути и варианты профессиональной подготовки***

В представленной статье рассматривается вопрос образования и профессиональной подготовки женской домашней прислуги в России второй половины XIX – начала XX в. Большая часть прислуги, происходившая из крестьянской среды, не имела необходимых в городских условиях навыков работы, при этом со стороны хозяек и нанимателей они встречали всё более обозначенную потребность в квалифицированном и профессиональном домашнем персонале. При этом получить необходимую подготовку работницы могли исключительно практическим путем. Тем не менее в конце XIX – начале XX в. в России существовали многочисленные благотворительные организации, имевшие прямое или косвенное отношение к данному вопросу. Часть из них была направлена на воспитание и помощь в обретении профессии подрастающему поколению, перевоспитание и исправление уже попавших в сложные жизненные ситуации девочек и девушек. В некоторых заведениях помощь оказывалась и оставшимся без работы представительницам прислуги. При этом целенаправленно обучиться такому нелегкому ремеслу, как ведение домашнего хозяйства и выполнение всех видов работ по дому, было негде, и все необходимые знания приобретались исключительно на практике.

Ключевые слова: прислуга, домашний персонал, обучение, Российская империя, благотворительность.

A.E. Zhukova

**Female domestic servants in Russia in the second half of the XIX –
early XX centuries: ways and options of professional education**

This article discusses the issue of education and training of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Most of the servants, who came from the peasant community, did not have the necessary work skills for urban conditions, while on the part of the housewives and employers they met an increasingly marked need for qualified and professional domestic staff. However, the workers could receive the necessary skills exclusively in a practical way. Nevertheless, in the late XIX – early XX centuries in Russia there were numerous charitable organizations that were directly or indirectly related to this issue. Some of them were aimed at educating and assisting in gaining a profession for the younger generation, re-educating

---

© Жукова А.Е., 2019
© Zhukova A.E., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

and correcting girls and adolescents, who already got in difficult life situations. In some establishments, help was also given to women workers who lost their work. At the same time, there was no place to purposefully learn such a difficult profession as housekeeping and performing all types of housework, and all the necessary knowledge was acquired exclusively in practice.

Key words: servants, domestic staff, education, Russian empire, charity.

Период второй половины XIX – начала XX в. в России был временем важнейших изменений в первую очередь в социальном устройстве общества, ведь политика, проводимая руководством страны, не могла не отразиться буквально на каждом из ее жителей. Для женской части населения наступило совершенно новое время – открылись более широкие возможности для получения образования, для самовыражения не только в доме и семье, но и в профессиональном плане. И если для представительниц высших и даже средних слоев общества существовало достаточно большое разнообразие вариантов, где они могли реализоваться, то для основной массы населения, в первую очередь сельского, задача поиска работы была не из легких. Не имея зачастую никакого образования, женщины-крестьянки выбирали для себя вакансии, на первый взгляд не требующие специальной подготовки, и наиболее доступной для них была работа прислугой. Численность прислуги была огромна, лишь по официальным данным Всеобщей переписи населения она составляла почти 1,3 млн чел. или 41 % всего «самостоятельного» женского населения» [1, с. 321].

При этом такая обширная социальная группа лишь в последнее время стала предметом исторических изысканий отечественных ученых. Однако среди крайне небольшого количества исследований, посвященных истории прислуги, отсутствуют труды, специально посвященные теме обучения домашнего персонала.

В контексте изучения вопроса подготовки российской женской домашней прислуги наиболее значимыми являются работы В.А. Верременко, в частности ее статья «"Безвластная власть" – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.» [1]. Тем не менее, тема обучения и профессиональной подготовки прислуги заслуживает отдельного внимания.

К началу XX в. российская женская прислуга находилась в крайне противоречивом положении: желая найти заработок, девушки устремились в город для устройства на работу, с которой в теории может справиться любая женщина. Как отмечает В.А. Верременко, «работа прислугой считалась несложной, большинство трудоустраивающихся полагало, что обучиться ей можно на месте, поэтому в города прибывало огромное количество крестьянок, которые пытались устраиваться на эту должность. Однако необученные городской жизни и обязанностям прислуги женщины не были способны удовлетворить

даже элементарные требования работодателей» [1, с. 329]. При этом со стороны хозяек и нанимателей они встречали всё более явную потребность в квалифицированном и профессиональном домашнем персонале. Девушки (нужно отметить, что часто детям из бедных семей приходилось очень рано сталкиваться с необходимостью зарабатывать себе на жизнь) и женщины могли пойти разными путями: устраиваться на самые низкооплачиваемые работы или идти в услужение за гроши с целью приобрести необходимые навыки и опыт для последующего более выгодного трудоустройства. Однако была ли реальная возможность у прислуги получить профессиональные знания и умения, столь необходимые в условиях большой конкуренции на рынке труда?

В России второй половины XIX – начала XX в. существовали организации, где проходило в той или иной форме обучение будущей прислуги. В некоторых из них подготовка девочек и женщин велась целенаправленно, в других же умения и навыки, необходимые для работы, приобретались на практике в ходе выполнения функций прислуги.

Развитие благотворительности в Российской империи привело к появлению разнообразных организаций и приютов еще во второй половине XIX в. Например, *приют великой княгини Александры Николаевны с церковью во имя св. мученицы Александры*, один из самых больших по численности призреваемых (рассчитывался на 150 детей), был основан в Петербурге 1 марта 1844 г. В 1847 г. для него был построен каменный дом на Новопетергофском пр., а через два года, в 1849 г., при нем открыто сиротское отделение на 28 круглых сирот-девочек. В 1865 г., согласно высочайшего повеления, сиротское отделение приюта получило наименование Строгановского сиротского отделения в память графини Юлии Петровны Строгановой, состоявшей более 25 лет председательницей Петербургского совета детских приютов. С принятием попечительства над приютом великой княгини Александры Петровны, с 1864 г., в состав Строгановского сиротского отделения были введены петербургское и царскосельское отделения, причем штат призреваемых был сначала определен в 75 сирот-девочек, а впоследствии увеличен до ста человек [2, с. 17].

Интересно, что воспитанниц приюта готовили к различным видам деятельности в зависимости от их способностей. Они были разделены на три группы: «первая группа, как в образцовом приюте бар. Штиглица, предназначалась для занятия в будущем мест смотрительниц и помощниц смотрительниц в петербургских приютах; вторая группа занималась исключительно рукоделием и приготавливалась к поступлению в мастерские; третья – из самых неспособных приготавливалась для занятия мест домашней прислуги» [2, с. 17]. Несмотря на то, что в итоге в прислугу поступали «самые неспособные», в данном случае наиболее важен тот факт, что уже в 60-х гг. XIX в. признавалась необходимость обучения и подготовки будущих служанок.

Московское убежище св. Марии Магдалины, открывшееся в 1866 г., попечителями которого были княгиня О.А. Голицына, Е.К. Цеймерн, князь А.А. Щербатов и В.Д. Коншин, пополнялось в основном девочками, направленными из московского врачебно-полицейского комитета. Н.К. Мартыненко отмечает, что «в течение года услугами московского магдалинского приюта пользовалось в среднем 25 чел. Постоянно проживали 13–17 девушек в возрасте от 11 до 24 лет. Как и в других подобных приютах, в основном это были мещанки, солдатские дочери, крестьянки из Москвы, Сергиева и Троицкого посадов, Подольска, Курска, Калуги, Московской, Тверской, Рязанской, Нижегородской, Смоленской, Калужской, Минской, Могилевской, Пензенской и других губерний. Только у трети имелись родственники в Москве. По правилам учреждения годичный срок пребывания можно было продлить до трех лет. Покидали приют девушки в связи с устройством прислугой, сиделкой, поступлением на обучение в ремесленное заведение и т. п., возвращением на родину, к родственникам или замужеством» [3, с. 343–348]. Так, воспитанницы приюта могли найти возможности для заработка в том числе и в рядах домашнего персонала, при том что целенаправленного обучения прислуги в приюте не проводилось.

Другой московской организацией, которая функционировала с 1870-х гг., был *Большевский приют для девочек*, открытый Обществом поощрения трудолюбия. В приют принимались девочки от 4 до 14 лет. Здесь обучение носило также скорее стихийный характер: воспитанницам приходилось самостоятельно шить для себя одежду, стирать и чинить её, выполнять работы по кухне и множество других функций. При этом выпускницы приюта обеспечивались некоторым денежным вспомоществованием, а также им оказывалось содействие в устройстве на работу. Наиболее часто они устраивались работницами на фабрики, работали прислугой, домашними портнихами, горничными [4, с. 141]. И даже после трудоустройства приют не оставлял своих воспитанниц, а с некоторыми продолжалось взаимодействие и вовсе после замужества: «бывали случаи, что заботились и о замужних, помещали их детей, так как они не имели достаточно средств, чтобы воспитывать их» [5, с. 14].

Исправительный приют для девочек Пуца при Студзенецкой колонии для мальчиков, открытый в 1890 г., принимал в свои стены «исключительно малолетних», «приговоренных судами» к тюремному заключению, пойманных за бродяжничество, «праздношатающихся и нищенствующих девочек», круглых сирот, возрастом не менее восьми и не более 14 лет [6, с. 1–2]. Приют Пуца предполагался как смешанный приют для социально неблагополучных девочек, однако в действительности, по сведениям А. Захарова, принимал только осужденных судом воспитанниц, не включая нищих и беспризорных [7,

с. 165]. Целью приюта Пуща для девочек была подготовка «хороших сельских хозяек и служанок», поэтому девочки должны были выполнять все работы по дому, заниматься хозяйством и «женскими работами» (вязанием чулок, шитьем) [7, с. 165]. «Воспитанницы прислуживают, приучаясь к обязанностям горничных», две дежурные воспитанницы по неделе готовят на кухне [8, с. 1005]. Таким образом, выполнение различных хозяйственных функций не только помогало в вопросе перевоспитания девочек, но и обеспечивало им возможности дальнейшего трудоустройства благодаря их отработанным умениям и навыкам.

Ольгинский детский приют трудолюбия начал функционировать с 31 января 1903 г. в городе Пудоже [9, с. 64]. Приют был относительно малочисленным: на 1 января 1910 г. в нем состояло 15 мальчиков и 16 девочек. Здесь можно было не только пройти курс обучения, но и на практике приобрести умения и навыки, крайне необходимые при трудоустройстве прислужкой: «девочки обучались рукоделию, шитью одежды, ткацкому ремеслу, стирке белья и ведению домашнего хозяйства <...>. Девочки, воспитывающиеся в приюте, дежурили ежедневно по кухне и столовой, занимаясь приготовлением пищи как для питомцев, так равно и для служащих приюта, присматривали за прислужкой и вообще следили за чистотой в кухне и во всем здании приюта» [9, с. 65].

Общество «Забота о детях», учрежденное в Петербурге в 1904 г. для «присмотра и ухода за маленькими детьми обою пола бедных жителей С.-Петербурга и его окрестностей», ставило своей целью обучение их ремеслам или рукоделию, а также «подготовление из них домашней прислужки» [10, с. 115].

Убежище для девочек московско-нарвского отдела Общества попечения о бедных и больных детях, расположенное с 1898 г. на 22 линии Васильевского острова в новом здании с квартирой начальницы приюта, большой столовой, спальней на двадцать девочек, лазаретом, приемной и кухней, а также церковью и двумя классами, также имело своей целью «приготовлять и обучать прислужку» [11, с. 7].

Одним из классических примеров благотворительных организаций, которые помогали девочкам и девушкам обрести профессию было *Попечительное общество о трудовом убежище для беспризорных девочек* в С.-Петербурге. Деятельность его сосредоточивалась на нравственном воспитании питомиц и подготовке их к трудовой самостоятельной жизни, для чего они «под руководством учительницы, обучались в пределах курса начального училища Закону Божию, грамоте и арифметике <...>. Помимо этих занятий все питомицы обязательно проходили курс домоводства, а именно: поочередно дежурили на кухне, выполняя все работы, начиная от мытья и чистки посуды, стирки платьев и белья, уборки кухни и помещения

Убежища и постепенно доходя до самостоятельного приготовления стола с раскладкой продуктов для служащих и питомиц Убежища; затем все они приучаются к исполнению обязанностей горничных, уборке комнат и прислуживают служащим и друг другу, по очереди» [12, с. 286].

Помимо благотворительных организаций был еще один способ получения необходимых навыков для работы прислугой, хотя он был доступен только для женщин с печально сложившейся судьбой. В воспоминаниях арестантки Марии Шеффер так описывается трудовая повседневность ее окружения: «Каторжанки, число которых было во много раз больше числа других ссыльных арестанток, взятых вместе, составляли в тюрьме особую, замкнутую касту, отнюдь не смешивавшуюся с другими пересыльными арестантками. Им была отведена особая камера, для них существовали особые порядки, они были подчинены особо строгому режиму. Все они были одеты в белое: белые коленкоровые юбки, такие же кофты и белые платки. Они не могли отказываться от работ, если начальство этого требовало, и вообще они исполняли обязанности тюремной прислуги: одна заведовала кубом, другая лампами, третья прислуживала в «детском приюте», каждый день несколько десятков каторжанок отправлялось на прачечную, где они, как выше сказано, работали с раннего утра до вечерней поверки» [13]. В теории исправившиеся и вставшие на путь истинный женщины, вдобавок вооруженные опытом выполнения обязанностей прислуги, могли после отбывания наказания начать новую жизнь и устроиться на работу. Однако вопрос о доверии хозяек по отношению к таким кандидаткам в рядах домашнего персонала в данном случае мог иметь решающее значение.

Таким образом, очевидно, что все вышеназванные учреждения играли важную роль в становлении профессиональной подготовки женской домашней прислуги в России второй половины XIX – начала XX в. Однако их деятельность была направлена в первую очередь на подрастающее поколение – девочек и девушек, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях. Основная же масса прислуги – в большинстве своем это женщины из крестьянской среды, не подготовленные к выполнению функций прислуги в городе, вряд ли задумывалась о специальном образовании. Более того, необходимо отметить, что часть из них шла на работу прислугой только в зимний сезон, на несколько месяцев, и не рассматривала подобную занятость как постоянную. «Ко времени наступления сельскохозяйственных работ они возвращались в деревни» – отмечается в характеристике домашней прислуги г. Екатеринослава начала XX в. [14, л. 61]. Это означало полное отсутствие заинтересованности такой «сезонной» прислуги в повышении квалификации и крайне низкий уровень (а порой и вовсе отсутствие) необходимых навыков ведения хозяйства в городских условиях. С другой стороны, даже те представительницы огромного по численности

слюя прислуги, которые желали бы, говоря современным языком, развиваться в профессии, обучаться действительно качественному и рациональному ведению хозяйства, узнавать новые технологии и методы работы, они, к сожалению, имели крайне мало возможностей для этого. Чаще всего женская прислуга приобретала свои навыки только опытным путем.

Исключением среди всех категорий домашнего персонала были лишь няни – для них уже с конца XIX в. было доступно профессиональное образование. 17 октября 1895 г. Фребелевским обществом была открыта школа нянь, куда принимались девочки не моложе 14 лет, которые окончили курс начальных городских училищ. В школе их обучали шить, стирать, гладить детское белье, убирать детскую комнату, ухаживать за детьми, купать, пеленать, одевать их. Кроме того, преподавались и общеобразовательные предметы: арифметика, русский язык, география и основы гигиены [15, л. 25]. Продолжительность курса составляла год и три месяца, а после окончания школы ученицам выдавалось свидетельство на звание «помощницы детской садовницы». Соответственно, хозяйки, готовые нанять няню для своего ребенка и имеющие таковые финансовые возможности, могли найти реальных профессионалов своего дела.

Со стороны городских хозяек был действительно высок спрос на профессионально подготовленных служанок, при этом зачастую наиболее востребованной была прислуга «за всё», от которой требовалось полное ведение домашнего хозяйства и выполнение одной-единственной работницей всех функциональных обязанностей по дому. Так, одна служанка была и кухаркой, и горничной, и прачкой, а иногда и няней, и, соответственно, для выполнения всех этих ролей ей требовались самые разнообразные навыки и знания.

«Современной хозяйке приходится вести ежедневную и неустанную борьбу и с дороговизной жизни, и с невежеством прислуги, и с подделками и подмесьями торговли» [16, с. 9], – так описывал сложившуюся ситуацию В.И. Гунст в своем учебнике домоводства 1913 г. (Подробнее о ведении домашнего хозяйства и взаимоотношениях с прислугой см.: 17–20]. Невежество, отсутствие необходимой подготовки к выполнению своих обязанностей приводило к самым печальным последствиям для обеих заинтересованных сторон: хозяйки не могли подобрать домашний персонал, удовлетворяющий их требованиям, а соискательницы оставались без работы и средств к существованию.

Яркой характеристикой данного конфликта интересов представляется деятельность посреднической конторы благотворительного общества «Помощь бедным» в С.-Петербурге [21, с. 382–384]. Сравнительная отчет за 1907 г. с отчетными данными за 1906 г., становится очевидно, что число зарегистрировавшихся нанимателей с 430 выросло до 1504, число прислуги – с 775 до 1803, число поступивших на

места – с 94 до 462. Эти данные доказывают, что спрос возрос в 3,5 раза, предложение – в 2,3 раза, а число поступивших на места – в 4,9 раза. «Несмотря на отрадное явление, что число поступивших в 1907 г. составляет приблизительно 1/3 записавшихся прислуг, тогда как в 1906 г. число поступивших составляло всего 1/8, нельзя не обратить внимания на то, что 2/3, т. е. 1341 чел., тем не менее остались без мест. Не останавливаясь на многих других причинах, почему собственно наниматели с одной стороны не могли выбрать прислуг, а еще большая часть прислуг с другой – осталась без заработка, надо указать на одну из существенных причин неуспешного соглашения спроса и предложения – на отсутствие работоспособности у массы нашей прислуги. В виду этого не только желательно, но прямо необходимо организовать школу, где бы прислуга могла бы усовершенствоваться практическим путем» [21, с. 382–383].

При этом данная контора была достаточно передовой организацией и оказывала не только помощь и поддержку безработной прислуге в виде «помещения и стола», но и заботилась о ее образовании: «...г-жа Гедда (заведующая конторой – прим. авт.) старалась привлечь желающих принести пользу массе прислуг распространением между ними просвещения. И прошлую зиму и эту велись бесплатные занятия обучения грамоте и счету, для чего г-жа Гедда приглашала желающих заняться этим делом за самое скудное вознаграждение» [21, с. 383].

Очевидная потребность в организации профессионального обучения прислуги и подготовки ее к реалиям городского типа хозяйства так и оставалась лишь предметом теоретических обсуждений. Жизнь диктовала свои условия – повседневность более или менее обеспеченных хозяек требовала постоянного наличия прислуги в доме, а сама прислуга делала всё возможное для получения выгодных мест работы с хорошими (или хотя бы терпимыми) условиями труда для обеспечения средств к существованию.

Список литературы

1. Верременко В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354> (дата обращения: 22.08.2019).

2. Благотворительные учреждения России. – СПб.: Тип. Имп. уч-ща глухонемых, 1912. – 257 с.

3. Мартыненко Н.К. Организация благотворительных приютов для женщин «групп социального риска» в России в середине XIX – начале XX в. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – 2009. №6 (74). – С. 343–348. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13056698_73721749.pdf. (дата обращения: 22.08.2019).

4. Первое двадцатилетие Болшевского ремесленно-исправительного приюта для нищенствующих девочек (1874–1899): ист. очерк. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1899. – 152 с.

5. Труды состоявшего под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Сергея Александровича IV Съезда представителей русских исправительных заведений. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1896. – 422 с.

6. Условия принятия несовершеннолетних девочек в исправительный приют Пуца. – Варшава, 1891. – 2 с.

7. Захаров А. Студзенец и Пуца // Тюрем. вестн. – 1898. – № 4.

8. Окунев Н.А. Обзор Петроградских воспитательно-исправительных заведений 1915–1916 гг. // Тюрем. вестн. – 1916. – № 10.

9. Трудовая помощь. – 1910. – № 6.

10. Трудовая помощь. – 1904. – № 1.

11. Петербургский листок. – 1898. – 20 сент. – № 258.

12. Трудовая помощь. – 1911. – № 3.

13. Шеффер М. Среди арестанток. – СПб.: Современная мысль, 1907. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8_%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BA_\(%D0%A8%D0%B5%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80_1907](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8_%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BA_(%D0%A8%D0%B5%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80_1907) (дата обращения: 22.08.2019).

14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6861. Оп. 1. Д. 66.

15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1.

16. Гунст В.И. Учебник домоводства. – СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – 136 с.

17. Веременко В.А. «Кухонная модернизация» и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX в. // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX в. – Череповец, 2017. – С. 180–185.

18. Веременко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – 2013. – № 21. – С. 241–273.

19. Веременко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – №4. – С. 62–75.

20. Веременко В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX вв. // Урал. ист. вестн. – 2019. – №1. – С. 71–78.

21. Трудовая помощь. – 1908. – №4.

References

1. Veremenko V.A. «*Bezvlastnaya vlast'*» – *status zhenskoy domashney prislugi v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* ["Powerless Power" – the status of female domestic workers in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [RUDN University Bulletin. Series: History of Russia]. – 2019. – Vol. 18. – № 2. – P. 320–354. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354> (date of use: 22.08.2019).

2. *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Rossii* [Charitable institutions of Russia]. – SPb.: tip. Imp. Uch-shcha glukhonemykh, 1912. – 257 p.

3. Martynenko N.K. *Organizatsiya blagotvoritel'nykh priyutov dlya zhenshchin "grupp sotsial'nogo riska" v Rossii v seredine XIX – nachale XX v.* [Organization of char-

itable shelters for women of "social risk groups" in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries] // Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. – Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G.R. Derzhavina. – 2009. – №6 (74). – P. 343–348. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13056698_73721749.pdf (date of use: 22.08.2019).

4. *Pervoe dvadtsatiletie Bol'shevskogo remeslenno-ispravitel'nogo priyuta dlya nishchenstvuyushchikh devochek (1874–1899 gg.). Istoricheskiy ocherk* [The first twenty years of the Bolshevik craft and correctional shelter for begging girls (1874–1899). Historical background]. – M.: T-vo «Pechatnya S.P. Yakovleva, 1899. – 152 p.

5. *Trudy sostoyavshego pod avgusteyschim pokrovitel'stvom ego imperatorskogo vysochestva velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha IV S"ezda predstaviteley russkikh ispravitel'nykh zavedeniy* [Proceedings of the IV Congress of the representatives of Russian correctional institutions, held under the august patronage of his imperial highness, Grand Duke Sergei Alexandrovich]. – M.: tov-vo tipogr. A.I. Mamontova, 1896. – 422 p.

6. *Usloviya prinyatiya nesovershennoletnikh devochek v ispravitel'nyy priyut Pushcha* [Conditions for the admission of minor girls to the Pushcha correctional shelter]. – Varshava, 1891. 2 p.

7. *Zakharov A. Studzenets i Pushcha* [Studzenets and Pushcha] // Tyuremnyy vestnik [Prison newsletter]. – 1898. – № 4.

8. *Okunev N.A. Obzor Petrogradskikh vospitatel'no-ispravitel'nykh zavedeniy 1915–1916 gg.* [Overview of Petrograd correctional institutions 1915–1916] // Tyuremnyy vestnik [Prison newsletter]. – 1916. – № 10.

9. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. – 1910. – № 6.

10. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. – 1904. – №1.

11. *Peterburgskiy listok* [Petersburg paper]. – 1898. – 20 sept. – № 258.

12. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. – 1911. – №3.

13. *Sheffer M. Sredi arestantok* [Among the prisoners]. – SPb.: Sovremennaya Mysl', 1907. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8_%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BA_\(%D0%A8%D0%B5%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80_1907](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8_%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BA_(%D0%A8%D0%B5%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80_1907) (date of use: 22.08.2019).

14. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [The State Archive of Russian Federation]. F. 6861. Op. 1. D. 66.

15. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 407. Op. 1. D. 1.

16. *Gunst V.I. Uchebnik domovodstva* [The textbook of home economics]. – SPb.: tip. T-va A.S. Suvorina «Novoe vremya», 1913. 136 p.

17. *Veremenko V.A. "Kukhonnaya modernizatsiya" i dvoryanskaya sem'ya v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* ["Kitchen modernization" and the noble family in Russia of the second half of the XIX – early XX centuries] // *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [State, capitalism and society in Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries]. – Cherepovets, 2017. – P. 180–185.

18. *Veremenko V.A. «Dura v dome» – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* ["A fool in the house" – female domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Al'manakh gendernoy istorii «Adam i Eva»* [Almanac of gender history "Adam and Eve"]. – 2013. – № 21. – P. 241–273.

19. Veremenko V.A. *Podgotovka dvoryanok k khozyaystvennoy deyatelnosti v sem'e v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Preparing of noblewomen for household activities in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. – 2014. – Vol. 4. – №4. – P. 62–75.

20. Veremenko V.A. *Khozyayskie zaboty: zhizn' zamuzhney dvoryanki v provintsi-al'nom gorode Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Household concerns: the life of a married noblewoman in a provincial Russian town in the late XIX – early XX centuries] // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical bulletin]. – 2019. – №1. – P. 71–78.

21. *Trudovaya pomoshch'* [Labor assistance]. – 1908. – №4.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 656.5(47)"19"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

Л.А. Самарина

Легковой извоз в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)*

В статье рассматривается извозный промысел в городах Российской империи. Извоз подразделялся на ломовой (доставка грузов) и легковой (пассажирский транспорт). Первый являлся основным способом заработка у крестьян и отходников в провинции и на границе, имел внутреннюю дифференциацию в зависимости от доставляемых грузов. Второй был преимущественно сконцентрирован в городах, подразделялся на «ванек» и «лихачей». Цель данной работы – сформировать представление о едином правовом пространстве в отношении извоза и охарактеризовать социальный облик извозчика на основании публицистической, художественной литературы, а также на материалах периодической печати. Приоритетный аспект для изучения – легковой промысел, т.к. он являлся наиболее распространенным для временной занятости в столичных городах. Автор отмечает особенности заработка «ванек» и «лихачей», которые повлияли на отношение горожан к профессии извозчика.

Ключевые слова: Российская империя, извозчик, экипаж, правила дорожного движения, крестьяне, городская дума, пассажир, лошадь, социальная история, городской транспорт, извозный промысел

L.A. Samarina

Passenger carriage in the Russian Empire (second half of XIX – beginning of XX centuries)

The article deals with the carrier's trade in the cities of Russian Empire. Carriage was divided into scrap (delivery of goods) and passenger (passenger transport). The first was the main way of earning for peasants and itinerant workers in the provinces and at the border, had an internal differentiation depending on the delivered goods. The second was mainly concentrated in cities, divided into "vanek" and "speeders". The purpose of this work is to form a concept of single legal space related to carriage and to characterize the social appearance of a coachman on the basis of journalistic, fiction literature and periodical materials. The priority aspect to study is passenger carriage, as it was the most common for temporary employment in capital cities. The author notes the

---

© Самарина Л.А., 2019

© Samarina L.A., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

peculiarities of earning of "vanek" and "speeders", which influenced the attitude of citizens to the profession of coachman.

Key words: Russian Empire, coachman, crew, traffic rules, peasants, City Buma, passenger, horse, social history, urban transport, carrier's trade

1. Историография извозного промысла

Освоение огромной территории России невозможно без использования разнообразных транспортных средств. До середины XIX в. главными способами перевоза пассажиров и грузов были водные пути и различные повозки на конной тяге. Темп городской жизни XIX столетия требовал увеличения скорости передвижения и обеспечения безопасности в пути, что повлекло за собой изобретение конно-железных дорог, omnibusов, а также велосипедов, автомобилей и воздухоплавательных аппаратов. Все эти средства передвижения увеличили риск дорожно-транспортных происшествий и активизировали деятельность городских дум по созданию правил дорожного движения для каждого вида транспорта. Вместе с тем думы устанавливали систему дополнительных инспекций, сборов и обязанностей, что не только способствовало улучшению качества перевозок, но и увеличивало поступления в городскую казну [1, с. 103]. А.Б. Храмцов на примере Тобольской губернии показал динамику увеличения доходов с извозного промысла, лошадей и экипажей в 1889, 1901, 1914 гг. Приведенные сведения позволяют сделать вывод, что наибольший доход с промыслов казне приносил именно извоз.

Вопрос городского и сельского транспорта достаточно подробно изучался в регионах России. Например, в Тамбовской губернии извоз рассмотрен как один из вариантов неземледельческих промыслов крестьян [2], требующий регламентации в отношении извозчичьей таксы. При этом Г.С. Махрачев обращал внимание на то, что в советское время крестьянские промыслы изучались слабо, вследствие чего некоторые постсоветские работы имели недочеты и ошибки в статистических сведениях. М.С. Ловцова отмечала, что извозный промысел был развит в уездах Тамбовской губернии неравномерно, востребованность обуславливалась развитием региональных рынков и близостью административного центра – Тамбова [3]. О разнообразии транспортных средств для перевозки тяжестей и способах их изготовления в сибирских уездах повествуется в статье Ф.Ф. Болонева [4], в которой приводится большое количество полевых этнографических материалов и фотокопий. Определенный задел есть в изучении ямщины (ямской гоньбы, почтового сообщения), извоза (перевозки товаров) и дворничества (содержание харчевен, постоянных дворов, мастерских по ремонту экипажей) в Сибири, указана специфика перевозок и образа жизни ямщиков [5]. Мини-исследование Е.И. Соловьевой также посвящено сибирским извозчикам. Автор ана-

лизирует причины обогащения группы «кулаков»-подрядчиков и обнищания доставщиков грузов, а также способ заработка «дворников» (содержателей трактиров, харчевен, постоянных дворов) [6].

Исследователи отмечают высокую степень развития извоза в Забайкальской области. Ю.Б. Санданов выделил профессии «возчика» как экспедитора груза на дальние расстояния и «извозчика» – на относительно небольшие [7]. Автор охарактеризовал два наиболее загруженных пути – от Сретенска до Байкала и от Кяхты до Байкала, – где в 1893 г. сумма заработка сельского населения составила около двух миллионов рублей. Специфика данного региона состоит в том, что извозопромышленниками становились «крепкие домохозяева», поскольку для промысла требовалось большое количество лошадей (от 15–20 до 60), фуража и подвод, саней, телег и пр. Извозный промысел Кустанайского уезда (Казахстан) также рассмотрен в системе промыслового хозяйства [8]. Сложившееся грузовое сообщение еще до проведения Закаспийской железной магистрали через Тургайскую область из Ташкента, Хивы, Бухары к меновым дворам городов Орска, Троицка, Оренбурга давало местному населению до миллиона рублей в год. Но с постройкой Закаспийской железной дороги извозный промысел во всей Тургайской области пришел в упадок.

Подробный регламент деятельности ярославских извозчиков проанализировала И.Н. Созинова [9]. Взяв за основу ряд постановлений Ярославской городской думы и архивные материалы, автор показала, каким для властей был желателен моральный облик извозчика, внешний вид, как следовало вести экипаж, где останавливаться, как обращаться с лошадей, сколько брать за проезд и т. д. Место извозного промысла в транспортной системе Костромы и Ярославля было изучено в статье И.А. Бушуева. Автор охарактеризовал правила и обязанности городского извозчика, особенности внешнего вида и следования по дорогам, также отметил, что постройка железной дороги лишила местных извозчиков серьезного заработка [10]. Вопрос о причинах упадка промысла в Санкт-Петербургской губернии исследовал В.А. Старостенко, но, по мнению автора, вызвано это было понижением платы за извоз настолько, что она даже не покрывала расходов на прогон [11].

Таким образом, историография извозного промысла в Российской империи довольно обширна, авторы с большей или меньшей детализацией рассмотрели местные особенности транспортного сообщения, доли извоза в нем. В отношении местностей, удаленных от центра, большую популярность имел ломовой извоз, т. е. транспортировка груза в разнообразных телегах. В городах преобладал в личных целях легковой извоз, и к нему городские думы предъявляли множество требований – от внешнего вида извозчика, лошади и экипажа до мест «парковки» и дворов, где останавливались извозчики для отдыха. Появление

местных правил дорожного движения авторы относят к 1870-м гг., а к началу XX в. они уже имели общий вид по всей территории страны (однако единый свод правил дорожного движения отсутствовал). Кроме того, в приведенной историографии у гужевого транспорта наблюдается только два конкурента – трамвай и железная дорога.

Следует заметить, что в 1896 г. в Санкт-Петербурге фирмой «Фрезе и К°» был собран первый российский автомобиль [12], всего в исследуемый период на территории страны около двух десятков компаний пробовали наладить выпуск машин с двигателем внутреннего сгорания. Этот процесс затруднялся как протекционистской политикой государства, в соответствии с которой оборудование, необходимое для изготовления автомобильных запчастей, облагалось высокими пошлинами, так и неразвитой сетью шоссе для использования новых машин. Тем не менее к 1914 г. насчитывалось около 8,8 тыс. автомобилей [13], часть из которых приобреталась артелями «шофферов».

Особенность изучения извозного промысла на территории всей Российской империи в том, что несмотря на то, что наличие в стране различных природно-климатических зон обуславливало специфику регионального развития, вместе с тем огромные территории, не снабженные железными дорогами, питали эту форму промыслового труда, вовлекая крестьянство империи в товарно-денежные отношения. Извоз был связующим звеном между сельскохозяйственным и промышленным производством и тесно связан с торговлей.

2. Регламент дорожного движения

Главная задача транспортных путей в России – связать огромную территорию в единое экономическое пространство, поэтому для государства имеет большое значение организация передвижения по дорогам между населенными пунктами и в городах. В Своде законов Российской империи отводится ряд статей правилам вывоза товаров за границу и обратно, следования через Царство Польское, вывоза товаров из Сибири, биржам и документам для извозчика, которые регламентировались таможенным тарифом и торговым уставом. Данные статьи не отражали правила для внутренних перевозок грузов и пассажиров. Полное собрание законов включает постановления от 1827 до 1876 гг., большая часть которых относится к дореформенному периоду [14]. Актуальными являлись ст. 37784 о сборе с лиц, занимающихся извозным промыслом в Кяхте, ст. 37864 «Извозщичий промысел в С.-Петербурге» (1862), ст. 56295 «О мерах к лучшему устройству извозного промысла в С.-Петербурге» (1876), ст. 47408 «Устав товарищества извозничьего двора в С.-Петербурге» (1869), ст. 48809 «Преращение товарищества извозничьего двора в С.-Петербурге» (1870), ст. 50468 о размере сбора с извозчиков в Твери, ст. 50813 о введении таксы на извозчиков с некоторых станций железной дороги, ст. 51468 о сборе с извозчиков в Туле и Оренбурге (1872).

Все статьи касались налоговых обязательств извозпромышленников и некоторых дискуссионных вопросов, например, о введении таксы, единого стандарта экипажа, особого порядка разбирательств между седоками и извозчиками. В отношении дорожного движения Комиссия по предмету изыскания мер к улучшению извозного промысла дала городским думам полную свободу [15].

Первые требования к участникам дорожного движения формировались по ходу возникающих прецедентов. Если извозчики не могли поделить «стоянки» в городе [16] и толпились у общественных мест, сотрясая воздух бранью [17], то ближайшим решением дум было распределить места простоя экипажей между извозчицкими конторами, запретить слезать с козел и громко говорить, а тем более браниться; подавать экипажи тихо и осторожно, чтобы не наехать на пассажиров, не оставлять лошадей без привязи и без присмотра; не садиться в экипаж или карету и курить в салоне [18]. В 1885 г. в Костроме добавилось правило для обозов – соединять лошадей арканами и следовать цепью (в Ярославле имелось примечание – цепь не больше трех возов [9]). Особое внимание уделялось скорости передвижения, которая настолько часто превышалась, что в каждом номере журнала «Известий С.-Петербургской городской думы» содержится заметка о постоянном нарушении скоростного режима; на перекрестках следовало пускать лошадь шагом.

Во время праздников, процессий, крестных ходов и прочего от извозчиков требовалось съезжать в менее людные улицы и искать обходные пути. В начале 1880-х гг. повсеместно появилось правило движения по правой стороне улицы [19], в 1890-х гг. в городах с активным движением (в С.-Петербурге – в 1893, в Ярославле – в 1896) извозчикам было велено ехать в рядах ближе к тротуару, не загромождая средней части улицы, по которой можно было обгонять (умеренной рысью и при отсутствии других участников движения) или быстро ехать в приличном экипаже [20, с. 135]. Особое требование к извозчикам – держать вожжи натянутыми, чтобы иметь возможность остановить лошадь в случае необходимости. В большинстве случаев это требование игнорировалось, что влекло за собой вызов в участок.

Перечисленные правила появлялись как симптоматическое лечение для приезжих или не в меру лихих водителей – «лихачей» и постоянно повторялись в постановлениях городских дум, городские при каждом нарушении проводили разъяснительные беседы в участках, однако несчастные случаи периодически случались, о чем свидетельствует раздел «Хроника» в «Новостях и биржевой газете»: «29 сентября у дома № 80 по Фонтанке легкой извозчик сбил с ног ученика одной школы, 10-ти лет. Малютка по счастливой случайности ушибся при падении очень легко...» [21]. Там же 12 ноября сообщается, что «10 ноября в 6 часов вечера ломовой извозчик крестьянин Иван Сте-

панов, проезжая по В.О., Среднему просп., ударом оглобли в голову сшиб с ног проходившую через дорогу крестьянку А. Ястребову». В больницу была доставлена уже мертвой [22]. В крупных газетах буквально через день появлялись сообщения о подобных случаях. Причины были не всегда в халатности извозчиков, но также и в том, что лошадь – это живое существо, которое могло испугаться и понести, пролетка, дрожки или экипаж в пути могли повредиться, извозчик мог не справиться с управлением, на перекрестке обозы и экипажи могли столкнуться в отсутствие четких правил разъезда.

3. Организация извозного промысла в городе

Чтобы стать извозчиком, необходимо было соответствовать нескольким критериям: быть не моложе 17 лет [23] (в Ярославле допускалось 16 [9], в Петербурге возраст подняли до 18) и не старше 65 лет (в Тамбовской губернии – 45 лет), получить в полиции удостоверение в благонадежности (это значит, что не был под судом и вел трезвый образ жизни) и внести в казну города взнос. Заниматься этой деятельностью можно было всем сословиям [19]. С собой на исполнение работы необходимо было иметь:

- а) экземпляр правил «О производстве извозного промысла» [24];
- б) «таксу» (стоимость услуг в печатном варианте) [25];
- в) металлический знак с номером («жестянку») – легковые прибывали его на видном месте у козел, а ломовые – к дуге. В Ярославле и Петербурге действовали варианты с цветными номерами. Иногда они обозначали новые номера (чтобы визуально отличались от прошлогодних), а в некоторых случаях обозначали рейтинг экипажей (красный – новый, в отличном состоянии, желтый – ветхий), также разноцветные жестянки могли выдать разным видам транспорта (для легковых саней – круглые зеленые с черными цифрами, для дышловых и троечных экипажей – четырёхугольные синие с красными цифрами, для ломовых – четырёхугольные черные с белыми цифрами) [26, с. 470; 27];
- г) малый знак с номером, который следовало дать пассажиру (данное условие имелось не во всех городах).

Печатные документы следовало предъявлять пассажирам по первому требованию, в противном случае пассажир мог не оплачивать проезд [23].

Запрещалась езда без знаков (при обнаружении владелец экипажа штрафовался) [28], одежда самого извозчика должна была быть опрятной и чистой (в разные периоды в городах вводились элементы обязательной формы: синяя фуражка или желтые элементы в одежде и пр.) [24]. На биржу (место, где извозчики получали работу) следовало выезжать на здоровых отдохнувших лошадях в исправном транспорте (который необходимо было ремонтировать и красить каждый год), чехлы на сиденьях должны были быть из гладкой кожи, не остав-

лять цветной след на одежде пассажира, сбруя должна была быть крепкой [10].

Запрещалось использовать кнуты с вплетенной проволокой. Впрочем, иногда и о таких нарушениях появлялись заметки в газетах. Причем подобные грубые нарушения удостаивались хлестких заголовков, вроде «Извозчик-истязатель» [29]. С 1865 г. активно вело деятельность Российское общество покровительства животным, центральным направлением работы которого было искоренение жестокого обращения со всеми животными, в том числе лошадьми. Благодаря усилиям общества были запрещены: нанесение физического ущерба лошадям; заниматься промыслом извозчикам, которые выезжали на хромых и изувеченных лошадях; содержание животных в антисанитарных условиях (данный аспект контролировался в ходе проверок полицией извозчичьих дворов) [30]. Особое внимание общество уделяло регламенту ломового извоза.

Городская управа минимум дважды в год устраивала смотры извозчиков. Информация о датах смотра несколько раз печаталась в местных газетах [31, с. 882; 27]. Если в ходе проверки выявлялись замечания, извозчик лишался права осуществлять деятельность до исправления, а на прошедших осмотр транспортах ставился особый штемпельный знак [19].

Извозчики редко работали в одиночку, как правило, они нанимались к извозопромышленнику. В этом случае за их деятельностью следил староста (могло быть два старосты – дневной и ночной), особенно наблюдались исправность экипажа и трезвость извозчика [28]. В местах массового скопления людей, где в большом количестве собирались извозчики (например, рядом с театром или на площади во время праздников), старосты обеспечивали тишину и пристойное поведение [10].

По правилам извозчики не могли отказаться везти пассажира, если их подозревали. Нельзя было отказаться везти в места, обозначенные в таксе [9]. Правила в общем виде предусматривали возможные конфликтные ситуации между пассажиром и извозчиком, а также вероятность девиантного поведения извозчика:

«§15. Извозчикам воспрещается являться на биржу в нетрезвом виде, производить на улице шум, крик, заводить брань и драку, оставлять свои экипажи и отходить от лошадей, спать на экипажах, сходиться вместе на тротуарах, преследовать обывателей назойливыми предложениями своих услуг, возить более 3-х пассажиров, позволять себе насмешки над проходящими, отправлять естественные надобности на площадях, улицах и вообще нарушать общественный порядок и тишину.

§16. С пассажирами извозчики должны обходиться вежливо, не выпрашивать на водку или на чай и никому никаких грубостей и дерзо-

стей не делать. За пьянство и грубости виновные будут привлекаться к законной ответственности. Если же случаи грубого обращения с пассажирами повторятся более трех раз, то виновные лишаются права выезда на биржу и выданные знаки отбираются» [23].

О запрете преследования пассажиров с назойливыми предложениями своих услуг неоднократно появлялись сообщения в «Известиях С.-Петербургской городской думы» [32]. Положение про вымогательство денег на водку подтверждается воспоминаниями прусского чиновника А. Гакстгаузена, посетившего Россию в правление Николая I. В труде «Исследования внутренних отношений народной жизни» он заметил: «Петербургец, уже захваченный европейской культурой, жеманно и шепотом просит на чай, Москвич же честно просит на водку» [33, с. 39]. В то же время прусский чиновник отметил вежливость русских извозчиков и стремление угодить. Это впечатление опровергают сообщения в «Известиях С.-Петербургской городской думы» от 1892 г. Нетрезвые извозчики сознательно шли на риск, наезжая на встречных или переезжая рельсы конно-железных дорог в опасной близости к вагонам, создавая аварийные ситуации. Также позволяли себе дерзкое обращение с седоками и неуместные пререкания, между тем местная полиция бездействовала. Градоначальником велено при поступлении таких жалоб составлять протоколы и накладывать взыскания [34].

Чтобы предотвратить несчастные случаи на дороге, в местных газетах помещали напоминания об «умеренной езде». Несмотря на это, часто вагоны конок сталкивались с экипажами, извозчики сбивали пешеходов или наезжали на другие экипажи. В результате анализа отдельных происшествий полиция пришла к выводу, что большинство из них случалось по вине извозчиков, которые держали вожжи распущенными. «При таком способе управления лошадью, извозчики, услышав предупредительный звонок вагона, обыкновенно не успевают вовремя принять меры для избежания столкновений» [35]. Для профилактики проблемы при осмотре экипажей комиссия экзаменовала извозчика на предмет умения управлять лошадью.

Городская управа выполняла обязательство контроля условий работы и проживания извозчиков. Рассказ «Легковой извозчик» делится с читателем ежедневными заботами простого человека – отвратительным ужином во дворе хозяина по цене хорошего, чаем вместо обеда днем, перебежками из жаркого трактира на улицу зимой, в результате – простуда.

«Домой придешь на постоялый: сырость, грязь, народу множество, негде тебе ни одежду посушить, ни самому согреться» [36]. «Что это у тебя нос-то желтый? – спрашивает барин. – Отморожен-с, ваше-скобродие. Не доглядел-с – ан морозом-то его и отъело. Отойдет-с» [37]. «Зима выдалась у нас ровная и морозная... Но извозчикам туго

приходится. Многие из них уже ездят с отмороженными щеками и носами, хотя дамы и не верят, чтобы такое грубое существо, как извозчик, могло отморозить себе щеки» [38]. Большинство владельцев извозчицких дворов не обеспечивали своих работников теплой и непромокаемой одеждой, фартуками, накидками. Поэтому заботу о насквозь промокших и замерзших извозчиках брала на себя городская управа, своевременно печатая уведомления извозопромышленникам о необходимости срочно снабдить извозчиков непромокаемыми чехлами, фартуками, накидками, зимой – тулупами [39, с. 885–888; 40, с. 359].

К ведению специальных комиссий относился периодический осмотр извозчицких дворов и лошадей (имеется в виду хозяйственный комплекс, включающий гостиницу или жилой этаж для извозчиков, конюшню, двор, сарай, места для кормления лошадей) [41, с. 585–590; 42, с. 853; 30, с. 296]. Результаты таких осмотров демонстрировали, что состояние дворов неудовлетворительно, экипажи, одежда и лошади содержались в «непристойном виде» – грязные подстилки у лошадей, экипажи под открытым небом, сбруя лошадей и одежда извозчиков в беспорядке. «Извозчики – одни из верных проводников заразы. Вам, наверное, неоднократно приходилось видеть, что дворники везут на извозчицких санях или дрожках то бесчувственно-пьяных, то больных субъектов. Кровь раненных, извержения раненных или больных нередко заразной болезнью – все это попадает на полость, на сиденье. Довезя субъекта, конвоируемого дворником, до приемного покоя, до участка, до больницы, – извозчик, разумеется, не только не дезинфицирует своего экипажа, но даже обтереть его тряпкой порой не считает нужным. И вот, в экипаж, полный заразы и грязи, сейчас же садится седок. Разве это не вопиющее явление? Разве возможно экипажи, предназначенные для публики, предоставлять дворникам для перевозки пьяных, невероятно грязных оборванцев? И, что еще хуже, больных!» [43].

Помимо прямого вреда для промысла, неудовлетворительное содержание дворов, на которых было собрано большое количество лошадей, увеличивало риск возникновения заболеваний и пожаров. Условия содержания самих извозчиков «в большинстве случаев стоят гораздо ниже всякого ночлежного приюта» [41, с. 585–590]. По результатам осмотра лошадей в 1867 г. были выявлены основные недостатки их содержания, среди которых комиссией Российского общества покровительства животным были отмечены: душные и темные конюшни, построенные из барочного леса; конюшни без полов и стойл; тесные помещения [30]. Несмотря на это, часть извозчицких дворов была в удовлетворительном состоянии. Корм для лошадей у большинства извозчиков был хорошего качества.

Для решения проблемы содержания дворов С.-Петербургской городской управой был разработан проект.

1. Для открытия дворов на шесть и более лошадей необходимо разрешение управы с одобрением г. Градоначальника.

2. Открытие дворов разрешалось на окраинах города (прилагался список мест, где запрещено открывать дворы).

3. Дворы следовало вымостить асфальтом, бетоном или камнем со стоками и подводом чистой воды.

4. Стойла лошадей должны быть отдельными.

5. Должны быть соблюдены санитарные нормы.

6. Для хранения корма должно быть отдельное помещение.

7. Помещения для извозчиков должны соответствовать санитарным нормам.

8. Для размещения экипажей, сбруи и одежды извозчиков должны быть устроены крытые навесы.

9. Запрещено оставлять экипажи под открытым небом.

10. Дворы должны содержаться в чистоте и в сухое время поливаться водой не менее двух раз в день.

Данный проект вступил в силу через две недели после публикации в 1886 г. [41, с. 585–590]. Можно сказать, что данная разработка в Петербурге (аналогичные меры принимались во всех крупных городах в 1890–1910-х гг.) решила, по крайней мере, одну серьезную проблему, связанную с осуществлением промысла.

По поводу скоростного режима, стоянок на тротуарах, курении на козлах общественных экипажей, своевременных замен жестянок, ремонта экипажей и прочего городская управа и полицейские продолжали проводить разъяснительную работу в виде традиционного диалога власти и народа – запретительных публикаций. Запрещалось излишне нагружать возы ломовых, запрещалось садиться в груженую повозку, запрещалось ломовым ездить по главным улицам города в часы, когда жители отправляются на работу или с работы, запрещалось в дождь перевозить без водонепроницаемых накидок и др.

Очевидные с точки зрения логики городского обывателя вещи диктовались либо запрещались городскими властями, не принося должного эффекта, даже с бесперебойной работой управы, полиции, канцелярии Градоначальника и городской думы.

4. Классификация извозчиков и заработок

К извозу относятся и ямская гоньба (почта), и сезонный перевоз зерна на мельницы (который чаще всего выполнялся крупными подрядчиками), и транспортировка товаров в соседние города. Все виды перевоза груза составляли ломовой извоз, перевоз пассажиров – легкой извоз. Разделение существовало и внутри каждой из этих групп. Для ломовых критерий дифференциации – характер транспортировки (ассенизационные обозы, для перевозки крупногабаритных вещей, до-

ставка продуктов к магазинам и пр.), для легковых – качество лошадей и экипажа («ваньки», «голубчики», «лихачи»). По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в стране насчитывалось 149,8 тыс. извозчиков, из них 85,3 тыс. легковых [44]. Легковой извоз был связан с пассажирскими перевозками, как правило, внутри города. Наибольшее значение для крестьян притрактовых селений имел товарный извоз, что чаще всего диктовало особенности местного транспорта (особые возы под древесину, чай, продукты и пр.) [5]. Для перевозки клиентов извозчики использовали различные экипажи: брички, дрожки, линейки, пролетки и коляски. Наиболее распространенными были экипажи самой простой конструкции – с колесами, обшитыми железными шинами и без рессор, а также с рессорами и резиновыми шинами, обеспечивавшими «мягкий ход» [45].

В процессе промысла между легковыми извозчиками сложилась своя иерархия. Она существенно влияла как на размеры заработка, так и на поведение извозчиков. Социальные низы извозчичьей братии были представлены «ваньками». Так звали крестьян-извозчиков, располагавших для промысла одноконными, грубо сработанными и неудобными экипажами с колесами, обитыми железными шинами. «Ваньки» были самой бесправной группой извозчиков. Значительную часть своей дневной выручки они вынуждены были отдавать хозяину, у которого находились на постое. При неудаче за ними записывалась недоимка, которую они обязаны были погасить. Современниками зафиксированы многочисленные случаи, когда «ваньки», отправившиеся на заработки, возвращались в родную деревню должниками [45].

Литература второй половины XIX в. сохранила образ таких «ванек» в многочисленных рассказах о городской жизни. Очерк «Извозчик Ванька» рисовал читателю извозчицьи дворы на окраинах города, где ютились самые бедные полуразвалившиеся дома [46, с. 71–93]. При найме оговаривались три условия: 5 р. в месяц, «хозяйские харчи» и гривенник в день из суммы, которую за день заработает извозчик (иногда и еда была из этой же суммы). Начало карьеры выглядит следующим образом: «Является в Ямскую парнишка лет 15–16... и приносит с собой грамотку от родственников, в которой родители просят пристроить у себя на счет извоза их парнишку Миколку... и отечески бить его, буде забалуует». Начинает парнишка с мытья конюшен и дрожек, потом получает «закладку» (лошадь с коляской) и выезжает с 9 утра на промысел. Городские улицы новоиспеченный извозчик не знает, вожжи держать не умеет, лошадью править тоже. Встречные извозчики обзывают парня «желтоглазым» (прозвище только для своих – извозчиков), далее случаются курьезы.

Во-первых, подрядился ехать на другой конец города за копейки (не зная о том, насколько велико расстояние), по пути загнал лошадь, в конце седок заплатил сумму, оговоренную вначале, несмотря на то,

что расстояние в несколько раз больше. В результате – лекция от хозяина и подзатыльник.

На другой день подхватил франта, который пообещал «полтину на чай», весь день катал из конца в конец, ждал у ресторанов и из гостей, в конце франт пообещал «сейчас вышлю...» и пропал. Оплатой была лекция от хозяина и вожжами по спине. От обиды парень ожесточается, перенимает ухватки бывалых извозчиков, учится хитрить и торговаться с седоками, концы понемногу уже отличает.

В следующий раз парень заезжал днем на чай, да не в обычное заведение, где сидят грязные и нищие «ваньки», а в чистое хорошее место, знакомства заводил. Наболтался в свое удовольствие, вернулся к лошади, а полость новая и подушка с сиденья («мякоть» на жаргоне извозчиков) пропали! Пока парень шум разводил, столпотворение заметил полицейский, сел в пролетку и требовал вести в участок (естественно, бесплатно), в результате герой попал в «сибирку». На третьи сутки хозяин вызволил, дома вожжами надавал и вычел из жалованья за четыре месяца работы. Тут уже научился «правильные» цены за поездки назначать и остерегаться воришек. Далее следуют примеры, где извозчик Миколка заявлял чрезмерно высокие цены, специально пускал лошадь шагом, когда пассажир торопится, выпрашивая дополнительные копейки. «А попробуй-ка он не додать пятак, добытого таким вымогательством, извозчик наделает такого скандалу, что и не приведи Бог – при публике оконфузить, обругает что ни есть хуже, чем что-нибудь вроде "голоштанника", "мазурика", "христарадника" и т. п. А не то иной раз попытается проникнуть за ним и за стеклянную дверь, чтобы там со слезливой наглостью продолжать свое требование» [46, с. 71–93].

Извозчицья «аристократия» была представлена «лихачами» – «аристократия самая гордая, самая чванливая и недоступная из всех аристократий в мире» [46, с. 95–116]. Как правило, они использовали пароконные экипажи, имевшие рессоры и резиновый ход. Для предохранения пассажиров от атмосферных явлений в виде дождя, снега или ветра такие экипажи имели подъемный верх, что делало их более комфортными и удобными [45]. Владельцы лакированных колясок имели хороших, откормленных и ухоженных лошадей. «Петербургские лихачи во всей красе своей являются преимущественно в светлые зимние дни. Ступайте вы в этакий день по Невскому... и у Аничкового моста вы увидите трех-четырех здоровых лихачей в голубых и малиновых шапках, в темнозеленых толстых армяках с красивыми поясами – стоят себе эти лихачи, поколачивая о панель чоботами... да весело балагурят между собою, делая критические замечания на счет мимо летящих рысаков и мимо идущих барынь» [46, с. 95–116]. Экипировка таких извозчиков тоже бросается в глаза своей новизной и богатством: «Яркая, ковровая попона с бахромой и кистями роскошно покрывает

спину и бедра статной лошади; тонкая полированная дуга красиво изгибается над породистой мордой, которую украшает уздечка в посеребренным, а иногда и чистым восемьдесят четвертой пробы прибором. Чернобурая медвежья полость небрежно касается оторочкой уличного снега, а легкие сани так и блещут...» [46, с. 95–116].

В подобных экипажах ездили преимущественно военные, знатные дамы, разбогатевшие торговцы и купцы. В рассказе «Лихачи» повествуется о том, как лихач катает весь день девушку известной профессии, в конце требуя в виде оплаты ее услуги. Описываются в очерке и способы участия лихачей в помощи преступникам. В пример можно привести случаи, когда извозчик намеренно держится близко к тротуару за ближайшим углом от места, где «мазурик» (вор) делает свое дело, после чего запрыгивает в экипаж и на большой скорости удирает с места происшествия. А подчас «мазурики», уже сидя в санях или экипажах извозчиков снимали с прохожих шапки, накидки, шубы. За участие в подобных аферах лихачи получали от 25 до 100 р. за ночь [46, с. 95–116].

В газете «Новости и биржевая газета» от 3 ноября 1901 г. сообщалось о необычном происшествии. Мальчик 12-ти лет схватил сани извозчика, встав на полозья. Извозчик хотел согнать его кнутом, но дама в санях разрешила «покататься». Через несколько минут мальчик исчез вместе с портмоне пассажирки [47]. Данный эпизод является иллюстрацией обычного сотрудничества лихача с «мазуриком».

Какое происхождение имел лихач? Это мог быть сын хозяина извозного двора или накопивший собственный капитал кучер, а также это мог быть обычный извозчик, которому по собственной лености сын хозяина вручал свою упряжку [46, с. 95–116]. Клиентов они подбирали у самых дорогих ресторанов и магазинов, а коронное место – Аничков мост. Если одному из собравшихся у тротуара лихачей больше всего хотелось заработать, он не стеснялся работать локтями и кулаками, откидывая конкурентов в стороны [46, с. 95–116]. Лихачи часто становились инициаторами гонок на дорогах, вследствие чего на следующий день газеты сообщали о сбитой крестьянке, задавленном ребенке и т. д. Случай о лихой езде рассматривался в мировом суде 23 ноября 1901 г.: в час-пик на углу Невского пр. и Екатерининской ул. прямо в толпу народа неслась вороная, затем из толпы вынесли мальчика в бессознательном состоянии и вместе с кучером Потетелиным доставили в участок. Мальчик не знал, как попал под лошадь, дворянин Чернышев (владелец экипажа) сказал, что лошадь шла шагом, в итоге кучера приговорили к 7-дневному аресту [48].

За поездку «с ветерком» лихач мог запросить с клиента не менее 3 р., в то время как «ванька» в лучшем случае мог рассчитывать на 30–70 к. [45].

Промежуточное положение между «ваньками» и «лихачами» занимали «голубчики», использовавшие безрессорные и с железными шинами экипажи, в которые впрягали пару лошадей.

В.Н. Никулин, основываясь на экономических отчетах и статистических сборниках по Петербургской губернии, приводит такие данные о зарплате: «Занятый легковым извозом крестьянин, имевший свою лошадь и коляску, зарабатывал около 140 руб. за год, а ломовой извозчик – примерно 190 руб.» [45]. Автор считает, что данные числа являются чистым доходом, а не валовым, таким образом в течение года через руки извозчика проходила гораздо большая сумма.

Самостоятельный извозчик, имевший свою закладку и одну лошадь, зарабатывал в столице за день около 2 р. Из этой суммы около 1 р. он расходовал на приобретение фуража (овес, сено) для лошади, ремонт экипажа, платил за квартиру и питание. Всего, по данным В.Н. Никулина, извозчик тратил в месяц в среднем 34 р. Крестьяне, нанимавшиеся к владельцам закладок и лошадей, работали с октября по май за 7–8 р. в месяц с хозяйским столом. Каждый день они обязаны были отдать хозяину около 2 р. 50 к. Нехватка покрывалась за счет заработка в следующие дни. За сезон чистый заработок наемных извозчиков составлял 50–60 р. [45].

«Гг. извозопромышленники, несомненно, эксплуатируют трудом извозчиков – работников как вздумается. Не мешало бы Думе заняться этим вопросом. Установивши извозчичью таксу, следует определить и норму дневной выручки. Чтобы выехать по таксе три рубля, извозчик должен сделать в день около сорока верст. Это, как хотите, немножко много» [38].

Пользователи легкового транспорта и городские власти настаивали на принятии единой таксы, чтобы не вступать каждый раз в торг с извозчиками. Но средние цены таксы не позволяли «ванькам» зарабатывать лишние копейки на популярных маршрутах к вокзалам, ресторанам, театрам (короткие дистанции, за которые можно было требовать большую плату, так как пассажир обычно спешил и недолго торговался). С появлением таксы было сложнее выработать дневную норму, поэтому в думе и на страницах газет непрерывно велась дискуссия о том, какие цены были бы разумны в столичных городах.

Как писал современник из Сосницкой волости: «Сильно любят сельчане извозничество за легкость труда и хорошую пищу: сидишь на козлах, ешь щи с мясом, во время езды – то и дело чай, селянки, пиво, а иногда и рюмка водки...» [45]. Извозчики Сосницкой волости зарабатывали в городе от 2 до 3 р. в сутки, однако часть заработка шла на покрытие расходов на еду, содержание лошади, приобретение номера для занятия промыслом стоимостью 7 р. и т.д. После покрытия всех расходов чистый годовой заработок составлял 100–120 р.

Таким образом, различная экипировка определяла образ жизни извозчика, размер его требований к пассажирам и к работодателю. Обычно в городах крестьяне получали самое дешевое грязное жилье, плохую еду раз в день, штрафы за порчу и утерю экипировки и не имели возможности закрепиться в городе, обеспечить финансовое благополучие и стабильную работу. Труд «ваньки» ценился низко, из-за большой конкуренции он не часто получал заказы и не всегда мог выработать дневную норму.

«Трепетная наша жизнь, господин, – продолжал извозчик. [...] Каждую минуту ты трепещешь как вот пойманная птица. То номер твой могут записать, то обыватель какую-нибудь обиду тебе нанесет, то, храни Бог, со скотинкой что-нибудь случится...» [36].

Напротив, лихачи имели роскошные экипажи и уже сами выбирали седоков, отдавая предпочтение военным, купеческим детям и часто «камелиям». Также они не гнушались сотрудничать с «мазурчиками» и нарушать установленные правила езды по городу и стоянки в общественных местах.

«Если жизнь, исполненная порока и часто преступления, которую несет бедняк извозчик-ванька, делающийся иногда негодяем невольно, если его горькая судьба может вызывать наше сострадание, то самодовольно-развратная и вполне преступная жизнь извозчика-лихача есть явление непозволительное в благоустроенном городе» [47, с. 95–116].

5. Кто такие наши извозчики?

Социальный облик извозчика прочно закрепился в фольклоре и художественной литературе. Набор качеств, присущих среднестатистическому извозчику, раскрывается в песнях, анекдотах [44] и транслируется следующим поколениям в виде сказок. В пореформенное время эта профессия в представлении крестьян соединялась с возможностью переезда в город, с хорошими перспективами и часто будущность мальчиков связывали именно с извозным промыслом в столице.

Надо сказать, что реалии жизни городского «ваньки» были далеки от блестящих перспектив, рисующихся в воображении родителей. Издатель газеты «Саратовский извозчик», сам всю жизнь проработавший извозчиком, основавший «Союз людей, занимающихся извозным промыслом», крестьянин В.Ф. Ивлеев пытался разобраться, в чем же причина неудовлетворительного облика извозчика. «Извозчик у нас ругательное слово. Он пьян как извозчик, часто слышим мы. Что же это за человек такой, к которому относятся люди без всякого уважения и даже с презрением? Этот человек ответим мы, есть слуга общества, слуга необходимый, слуга полезный. Без этого слуги общество обойтись не может. [...] Человеку вручено природою пользование животными, которых он воспитывает, делает их послушными, добрыми,

трудолюбивыми, а сам, в то же время, пользуется от других людей хорошей репутацией» [49].

В то же время в рассказе В. Крестовского приводятся яркие примеры, за что пассажиры презирали извозчиков [46, с. 71–93]. Они задирали цену, вымогали копейки, замедляя шаг лошади и шантажируя в пути седока, отправляли комья грязи вслед седоку, не заплатившему больше, бранились и т. д. После таких эпизодов кажется невероятным, чтобы извозчик мог быть воспитанным, вежливым и интересующимся прессой.

В печати появился такой эпизод: конторский служащий пешком отправился на работу и вдруг увидел – «На козлах пролетки сидел извозчик в пенсне» [50]. «До сих пор Андрей Иванович не верил и во что необыкновенное, чудесное, возвышенное, а все, что читал некогда в книгах, считал просто испорченной бумагой. То, что извозчик носил пенсне, вихрем смело все прежние представления Андрея Ивановича о жизни, и о том, что полагается в ней [...] Но извозчик в пенсне – это уже не была фантастика слов или отвлеченная, ни к чему не обязывающая мысль. Это был живой, реальный извозчик, которому спокон веков полагалось быть красношеим грязным мужиком, а он вместо того сидит на козлах в пенсне, как какой-нибудь доктор или нотариус в кабинете. Все сдвинулось, все переместилось, все перешагнуло через столетия» [50].

Сегодня очки и иные оптические приспособления считаются жизненно необходимыми для людей с нарушениями зрения, но на рубеже веков пенсне использовали не только возрастные дамы и господа, но и молодые люди в качестве аксессуара, показывающего их принадлежность к интеллигенции. Однако в первую очередь данное устройство является способом коррекции зрения, проблемы с которым были не только у высших слоев общества, но и у извозчиков. Однако извозчикам редко приходилось читать, и к тому же покупка пенсне была не по средствам «ваньке» или «голубчику».

«Очки в настоящее время получили громадное распространение. Их носят люди всех возрастов, всех сословий и всяких профессий. Даже в армиях из года в год увеличивается число лиц, носящих очки. И только никогда нельзя встретить извозчика в очках, как будто бы для них исключается возможность плохо видеть. Чем же объяснить это странное явление? Мы знаем, что жители русских деревень почти поголовно страдают глазными болезнями, а, между тем, являющиеся в городах для извозного промысла крестьяне как бы обязаны обладать хорошим зрением. И вот, извозчики возят горожан на свой страх и страх переходящих площади и улицы. Сплошь и рядом извозчики наезжают на проходящих, калечат их и давят, особенно по вечерам, особенно в Петербургские туманы, а отсутствие слабого зрения у извозчиков никого не удивляет... Случаи такого рода обыкновенно при-

писываются неосторожности проходящих или нетрезвому состоянию извозчика, между тем как причина часто лежит в плохом зрении возницы. А расспросите-ка извозчика, постоянно наезжающего то на тротуар, то на прохожих, то подвертывающегося под конку, почему он так плохо едет, и он откровенно признается, что он близорук, или что у него – куриная слепота, и по вечерам он с трудом видит» [51].

Такая заметка в крупном городском издании могла привлечь внимание к проблеме слабого зрения. Также в тексте прямо показана причина некоторых аварий, особенно с участием одних и тех же извозчиков. Подобное положение дел требовало усложнить процесс приема в извозчики обязательным медицинским освидетельствованием. Данная заметка рекомендовала в качестве средств для организации таких медкомиссий использовать деньги, ежегодно выплачиваемые за извозный промысел. Но данные меры проведены не были.

Во второй половине XIX в. управление лошадью не считалось чем-то сложным, даже деревенские мальчишки десяти лет могли справиться с повозкой, и данное обстоятельство делало извоз очень популярным занятием, особенно в зимний период. Е.В. Баранова отмечает, что в тамбовских газетах на рубеже XIX–XX вв. появлялись сообщения о том, что на козлах часто появлялись мальчишки и женщины извозчики [44]. Однако независимо от пола и возраста, среди новых извозчиков наблюдалось отсутствие навыков управления лошадью и незнание города. Это был временный заработок для крестьян-отходников, и никто не считал нужным учиться ремеслу. В.Н. Никулин также утверждает, что крестьяне, заработав на корм себе и лошади, а также на лежащие на их дворах повинности, возвращались в деревню заниматься сельским хозяйством [52]. Такой сюжет раскрывается в детской литературе второй половины XIX в. Например, в рассказе «Мишка извозчик» отец семейства работает в городе извозчиком на хороших деревенских конях. Вся семья надеется, что в будущем Минька тоже будет извозчиком, потому что работа хорошая, позволяет покупать семье подарки и откладывать лишние деньги [53, с. 27–62]. Противоположные перспективы показаны в рассказе «Извозчик», который помещен в сборник рассказов для детей [54, с. 221–242].

«В то время как извозчики отдыхали в трактирах, прохлаждались чайком, требовали закуски, и хвастали друг перед другом, гремя тяжелыми медными пятаками, в деревне все мужики были в поле, торопясь вспахать кормилицу свою – землю». В деревне все думают, что житье в Питере легче легкого, и за зиму крестьянин Фома зарабатывает рублей 60. Но пьяный Фома недоглядел за лошадью, загнанная кобыла без ухода пала, Фома с горя ушел в запой, деньги пропил. Вдруг приехал в деревню и огорошил семью заявлением, что осталось всего 20 рублей. В итоге молил Фома родителей не сдавать бесполезного

мужика в солдаты. У Фомы началась тяжелая жизнь, потому что работать в деревне он за свою жизнь не научился, а другой лошади, чтобы отправить его в город, не было [54].

Ребенок-извозчик в художественной литературе такой же известный персонаж, как и взрослый. В рассказе «Извозчик Ванька» мальчик не старше 13 лет работает извозчиком. Его наниматель требует ежедневно выработать 3 р. В морозный день он к 18 ч уже заработал эти деньги. Пока размышлял, чем ему заняться, уснул на козлах. Лошадь полусонно шла через метель, мальчик чуть ли не падал с козел. Их заметил городской. Через несколько дней мальчика вызвали в полицию и взяли штраф 3 р. за неосторожное вождение [55].

Неслучайно целый ряд рассказов повествует о несовершеннолетних извозчиках. Это было действительно распространенное явление, с которым городские власти старались бороться. В мировом суде Петербурга 23 октября слушалось дело малолетних извозчиков. Двум мальчикам (одному на вид 13–14 лет, сказал, что 17; другому 15 лет, не явился в суд) предъявили обвинение в неосторожной езде, иначе говоря, «лихачестве». Но в суде рассматривался вопрос малолетства Муханова как основной. В ходе расследования выяснилось, что один остановился с целью отпустить седока, а второй наехал на него своей пролеткой. Мировой судья постановил вызвать хозяина одного мальчика и родителей второго для дальнейшего разбирательства [56].

Детская литература формирует образ извозчика как человека, способного обеспечить себе жизнь, но беспечного, в некоторой степени безответственного и потому упускающего свои возможности. А. Гакстгаузен, путешествуя по России, высоко оценил способность русских мальчишек адаптироваться к жизни верхом на лошади и устраивать собственный бизнес: «Наиболее характерный тип во всех русских городах и особенно в Москве – это извозчик. Великорос, можно сказать, родится извозчиком. [...] Цвет и венец русского возницы – это городской извозчик. На всем божием свете не найти более любезного, вежливого, лукавого и ловкого малого как он; первую школу свою проходит он в качестве фореитора у какого-нибудь дворянина. Мальчуган 10-ти, 12-ти лет сидит верхом на передней лошади целый день [...] В 17–18 лет он делается или настоящим кучером на козлах, или извозчиком, сперва в работниках у более богатого, а затем, поднакопивши деньжонок, обзаводится лошадью, дрожками и санями» [33, с. 39]. О детях, выросших под покровительством достаточно богатого и щедрого хозяина, в очерке «Лихачи» говорится, что они имели все шансы стать беззаботными «лихачами» и впоследствии открыть собственный извозщичий двор [46, с. 95–116].

Таким образом, на складывание социального облика извозчика повлияли несколько факторов – внешний вид, манера общения, поведение, знание или незнание города. Для большинства приехавших в

крупные города крестьян извоз был подработкой на зимний период, и каждый рассчитывал увезти домой «чистую» прибыль для хозяйственных нужд двора. Часто в город посылали несовершеннолетних для занятий извозом, но сам факт малолетства нарушал принятые городскими думами правила. Дети, осваивавшие профессию в течение нескольких лет, могли обосноваться в городе и добросовестно работать, но в первом десятилетии XX в. город страдал от избытка отходников, искавших легкого заработка, вследствие которого увеличивалась конкуренция среди извозчиков и большинство теряли доход. Кроме того, широкое распространение имел общественный транспорт в виде конно-железных дорог, омнибусов, а в некоторых городах и трамваев, на улицах появлялись автомобили, и для обеспечения будущего мальчикам из крестьянских семей было необходимо осваивать профессии шоферов и водителей. Но в рассматриваемый период школы или курсы для водителей в России распространены не были.

В заключение необходимо сказать, что извозный промысел оказывал большое влияние на формирование особой городской культуры. Он соединял в себе крестьянскую простоту в обращении, грубость между представителями одного ремесла, наивность в отношении заведенных порядков, и стремление городских властей создать современные правила дорожного движения, санитарной обстановки, внешнего вида обслуживающего персонала, которые бы отражали технологический прогресс. Усложнение правил вело к дополнительным испытаниям в ходе ежегодных проверок извозчиков, а также к расслоению в среде самих извозчиков – одни с лучшими экипажами получали привилегированные номерные знаки и могли чаще получать заказы, а другие получали плохие знаки и практически теряли заработок, так как цветовые схемы в номерах отражали качество экипажа и обозначали приоритетность при заказе извозчика. Городские думы десятилетиями поднимали одни и те же вопросы – о введении формы, о введении стандарта для экипажей, о введении единой таксы, но они не получили окончательного разрешения вплоть до начала войны, когда извозный промысел был переориентирован на военные нужды.

Список литературы

1. Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX в. – Тюмень: РИО Тюм ГАСУ, 2010. – 316 с.
2. Махрачев Г.С. Деятельность земств в отношении неземледельческих промыслов крестьян Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 23. – № 172. – С. 131–139.
3. Ловцова М.С. Местные и отхожие промыслы крестьянства Тамбовской губернии в процессе складывания областной территориальной границы // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 10 (126). – С. 115–118.
4. Болонев Ф.Ф. Транспортные средства для перевозки и переноски тяжестей по суше у русского населения Сибири (XIX–XX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та: Сер. История. Филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 281–291.

5. Морев В.А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX – начале XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2011. – № 3(15). – С. 140–145.
6. Соловьева Е. И. Извозный промысел в Сибири во второй половине XIX в. (1861–1893 гг.) // Науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. – 1972. – Вып. 64. – С. 51–62.
7. Санданов Ю.Б. Развитие промыслов и сенокосения в хозяйственной жизни населения Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 5. – Ч. 1. – С. 47–51.
8. Альжанова С. Развитие извозного промысла на территории Кустанайского уезда на рубеже XIX–XX вв. – URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2014/Istoria/2_157098.doc.htm (дата обращения: 04.09.2019).
9. Созинова И.Н. «Эх, прокачу!» (К истории извозного промысла в Ярославле) // Ярославская старина. – 2006. – № 6. – С. 95–100.
10. Бушуев И.А. Транспортная система Костромы и Ярославля на рубеже XIX–XX веков в повседневной жизни губернских центров // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 65–68.
11. Старостенко В.А. Неземледельческие промыслы крестьян Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX века // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – С. 51–58.
12. Глёмин А.М., Мельников Ф.П., Третьяков А.М. Первый этап автомобилизации России // Наземные транспортно-технические средства: проектирование, производство, эксплуатация. – 2016. – С. 116–125.
13. Гольц Г. А. Гужевой транспорт и гужевые пути сообщения России (Исторический очерк) // Россия и современный мир. – 2007. – Январь-март (№ 1). – С. 119–139.
14. Полное собрание законов Российской империи. – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 05.09.19).
15. ПСЗ. «О мерах к лучшему устройству извозного промысла в С.-Петербурге» (1876). – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 05.09.19).
16. Костромские губернские ведомости. – 1905. – № 44. – 9 июля.
17. Тамбовский край. – 1914. – № 64. – 21 марта.
18. Обязательные постановления Костромской городской думы для жителей города Костромы. – Кострома: Губернская тип., 1897. – 116 с.
19. Обязательное постановление о производстве извозного промысла, утвержденное Казанскою городскою думою... – Казань, [1885]. – 7 с.
20. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1893. – Т. 110. – № 12. – С. 135.
21. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 30 сент. – № 269.
22. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 12 нояб. – № 312.
23. Правила «О производстве извозного промысла». Оренбург. 1895. – URL: <https://berdskasloboda.ru/izvozny-promysel/> (дата обращения: 05.09.19).
24. Барамыкина М. В. Извозный промысел в конце XIX – начале XX в. (на примере г. Самары) // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. – 2013. – № 15. – С. 30–34.
25. «Самарец». Справочная книга и календарь на 1889 с прибавлением путеводителя по Волге. – Самара, 1888.
26. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1888. – Т. 89. – №16. – С. 470.

27. Костромской листок: ежедн. газ.: газ. лит., полит. и обществ. – 1901. – № 4. – 12 янв.
28. Обязательные постановления Тамбовской городской думы с 1876 года. – Тамбов, 1909. VII. – 139 с.
29. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 3 окт. – № 272.
30. Мельникова Д.А. Деятельность Российского общества покровительства животным по улучшению условий содержания лошадей во второй половине XIX – начале XX в. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2019. – Т. 1. – С. 294–299.
31. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1888. – Т. 89. – №10. – С. 882.
32. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1892. – Т. 107. – №26. – С. 206.
33. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни. – М., 1870. XXII. 490 с.
34. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1892. – Т. 108. – № 43. – С. 1114.
35. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1891. – Т. 103. – №32. – С. 412.
36. Нечаев Е.Е. Легковой извозчик. – М.: Изд. книгопродавца И.А. Морозова, 1909. – 24 с.
37. Успенский Г.И. Извозчик. – М.: Гос. изд-во, 1927. – 8 с.
38. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 23 дек. – № 353.
39. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1886. – Т. 83. – № 37. – С. 885–888.
40. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1889. – Т. 95. – № 30. – С. 359.
41. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1886. – Т. 83. – № 33. – С. 585–590.
42. Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1891. – Т. 101. – № 12. – С. 853.
43. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 7 авг. – № 215.
44. Баранова Е.В. Городские извозчики конца XIX–XX вв.: штрихи к портрету социально-профессиональной группы // Соц.-экон. явления и процессы. – 2015. – № 6. – С. 127–133.
45. Никулин В.Н. «Ваньки», «голубчики», «лихачи» и «ломовики». Из истории извозного промысла крестьян столичной губернии в конце XIX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. – 2015. – № 21. – С. 139–154.
46. Крестовский В. Петербургские типы: очерки. – СПб.: Изд. В.Е. Генкеля, 1865. – 195 с.
47. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 3 нояб. – № 303.
48. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 24 нояб. – № 324.
49. Саратовский извозчик: газ. нар., экон., хоз. обществ. и лит. / ред.-изд. В.Ф. Иевлев. – Саратов, 1906. – 7 мая.

50. Ренц И. Извозчик в пенсне. Рассказы. – М.: Огонек, 1925. – 61 с.
51. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 9 июля. – № 186.
52. Никулин В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы // Тр. ист. фак. С.-т-Петербур. ун-та. – 2010. – С. 272–283.
53. Зарницына М. Радость и горе маленьких людей. – М.: Изд. т-ва «В.В. Думнов – насл. бр. Салаевых», 1914. – 62 с.
54. Макарова С. В деревне: рассказы для детей с рисунками. – СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1910. – 243 с.
55. Писарева Л. Извозчик Ванька. – М.: Тип. «Ломоносов», 1913. – 16 с.
56. Новости и биржевая газета: Второе ежедн. изд. / ред. О.К. Нотович. – СПб., 1901. – 24 окт. – № 293.

References

1. *Xramczov A.B. Vlast` i obshhestvo v gorodax Tobol`skoj gubernii koncza XIX – nachala XX veka* [Power and society in the cities of Tobolsk province of the late XIX – early XX century]. – Tyumen`: RIO Tyum GASU, 2010. 316 p.
2. *Maxrachev G.S. Deyatel`nost` zemstv v otnoshenii nezemledel`cheskix promy`slov krest`yan Tambovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Zemstvo activity in relation to non-agricultural crafts of peasants of the Tambov province in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki.* – Vol. 23. – №172. – P. 131–139.
3. *Lovczova M.S. Mestny`e i otkozhie promy`sly` krest`yanstva Tambovskoj gubernii v processe sklady`vaniya oblastnoj territorial`noj granicy* [Local and latrine crafts of the peasantry of the Tambov province in the process of folding the regional territorial border] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki.* – 2013. – Vol. 10 (126). – P. 115–118.
4. *Bolonev F.F. Transportny`e sredstva dlya perevozki i perenoski tyazhestej po sushe u russkogo naseleniya Sibiri (XIX – XX veka)* [Vehicles for transporting and carrying loads by land among the Russian population of Siberia (XIX–XX centuries)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya: Istorija. Filologiya.* – 2013. – B. 12. – Vol. 7. – P. 281–291.
5. *Morev V.A. Pochtovaya texnika i osobennosti perevozki pochty` i tovarov v Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Postal equipment and features of the transportation of mail and goods in Siberia in the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija.* – 2011. – №3 (15). – P. 140–145.
6. *Solov`eva E. I. Izvozny`j promy`sel v Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. (1861–1893 gg.)* [Domestic trade in Siberia in the second half of the XIX century. (1861–1893)] // *Nauchny`e trudy` / Novosib. ped. in-t.* – 1972. – Vy`p. 64. – P. 51–62.
7. *Sandanov Yu.B. Razvitie promy`slov i senokosheniya v xozyajstvennoj zhizni naseleniya Zabajkal`skoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [The development of crafts and haying in the economic life of the population of the Trans-Baikal region in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sli`.* – 2016. – B. 8. – №5. – P. 1. – P. 47–51.
8. *Al`zhanova S. Razvitie izvoznogo promy`sla na territorii Kustanajnskogo uezda na rubezhe XIX-XX vv.* [Development of carrier's trade in the Kustanai district at the turn of the 19th-20th centuries.] – URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2014/Istoria/2_157098.doc.htm (Last accessed: 04.09.2019)
9. *Sozinova I. N. "E`x, prokachu!": (K istorii izvoznogo promy`sla v Yaroslavle)* ["Oh, I'll pump it!": (On the history of the carrier's trade in Yaroslavl)] // *Yaroslavskaya starina.* – 2006. – № 6. – P. 95–100.

10. *Bushuev I.A. Transportnaya sistema Kostromy` i Yaroslavlya na rubezhe XIX – XX vekov v povsednevnoj zhizni gubernskix centrov* [The transport system of Kostroma and Yaroslavl at the turn of the XIX–XX centuries in the everyday life of provincial centers] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – T. 20. – № 4. – P. 65–68.
11. *Starostenko V.A. Nezemledel`cheskie promy`sly` krest`yan Sankt-Peterburgskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* [Non-agricultural crafts of peasants of the St. Petersburg province in the late XIX – early XX centuries] // *Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molody`x issledovatelej*. – 2005. – P. 51–58.
12. *Glyomin A.M., Mel`nikov F.P., Tret`yakov A.M. Pervy`j e`tap avtomobilizacii Rossii* [The first stage of motorization in Russia] // *Nazemny`e transportno-texnicheskie sredstva: proektirovanie, proizvodstvo, e`kspluatatsiya*. – 2016. – P. 116–125.
13. *Gol`cz G. A. Guzhevoj transport i guzhevy`e puti soobshheniya Rossii (Istoricheskij ocherk)* [Cartage and horse-drawn lines of communication of Russia (Historical outline)] // *Rossiya i sovremenny`j mir*. – 2007. – January-March (No. 1). – P. 119–139.
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Last accessed: 05.09.19)
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. «O merax k luchshemu ustrojstvu izvoznogo promy`sla v S.-Peterburge»* [Complete collection of laws. "On Measures for a Better Arrangement of carrier's trade in St. Petersburg"] (1876). – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Last accessed: 05.09.19).
16. *Kostromskie gubernskie vedomosti* [Kostroma provincial sheets]. – 1905. – No. 44. – July 9th.
17. *Tambovskij kraj* [Tambov region]. – 1914. – No. 64. – March 21.
18. *Obyazatel`ny`e postanovleniya Kostromskoj gorodskoj dumy` dlya zhitelej goroda Kostromy`* [Binding decrees of the Kostroma City Council for residents of the city of Kostroma]. – Kostroma: Provincial Printing House, 1897. 116 p.
19. *Obyazatel`noe postanovlenie o proizvodstve izvoznogo promy`sla, utverzhdennoe Kazanskoyu gorodskoyu dumoyu...* [A binding decree on the production of carrier's trade, approved by the Kazan City Duma]. – Kazan`, [1885]. 7 p.
20. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1893. – B. 110. – №12. – P. 135.
21. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhdn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – September 30. – No. 269.
22. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhdn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – November 12. – No. 312.
23. *Pravila «O proizvodstve izvoznogo promy`sla»* [The rules "On the production of carrier's trade"]. – Orenburg, 1895. – URL: <https://berdskasloboda.ru/izvozny-promysel/> (Last accessed: 04.09.19).
24. *Baramy`kina M. V. Izvozny`j promy`sel v konce XIX – nachale XX vv. (na primere g. Samary`)* [Carrier's trade in the late XIX – early XX centuries (on the example of the city of Samara)] // *Intellektual`ny`j potencial XXI veka: stupeni poznaniya*. – 2013. – № 15. – P. 30–34.
25. *«Samarecz». Spravochnaya kniga i kalendar` na 1889 s pribavleniem putevoditelya po Volge* ["Samarets". Reference book and calendar for 1889 with the addition of a guide to the Volga]. – Samara, 1888.
26. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1888. – B. 89. – №16. – P. 470.

27. *Kostromskoj listok* [Kostroma leaf]: ezhedn. gaz.: gaz. lit., polit. i obshestv. – 1901. – №4. – January 12th.
28. *Obyazatel'ny'e postanovleniya Tambovskoj gorodskoj dumy` s 1876 goda* [Mandatory decrees of the Tambov City Council since 1876]. Tambov. 1909. VII. 139 p.
29. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhedn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – October 3. – No. 272.
30. *Mel'nikova D.A. Deyatel'nost' Rossijskogo obshhestva pokrovitel'stva zhivotny'm po uluchsheniyu uslovij soderzhaniya loshadej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The activities of the Russian Society for the Protection of Animals to improve the conditions of horses in the second half of the XIX - beginning of XX centuries] // *Prirodno-geograficheskie faktory` v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost`*. Mat. mezhdunar. nauchn. konf. / Otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2019. – P. 294–299.
31. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1888. – V. 89. – №10. – P. 882.
32. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1892. – V. 107. – №26. – P. 206.
33. *Gakstgauzen A. Issledovaniya vnutrennix otnoshenij narodnoj zhizni* [Studies of the internal relations of folk life]. – M., 1870. – XXII. 490 p.
34. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1892. – V. 108. – №43. – P. 1114.
35. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1891. – V. 103. – №32. – P. 412.
36. Nechaev E.E. *Legkovoij izvozchik* [Passenger coachmen]. M.: publication of the bookseller I.A. Morozova, 1909. 24 p.
37. *Uspenskij G.I. Izvozchik* [A Coachmen]. – M.: state publishing house, 1927. 8 p.
38. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhedn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – December 23. – No. 353.
39. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1886. – V. 83. – №37. – P. 885–888.
40. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1889. – V. 95. – №30. – P. 359.
41. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1886. – V. 83. – №33. – P.585–590.
42. *Izvestiya Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dumy`* [News of the St. Petersburg City Council]. – 1891. – V. 101. – №12. – P. 853.
43. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and the exchange newspaper]: Vtoroe ezhedn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – August 7. – No. 215.
44. *Baranova E.V. Gorodskie izvozchiki koncza XIX–XX vv.: shtrixi k portretu social'no-professional'noj gruppy`* [City coachmen of the late XIX–XX centuries.: strokes for the portrait of a socio-professional group] // *Social'no-e`kon. yavleniya i processy`*. 2015. № 6. P. 127–133.
45. *Nikulin V.N. «Van`ki», «golubchiki», «lixachi» i «lomoviki». Iz istorii izvoznogo promy`sla krest`yan stolichnoj gubernii v konce XIX veka* ["Vanka", "darlings", "reckless" and "crowbar". From the history of the carrier's trade of peasants in the capital province at the end of the 19th century] // *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii*. – 2015. – № 21. – P. 139–154.
46. *Krestovskij V. Peterburgskie tipy`: ocherki* [Petersburg types: essays]. – SPb.: edition V.E. Genkel, 1865. 195 p.

47. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhdn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – November 3. – No. 303.
48. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhdn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. November 24. – No. 324.
49. *Saratovskij izvozchik* [Saratov coachmen]: *Gaz. nar., e`kon., xoz. obshhestv. i lit* / Red.-izd. V.F.levlev. – Saratov, 1906. May 7.
50. *Rencz I. Izvozchik v pensne. Rasskazy`* [A coachman in a pince-nez. Stories]. – M.: publishing house Ogonyok, 1925. 61 p.
51. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhdn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – July 9th. – No. 186.
52. *Nikulin V.N. Nezemledel`cheskie otxozhie promy`sly` krest`yan Peterburgskoj gubernii v poreformenny`e gody`* [Non-agricultural latrine crafts of peasants of the St. Petersburg province in the post-reform years] // *Trudy` Istoricheskogo fakul`teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. – 2010. – P. 272–283.
53. *Zarnicyna M. Radost` i gore malen`kix lyudej* [Joy and sorrow of little people]. – M.: edition of the partnership "V.V. Dumnov - nasl. Br Salaev", 1914. 62 p.
54. *Makarova S. V derevne. Razskazy` dlya detej s risunkami* [In the village. Stories for children with drawings]. – S.-Peterburg: V.I. Gubinsky, 1910. 243 p.
55. *Pisareva L. Izvozchik Van`ka* [The cabman Vanka]. – M.: printing house "Lomonosov", 1913. 16 p.
56. *Novosti i birzhevaya gazeta* [News and Exchange Newspaper]: Vtoroe ezhdn. izd / Red. O.K. Notovich. – SPb., 1901. – October 24. – No. 293.

К.А. Абдрахманов

**Особенности деловых отношений купцов и приказчиков
в условиях приграничной провинции на примере
Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в.**

Расположение Оренбургской губернии на границе с обширным центрально-азиатским регионом позволяло местным предпринимателям активно участвовать во внешней торговле. Приказчики, обеспечивающие доставку купеческих товаров на среднеазиатские рынки, не всегда добросовестно выполняли взятые на себя обязательства. В случае противозаконных действий наемных служащих купец мог не досчитаться прибыли, а то и полностью лишиться товаров и денег. Однако, не имея возможности лично вести караван в тяжелых условиях степного пространства, оренбургское купечество было вынуждено мириться с существующим порядком вещей.

Рост капиталов оренбургских купцов, появление в крае новых производств и расширение географии коммерческой деятельности предпринимателей в конце XIX – начале XX в. значительно повысили спрос на услуги служащих-управленцев, которым можно было бы доверить руководство крупным бизнесом на удаленной от дома хозяина местности. Соблюдение условий договора как нанимателем, так и работником, отказ сторон от взаимного обмана способствовали выработке доверительных отношений между купцами и приказчиками.

Ключевые слова: приказчики, Средняя Азия, негативный образ, противоправные действия, деловые контакты, торговый дом, договор, наемные служащие, предприниматели, Оренбургская губерния.

К.А. Abdrakhmanov

**Features of business relations of merchants
and sales representatives in the conditions of a frontier province
on the example of the Orenburg province in the second half
of the XIX – early XX centuries**

The location of the Orenburg province on the border with the vast Central Asian region allowed local entrepreneurs to participate actively in foreign trade. Sales representatives, providing the delivery of merchandise goods to the Central Asian markets, did not always faithfully fulfill their obligations. In the case of illegal actions of hired employees, the merchant might not receive the whole profit, or completely lose goods and money. However, not being able to conduct a caravan in the difficult conditions of the steppe space personally, Orenburg merchants had to put up with the existing order of things.

The growth of Orenburg merchants' capitals, the emergence of new industries in the region and expansion of the geography of business activities of entrepreneurs in the late XIX – early XX centuries significantly increased the demand for the services of managerial employees, who could be entrusted with leading a large business in a location far from the owner's house. Compliance with the terms of contract by both the employer and the employee, refusal of the parties to deceive each other contributed to the development of trusting relations between merchants and sales representatives.

Key words: sales representatives, Central Asia, negative image, illegal actions, business contacts, trading house, contract, hired employees, entrepreneurs, Orenburg province.

Проблемы взаимоотношений предпринимателей со своими главными наемными управленцами в отечественной историографии никогда не были отдельной темой исследований. В дореволюционный период особенности трудовой деятельности купеческих уполномоченных, производящих деловые операции на азиатском направлении, описаны в 50-х гг. XIX в. в работе П.И. Небольсина, посвященной экономическому взаимодействию Российской империи с государствами Средней Азии [1].

Новейшие постсоветские исследования также не обращают внимания на разработку роли приказчиков в функционировании купеческих предприятий. Вот некоторые из написанных работ. В книге Г.В. Андреевского имеется отдельная глава, в которой отношения предпринимателей со своими служащими в XIX в. представлены как попытки одной стороны обзавестись бесплатной рабочей силой, а другой, в свою очередь, компенсировать материально-психологическое ущемление путем умышленного хищения имущества нанимателя [2]. Психологический портрет управленческого персонала купеческих фирм в пореформенное время представлен в статье С.В. Филатовой [3].

Зачастую, имея довольно разветвленную сеть торговых точек или крупное предприятие с филиалами, расположенными в разных городах страны, российские предприниматели не имели возможности справляться с делами, полагаясь только на собственные силы или помощь членов своей семьи. Контроль за работой удаленных от головной фирмы подразделений обеспечивал управленческий состав купеческих предприятий – приказчики. Круг обязанностей главных купеческих управленцев был весьма разнообразен, и, в зависимости от объема возлагаемых на их плечи задач, а также важности поручений, приказчики делились на две категории. Согласно положению «Об уполномоченных и приказчиках» 1825 г., «в первый класс входят главные приказчики, уполномоченные, поверенные, или комиссионеры при оптовой торговле, коим поручается целая торговая операция, и вместе с тем закупка, или продажа товаров, или делается одно из сих поручений, также управляющие всем торгом хозяина, или целым заведением...» [4, с. 170].

Для приказчиков первого класса было актуальным указать в договоре с нанимателем, «какое определено ему жалование или содержание» [4, с. 172]. Из этого следует, что наемный руководящий состав был весьма важным звеном в купеческих бизнес-структурах, наличие которого было необходимо для расширения предприятий нанимателя и позволяло последнему отказаться от личного участия в рабочих процессах на постоянной основе. Тем не менее сам приказчик, как субъект социальных отношений, очень часто воспринимался в качестве отрицательного персонажа, причем не только со стороны работодателей-купцов, но и в широких общественных массах. Об этом упоминается в статье С.В. Филатовой: «Как правило, сохранившиеся источники рисуют не слишком приятный образ приказчика» [3, с. 196].

Даже русский фольклор порой являет психологический портрет приказчика как любителя «наложить лапу» на все, что дорого его хозяину. В сказке «Купеческая жена и приказчик» [5] наемный служащий посягнул на добродетель молодой купеческой жены, которая не смогла отвергнуть ухаживания и ответила ему взаимностью. Поползли слухи, и встревоженный купец обратился за разъяснением к супруге, и она тогда решила при помощи своего поклонника навсегда отбить у мужа привычку собирать сплетни, которые, однако, были достоверными. Этот замысел блестяще сработал, и купец, который в ходе проверки супружеской верности был крепко побит, признал, что был введен в заблуждение злыми языками. «– Вот видишь, а ты всякому веришь! – сказала купчиха и с того времени стала жить с приказчиком без всякого страху», – сказано в конце истории [5].

Подобный негативный образ купеческих служащих формировался исходя из специфики межличностных контактов работодателей со своими сотрудниками. Распространенные во второй половине XIX в. случаи пренебрежительного и грубого обхождения купцов со своими приказчиками побуждали последних к противоправным действиям в отношении хозяев. Подобные незаконные акции недовольные произволом сотрудники считали некой компенсацией за моральный и материальный ущерб. О данном состоянии дел в работе Г.В. Андреевского говорится, что «приказчик, обкрадывая хозяина, утешал свою совесть тем, что мстит ему за обиды, унижения и недоплату жалованья» [2, с. 415].

Этот же автор приводит пример того, как купец, не желая расставаться с деньгами, мог воспользоваться своим положением и отказать работнику в выплате нужной суммы: «Вначале хозяин мог просто сказать ему: "Послужи, посмотрим, старайся, не обижу", – ну а потом, если своими расспросами и намёками на прибавку жалованья приказчик вызывал у хозяина раздражение, то мог услышать от него довольно злобную отповедь: "Договору письменного между нами не было, а по твоей работе я не мог назначить тебе такого жалованья, о котором ты

говоришь, ты его не стоишь. Вот получай, что даю, и убирайся вон, а поговоришь ещё – не получишь ни копейки"» [2, с. 412].

В статье С.В. Филатовой сказано примерно то же самое: «Труд так называемых мальчиков был весьма популярным. Так назывались подростки, которых родители или родственники отдавали в услужение для приобретения навыков торговой деятельности. Обычно они работали бесплатно, за кров, пищу и обучение. Это стимулировало, скажем так, некоторые непорядочные действия» [3, с. 195]. В современном исследовании по экономической истории под авторством М.В. Конотопова и С.И. Сметанина также упомянуто, что в случаях получения приказчиками широкой автономии в плане управления фирмой эти руководители в отличие от реальных хозяев будут стремиться только к увеличению собственной выгоды. «Поэтому и состав уральских заводчиков был особым. Предприимчивых основателей заводов сменили их потомки, для которых заводы были лишь источником доходов. Хозяйство заводов оказывалось в руках управляющих и приказчиков; процветали воровство, взяточничество, приписки», – отмечено в работе [6, с. 125].

Отличительной особенностью Оренбургской губернии было ее географическое положение на границе с центральноазиатским регионом. В силу этого обстоятельства предпринимательская прослойка населения Оренбургского края имела на протяжении XIX – начала XX в. постоянные торговые связи с купцами из Средней Азии. Сбыт на Бухарском, Кокандском и Хивинском рынках изделий российской промышленности приносил оренбургским купцам солидную прибыль. Однако до окончательного поглощения Российской империей всей территории азиатских ханств в 70-х гг. XIX столетия и строительства сети железных дорог, разом решивших многие проблемы грузооборота, основным средством доставки товаров в азиатском направлении и обратно являлись торговые караваны.

Для того чтобы превратить торговлю на азиатском направлении в экономически выгодное предприятие, оренбургским коммерсантам предстояло решить широкий круг всевозможных проблем. Во-первых, всегда был велик риск просто не довести товар до пункта назначения, подвергшись в пути нападению разбойничьих групп. Подобный исход дела нередко заканчивался не только потерей товара, но и смертью владельца. Также купцы из России, в случае благополучного прибытия в какой-либо из азиатских городов, вынуждены были вступать в контакт с местным бюрократическим аппаратом, отношение которого к личности торговца во многом зависело от конфессиональной принадлежности последнего. То есть предприниматели-мусульмане не подвергались унижительным процедурам досмотра и платили налоговый сбор, сумма которого была меньше в разы по сравнению с их коллегами-христианами. Поэтому, как отметил П.И. Небольсин: «...русские

купцы редко бывают в Средней Азии, а доверяют торговлю своим приказчикам – казанским татарам и ростовцам, которым за все беспокойства путешествия, за хлопоты и неприятности на чужой стороне, платят от ста до стасемидесяти, редко двести и триста, и еще реже четыреста рублей серебром жалования» [1, с. 18]. Также о том, что оренбургские предприниматели предпочитали вести торговые дела в Азии, используя в качестве агентов своих приказчиков, говорит факт награждения купца 1-й гильдии Н. Деева «за отправление приказчиков в Хиву и Бухару». За подобное предприятие Николай Деев удостоился звания коммерции советника [7, с. 38].

Можно сказать, что на протяжении всего периода, когда оренбургские купцы были вынуждены проводить деловые операции в азиатских странах, прибегая к услугам приказчиков, эта территория рискованного предпринимательства служила своего рода «полигоном» для проверки добросовестности наемных служащих.

Как известно, не все купеческие управленцы проходили эту проверку на благонадежность. Отсутствие контроля со стороны хозяина, полный доступ к имуществу и финансам, а также нахождение на удаленной от российской юрисдикции территории порождали уверенность в безнаказанности и провоцировали доверенных лиц коммерсантов на обман своих нанимателей. Вот что об этом писал П.И. Небольсин: «Отчетов от них не требуется почти никаких: у иных хозяев это не в обычае, у иных приказчиков явятся законные и уважительные препятствия, извиняющие неведение отчетности, и потому большое число наших торговцев довольствуются только наличным результатом. Если, например, к зиме взял с собой в караван хозяйского товара на тысячу рублей и на следующую весну возвратился к купцу с азиатскими товарами, по местным ценам тысячи на полторы рублей – хозяин совершенно доволен, что выручил на рубль полтину барыша, и затем приказчик освобождается от всякого надзора и ответственности в своих действиях. Это не то, чтобы большое доверие, но ни справиться о нем, ни усчитать его нет никакой возможности. Может быть доверенное лицо уронило кредит хозяина, может быть оно добыло – рубль на рубль, но от него не требуют ни книг, ни записок и верят во всем на слово» [1, с. 18–19].

В истории деловых отношений оренбургских купцов с государствами Средней Азии известен случай полного присвоения приказчиком хозяйской собственности.

В 1860 г. доверенный оренбургского купца С.М. Деева крестьянин Н.М. Уренев был отправлен с караваном в Бухару, но по дороге решил присвоить себе хозяйское добро. При пересечении границы с эмиратом он объявил бухарским чиновникам, что весь товар принадлежит ему, принял ислам и остался жить в Бухаре [8, с. 11]. Владелец товара

предпринял попытку вернуть утраченное и отправил следом другого приказчика, но не добился успеха.

В работе П.И. Небольсина обращалось внимание на безынициативность и отсутствие интереса у приказчиков в создании более комфортного делового климата для русских торговцев на территории Средней Азии. «Приказчику нет настоящей надобности работать головой за чужого человека, часто не бывает у него надлежащей сметки, достаточной наблюдательности на то, чтобы подсмотреть особенности среднеазиатского человека, вникнуть в его нужды, найти новую сторону предмета, придумать новую статью оборотов, открыть новую дорогу к облегчению и расширению своих связей с потребителями, благородными и позволительными средствами» [1, с. 19–20]. Но надо сказать, что хотя подобная картина и была довольно массовой, она не являлась абсолютно господствующей. Оговорку об этом оставил и сам Небольсин: «Удача выбора, распорядительность и поощрения со стороны купца, добросовестность, умение и сноровка в операциях со стороны приказчика не составляют какого-нибудь исключения из общего правила» [1, с. 21].

Обратный пример преданности взятым на себя обязательствам продемонстрировал оренбургский мещанин Николай Николаевич Шмелев, услугами которого в 60-е гг. XIX в. пользовались не только местные коммерсанты, но и купцы из других городов России. «В 1862 г. в качестве приказчика купцов Быковских Шмелев отправился в Бухару с бухарским караваном, в котором находилось до 900 верблюдов и более 100 человек. По пути на караван напали казахи и Шмелев проявил большую расторопность и храбрость. Комендант форта № 1 сообщал: "Бухарцы говорили, что Шмелев во все время дела заряжал сам почти все ружья (знатоков было мало), стрелял и давал другим стрелять. Со дня дела Шмелев заслужил к себе сочувствие бухарцев, а по прибытии в Бухару это сочувствие много помогло ему в торговых делах фирмы Быковских, так что товар продан успешно и довольно выгодно". Шмелев был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью "За храбрость" [9, с. 217].

«В 1868 г. Шмелева вторично наградили серебряной медалью "за усердие", за "ревностное" содействие развитию русской торговли в Средней Азии, за отличное выполнение поручений русских купцов, благодаря хорошему знакомству со Средней Азией, с ее влиятельными людьми, с обычаями и проч.» [9, с. 217].

Успешная деятельность оренбургских приказчиков в азиатских странах позволяла купеческим служащим самим выбиться в разряд известных предпринимателей. Например, житель Оренбурга Семен Яковлевич Ключарев, добросовестно выполняя обязанности приказчика «первостатейных» купцов в Хиве, Бухаре и Ташкенте, сумел сделать карьеру успешного коммерсанта. В 60-х гг. позапрошлого

столетия он был зачислен в купцы второй гильдии и получил потомственное почетное гражданство. Предприятия Ключарева располагались в Оренбурге и Ростове.

Вообще, такое направление профессиональной деятельности, как работа приказчиком, являлось своего рода «кузницей кадров» для купеческого сословия. По этому поводу С.В. Филатова выразилась так: «Однако было и немало примеров весьма успешной приказчицкой карьеры, которая в дальнейшем трансформировалась уже в предпринимательское дело» [3, с. 197].

Среди оренбургских купцов известен пример Григория Климовича Скворцова, который «...начал торговлю мелким товаром, как говорили, "вразнос", в звании приказчика аж до тридцати семи лет» [10, с. 43]. «В губернской столице Григорий Климович поступил в приказчики к известному торговцу мануфактурными товарами Шанину» [10, с. 43]. Накопив стартовый капитал, Григорий Климович организовал свое дело. Первым объектом инвестиций купца стала кондитерская, а затем был открыт магазин колониальных товаров [10, с. 43–44].

Надо отметить, что в Оренбургской губернии приказчики наравне со своими нанимателями – купцами также весьма активно занимались торговой деятельностью. Так в 1866 г. в городах Оренбуржья приказчикам было выдано 1899 торговых свидетельств 1-й и 2-й гильдий [11, с. 100]. В Оренбурге документы на право торговли 1-й гильдии получили 238 приказчиков. В Верхнеуральске это цифра составила 77 чел., в Орске – 59, в Троицке – 106 и в Челябинске – 64 [11, с. 100]. Свидетельства 2-й гильдии в Оренбурге приобрели 787 приказчиков, в Верхнеуральске – 180, в Орске – 67, в Троицке – 246, в Челябинске – 75 [11, с. 100].

В истории профессиональной деятельности приказчиков на территории Оренбуржья имеется пример прямо-таки фанатичной преданности интересам хозяина. Царскосельский купец 1-й гильдии М. Томасов в 1877 г. являлся исполнителем подряда на поставку строительного леса обществу Оренбургской железной дороги. Выполнить взятые на себя обязательства столичный коммерсант должен был в очень сжатые сроки, в противном же случае ему предстояло понести значительные убытки. По неизвестным причинам подрядчик не мог своевременно предоставить заказчику оговоренное количество бревен. Тогда, чтобы не сорвать контракт и тем самым нанести ущерб финансовому положению и деловой репутации, предприниматель Томасов при помощи своего приказчика, мещанина П.И. Шихова, решился на незаконное присвоение леса других собственников. Пострадавшие от действий приказчика Шихова оренбургские лесопромышленники направили протест в уездное полицейское управление, а затем и генерал-губернатору [12, л. 8]. Потерпевшие предприниматели доносили, что Шихов в районе реки Сакмары осу-

ществил выгрузку леса, не принадлежащего Томасову, с чужими клеймами. Это были 7-аршинные сосновые и 6-аршинные «лиственничные коротыши» и берёзовые дрова [12, л. 8]. Пострадавшими от незаконных действий Шихова были оренбургские коммерсанты И.Г. Скворцов, П.М. Деев, Н.Н. Кожевников и Г. Давлетшин [12, л. 88].

В ходе следствия были опрошены работавшие на М. Томасова пильщики леса, которые подтвердили самоуправство купеческого приказчика. По словам наёмных рабочих, они спрашивали П. Шихова о том, как осуществлять заготовку брёвен – пилить выборочно или всё без разбора? На этот вопрос приказчик ответил, что «...лес пилить весь, не разбирая никаких клейм, при этом никого не слушать кроме самого Шихова» [12, л. 26]. Другими свидетелями, видевшими, что лес пилило множество людей, были сторожа речного склада и станичный атаман, «...который конечно с 80 человеками в драку не пошёл» [12, л. 27]. Но правоохранительные органы Оренбурга сработали оперативно, и на ещё не отгруженные заказчику брёвна был наложен арест, в результате чего Томасов сорвал сроки поставки и понес серьёзный финансовый ущерб.

В своей монографии Г.В. Андреевский упоминал о том, что недовольный работой приказчика купец мог отказать в выплате жалования своему служащему. К тому же, не получивший расчёт работник практически был лишен возможности как-то противодействовать произволу работодателя. «Искать правду молодому человеку было негде. Никаких трудовых договоров приказчики с хозяевами не заключали, расчётных книжек, в которых бы указывался размер жалованья и оговаривалось бы сохранение его в случае болезни и призыва на шестинедельную военную службу, не имели», – сказано в работе автора [2, с. 430]. Однако подобная ситуация была характерна скорее всего для XIX в., потому что, судя по рабочей документации оренбургского торгового дома купцов Зарывных, эта фирма в начале XX в. заключала многочисленные договоры со своими служащими.

Зачастую, имея довольно разветвленную сеть торговых точек или крупное предприятие с филиалами, расположенными в разных городах страны, российские предприниматели не имели возможности справляться с делами, полагаясь только на собственные силы или помощь членов своей семьи. Контроль за работой удаленных от головной фирмы подразделений обеспечивал управленческий состав купеческих предприятий – приказчики.

Доверенным лицам предпринимателей предстояло распоряжаться крупными денежными суммами и другим имуществом нанимателя, поэтому претенденты на должность приказчиков предоставляли характеристику с предыдущего места работы. Вот какого характера объявления можно было встретить на страницах оренбургской прессы: «Молодой человек желает получить должность приказчика по хлебно-

му или другому делу. Письменные и личные рекомендации. Магазин Леск. Спросить приказчика Насонова» [13].

В 1909 г. торговый дом «Алексей Зарывнов с сыновьями» заключил договор с оренбургским мещанином Сергеем Васильевичем Волковым. В трудовом соглашении было прописано, что «...А.В. Волков поступил к Торговому дому в приказчики по его торговле в чайной лавке в городе Оренбурге сроком на один год за плату за весь означенный срок 540 рублей. ...И согласно сему обязуюсь: производить торговлю вверенными мне товарами аккуратно и добросовестно, продавать и покупать товары за наличные деньги отнюдь не кредитуясь от имени Торгового дома Алексей Зарывнов с сыновьями, книги, счета, а равно и другие по торговле записи обязуюсь вести в надлежащей чистоте и верности и по требованию Торгового дома давать во всем точные отчеты. Если Торговый дом останется службою моею недоволен или я окажусь не способным для исполнения принятой на себя обязанности, то имею право во всякое время отказаться, рассчитав по день отказа, согласно вышепрописанного жалования, а я, Волков, должен сдать оставшийся товар, деньги и все врученное мне имущество в целости, если же окажется, что мною по день расчета будет взято излишнее жалование, то такое я должен возвратить, я же – Волков, оставить самовольно службу не имею права. За растрату врученных мне товаров и имущества отвечаю я, Волков, по закону. Существующие постановления о приказчиках нам известны» [14, л. 96]. Как показано в тексте документа, договор двух сторон предусматривал определенное финансовое вознаграждение приказчика даже в случае его увольнения по причинам неудовлетворительного исполнения своих обязанностей.

Стоит заметить, что размер жалования наемных приказчиков зависел от того, в какой местности им предстояло трудиться. Если наниматель направлял своего работника в иногороднее подразделение фирмы, то заработная плата приказчиков возрастала по сравнению с окладом коллег, оставленных в Оренбурге. В том же 1909 г. к торговому дому «Алексей Зарывнов с сыновьями» поступил на службу приказчиком оренбургский мещанин Леонид Васильевич Ванюшин. Местом работы служащего был определен город Илек Уральской области. За год работы приказчику полагалось выплатить 600 р., «...выдаваемых по мере заслуги» [14, л. 98].

Еще в 1909 г. оренбургские купцы трудоустроили на должность приказчика илецкого мещанина Василия Александровича Дубинина. Место работы служащего – г. Темир Уральской области. Оклад 600 р. в год [14, л. 122]. В это же время, торговый дом Зарывновых командировал в город Актюбинск Тургайской области крестьянина Нижегородской губернии, Горбатовского уезда, деревни Шевариха Федора Матвеевича Шабошева, который проживал в Оренбурге [14, л. 124].

Этот служащий также был принят на должность приказчика с годовым жалованием в 600 р. [14, л. 124]. Получается, что все командированные для работы в другие населенные пункты управленцы торгового дома получали зарплату, размер которой на 60 р. превышал оклад упомянутого выше приказчика С.В. Волкова, в сфере ответственности которого находилась оренбургская чайная лавка Зарывновых.

В деятельности фирмы Зарывновых имело место приобретение и строительство промышленно-торговых помещений и предприятий по всей Оренбургской губернии. В декабре 1913 г. состоящий наёмным приказчиком у торгового дома стерлитамакский мещанин В.А. Базанов отчитался о приобретении разного имущества по заказу оренбургских купцов. Базановым было приобретено: «дом в селе Троицком стоимостью 1 150 рублей, маслобойный завод там же – 2 500 рублей, лавка в селе Ташла – 1 800 рублей, лавка в деревне Сапыково – 2 000 руб., дом там же – 500 руб., лавка в селе Троицком – 2 500 руб., лошади и упряжь на 500 рублей». Всего приказчик Зарывновых потратил 10 450 р. [14, л. 276].

Институт приказчиков являлся незаменимым инструментом в руках купечества для обеспечения стабильной работы разнопрофильных и многочисленных предприятий. На рубеже XIX–XX в. оренбургское предпринимательское сообщество в русле общероссийской тенденции претерпевало трансформацию в торгово-промышленную буржуазию. Расширение купеческих предприятий, открытие новых филиалов в разных городах региона и всей страны вызвали необходимость в увеличении состава руководящих служащих. Поэтому такая профессиональная страта, как приказчики, стала весьма многочисленной прослойкой в крупных населенных пунктах империи. Это привело к созданию в городах и регионах страны представительских организаций, призванных отстаивать права данной категории служащих. Как указано в статье С.В. Филатовой: «В 1892 г. в Пензе было создано Общество торгово-промышленных служащих, оно же Общество взаимного вспоможения торгово-промышленному служебному труду, а проще – Клуб приказчиков. Формально эта организация имела целью оказание материальной помощи своим членам и защиту их интересов, но фактически его деятельность сводилась в основном к культурно-досуговой функции» [3, с. 197–198].

Аналогичная организация оренбургских приказчиков проявляла заметно большую социально-политическую активность. В марте 1907 г. общество приказчиков Оренбурга «...объявило бойкот торговому дому братьев Рахимовых за увольнение одного из приказчиков из-за убеждений, прикрывая это увольнение мотивом о необходимости сокращения штата служащих...» [15, л. 17]. Взгляды, за которые пострадал уволенный приказчик, скорее всего, относились к политической ориентации, так как «...вопрос о бойкоте Рахимова после обсуждения его

собранием общества приказчиков был окончательно решен 12-го марта 1907 г. на тайном экстренном заседании комитета и представительской группы ремесленно-приказничьего района Оренбургской группы Российской Социально Демократической рабочей партии...» [15, л. 17].

Еще один акт общественной инициативы общества взаимопомощи приказчиков в Оренбургской губернии продемонстрировал троицкий филиал этой организации в 1915 г. Этот представительский орган направил оренбургскому губернатору ходатайство о возможности бессрочного сохранения запрета на продажу спиртного. В заявлении говорилось: «...с возвращением виноторговли снова воцарились бы такие повседневные явления, как прогулы, ссоры и даже драки на улице и в семьях, запои алкоголиков, кражи, убийства и другие бесчисленные преступления и болезни, следствием чего являлось раннее обеднение, постоянная нужда и часто полная гибель многих, как в физическом, так и в моральном отношении» [16, л. 316].

Вообще, в начале XX в. сотрудники руководящего аппарата купеческих фирм весьма активно боролись за свои права субъекта трудовых отношений. Так, в 1913 г. в Иркутске приказчиками предприятия купцов Второвых была организована акция протеста. Российские коммерсанты Второвы – Александр Федорович и его сын Николай – считались одними из самых богатейших купцов страны. По некоторым сведениям, состояние этой династии «...к 1917 году исчислялось более чем в 100 млн. руб. золотом, превышая капиталы всех денежных воротил России, разве что кроме Рябушинских, уступая лишь богатству царской семьи...» [17, с. 146]. Сотрудники фирмы Второвых «объявили забастовку, тут же подхваченную на предприятиях других сибирских купцов и промышленников. Требуют 8-часового рабочего дня, отдых во все праздничные дни и даже 1 мая – в «день солидарности трудящихся мира», уничтожения сверхурочных работ, запрета на труд малолетних...» [17, с. 153–154].

Завершая исследование, можно сказать, что Оренбуржье на всем протяжении пореформенных лет в силу своего географического положения вдоль границ Центральной Азии имело устойчивые экономические связи с сопредельным регионом. Именно это направление деловых операций оренбургских купцов позволяло как нельзя лучше определить степень надежности доверенных лиц, которые в качестве приказчиков отвечали за экспорт-импорт различных товаров. Порой отсутствие контроля со стороны нанимателя побуждало служащих, в руках которых находились материальные ценности на весьма солидные суммы, к свершению противоправных действий в отношении своих работодателей путем присвоения их имущества. В иных ситуациях, наоборот, приказчик добросовестно выполнял свои обязанности и да-

же, рискуя собственной жизнью, оборонял товар хозяина от банд налетчиков, промышлявших разбоем в азиатских степях.

В начале XX в. предприятия наиболее крупных оренбургских коммерсантов имели представительства в разных городах страны и края. Подобное расширение бизнеса требовало и увеличения штата наемных управленцев, которые бы осуществляли руководство филиалом, будучи командированными в место его расположения. В начале XX в. внутрикорпоративные отношения между коммерсантами и их служащими нередко принимали доверительный характер, о чем можно судить по отношению купеческой фирмы Зарывновых к своим приказчикам.

Список литературы

1. Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). – СПб., 1856. – 375 с.

2. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков. – М.: Молодая гвардия. 2009. – 642 с.

3. Филатова С.В. «Приказчик, грош в ящик, а пятак за сапог»: наемные служащие торговых купеческих заведений во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): материалы междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 194–200.

4. Обзорение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия // Репринтное воспроизведение издания 1826 г. – М.: Изд. дом Тончу, 2006. – 464 с.

5. Купеческая жена и приказчик [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ru-skazki.ru/zavetnie-skazki/kupecheskaya-zhena-i-prikazchik/pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

6. Конотопов М.В., Сметанин С.И. Экономическая история: учеб. – М.: Дашков и К°, 2015. – 608 с.

7. Ничуговская Л.Р. Оренбургское купечество в документах Государственного архива нашей области / Оренбургу – 250 лет: прогр. и материалы науч. конф., посвящ. юбилею города. – Оренбург, 1993. – С. 38–39.

8. Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Тр. Оренб. учен. архив. комиссии. – Оренбург, 1902. – Вып. IX. – Т. IX. – 208 с.

9. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. – М.: Акад. наук СССР, 1963. – 238 с.

10. Ермашова Н. Лица во времени. – Оренбург: Димур, 2014. – 296 с.

11. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Вып. 28: Оренбургская губерния. – СПб.: Изд. Центр. стат. комис. Мин. внутр. дел, 1871. – 108 с.

12. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 14568.

13. Оренбургская газета. – 1901. – 7 окт.

14. ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5.

15. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 360.

16. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 395.

17. Жукова Л.Н., Жукова О.Г. Русское купечество. Гении дела и творцы истории. – М.: Вече, 2014. – 272 с.

References

1. *Nebol'sin P. I. Ocherki torgovli Rossii so stranami Srednei Azii, Khivoi, Bukharoi i Kokandom (so storony Orenburgskoi linii)* [Essays on Russian trade with the countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokand (from the Orenburg line)]. – SPb., 1856. – 375 p.

2. *Andreevskii G. V. Povsednevnyaya zhizn' Moskvy na rubezhe XIX–XX vekov* [Everyday life of Moscow at the turn of the XIX – XX centuries]. – М.: Molodaya Gvardiya, 2009. 642 p.

3. *Filatova S.V. «Prikazchik, grosh v yashchik, a pyatak za sapog»: naemnye sluzhashchie torgovykh kupecheskikh zavedenii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [“Sales representative, a penny in a box, and a nickle for a boot”: hired employees of merchants' trading establishments in the second half of the XIX and beginning of the XX centuries (based on materials of the Middle Volga region)] // *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyi aspekt). Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Material factor and entrepreneurship in the everyday life of Russian population: history and modernity (regional aspect). Materials of international scientific conf.] – SPb.: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2016. – P. 194–200.

4. *Obozrenie prav i obyazannostei rossiiskogo kupechestva i vobshche vsego srednego sosloviya* [Review of the rights and obligations of the Russian merchants and the entire middle class in general] // *Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1826 goda.* – М.: Izdatel'skii Dom Tonchu, 2006. – 464 p.

5. *Kupecheskaya zhena i prikazchik [Elektronnyi resurs]* [Merchant's wife and sales representative [Electronic resource]]. – URL: <http://www.ru-skazki.ru/zavetnie-skazki/kupecheskaya-zhena-i-prikazchik/pdf> (date of use: 20.09.2019).

6. *Konotopov M. V., Smetanin S. I. Ekonomicheskaya istoriya: uchebnik* [Economic history: textbook]. – М.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K^o», 2015. 608 p.

7. *Nichugovskaya L. R. Orenburgskoe kupechestvo v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva nashei oblasti* [Orenburg merchants in the documents of the State Archive of our region] / *Orenburgu – 250 let. Programma i materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi yubileyu goroda* [Orenburg – 250 years. Program and materials of the scientific conference dedicated to the anniversary of the city]. – Orenburg, 1993. – P. 38–39.

8. *Yudin M.L. Polozhenie torgovli so sredneaziatskimi khanstvami do zanyatiya Turkestanskogo kraya* [The position of trade with Central Asian khanates before the occupation of Turkestan Territory] / *Trudy Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Academic Archival Commission]. – Orenburg, 1902. – V. IX. – T. IX. – 208 p.

9. *Rozhkova M. K. Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednei Aziei* [Economic relations of Russia and Central Asia]. – М.: Akademiya nauk SSSR, 1963. – 238 p.

10. *Ermashova N. Litsa vo vremeni* [Persons in time]. – Orenburg: Pechatnyi dom «Dimur», 2014. – 296 p.

11. *Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del* [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Interior affairs]. Vyp. 28: Orenburgskaya guberniya. – SPb.: izd. Tsent. stat. kom. Min. vnutr. del, 1871. – 108 p.

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (dalee – GAOO)* [The State Archive of the Orenburg Region (hereinafter – GAOO)]. F. 6. Op. 6. D. 14568.
13. *Orenburgskaya gazeta* [Orenburg newspaper]. 1901. 7 October.
14. GAOO. F. 155. Op. 1. D. 5.
15. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 360.
16. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 395.
17. *Zhukova L. N., Zhukova O. G. Russkoe kupechestvo. Genii dela i tvortsy istorii* [Russian merchants. Geniuses and creators of history]. – M.: Veche, 2014. – 272 p.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 271.2(470.25):008

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени; 03.29: История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности

О.А. Балабейкина, В.Л. Мартынов

Православие как историко-культурная составляющая Северо-Запада России (на примере Плюсского района Псковской области)

Рассматриваются проблемы исследования воздействия православия на формирование российского общества в более ранние исторические периоды. На основании личных эмпирических наблюдений исследуются процессы церковного строительства на территории нынешнего Плюсского района Псковской области, выявляются особенности диффузии православных ценностей. Описывается современное состояние церковной инфраструктуры на выбранной для изучения территории. Определяются основные направления возможного развития этой инфраструктуры в свете того, что современная Псковская область является одним из самых «бедных» субъектов Российской Федерации, а Плюсский район – одним из самых неблагополучных в демографическом, социальном, экономическом районах Псковской области. Авторы приходят к выводу о том, что период расцвета храмового строительства и динамичного развития региона, обозначившийся в Средние века, остался в прошлом.

Ключевые слова: Псковская епархия, Русская Православная Церковь, церковный погост, православный приход.

О.А. Balabeikina, V.L. Martynov

Eastern Orthodoxy as a historical and cultural component of the North-West of Russia (on the example of the Plyusky district of the Pskov region)

The article discusses the problems of studying the impact of Orthodoxy on the formation of Russian society in earlier historical periods. On the basis of personal empirical observations of the authors, the processes of church construction on the territory of the present Plyusky district of the Pskov region are investigated, the features of diffusion of Orthodox values are revealed. The current state of the church infrastructure in the territory chosen for study is described. The main directions of possible development of this infrastructure are determined in the light of the fact that modern Pskov region is one of the “poorest” constituent entities of Russian Federation, and the Plyusky district is one of the most disadvantaged districts of the Pskov region in terms of demography,

social situation and economics. The authors conclude that the golden age of temple construction and dynamic development of the region, which emerged in the Middle Ages, is a thing of the past.

Key words: Pskov diocese, Russian Orthodox Church, churchyard, Orthodox parish.

Актуальность региональных исследований, отражающих вопросы формирования конфессионального пространства России в ретроспективном аспекте, а также на уровне обозначения и анализа современных тенденций его развития, обусловлена возрождением религиозного сознания, восстановлением разрушенных или поврежденных в советский период памятников культовой инфраструктуры, значимостью духовных и нравственных ценностей для современного российского общества, а также сохранением в исторической памяти русского народа понимания православных ценностей как детерминант материальной и духовной культуры.

В российских историко-географических исследованиях с начала 1990-х гг. в связи с очень серьезной общественно-политической трансформацией сперва наметилось, а потом стало развиваться новое направление, предметной областью которого выступает конфессиональное пространство. Причем, исследователи затрагивают самые разнообразные аспекты его функционирования и развития как в ретроспективе, так и в современности. За прошедшие со времен распада СССР десятилетия в отечественной научной литературе обозначились сначала отдельные статьи [1; 2], посвященные вопросам, обусловленным влиянием религиозных институтов на жизнь русского народа на разных исторических этапах становления нашего государства, а затем, с развитием данного направления исследований, их перечень стал существенно расширяться. При этом следует отметить, что научные работы на обозначенную тематику в отечественной историографии носят четко выраженный междисциплинарный характер, образуя связи в предметной области с целым рядом наук – географией [1–4], экономикой [5], социологией, демографией [6] и др.

Территориальный охват научных работ обозначенной области исследований постоянно расширяется, что позволяет их по данному признаку условно разделить на зарубежные [7], общероссийские [8] и региональные [4; 9]. Последние становятся все более глубокими и разноаспектными по содержанию, акцентируя внимание на отдельных факторах формирования конфессионального пространства [10] и одновременно более узкими по территориальному охвату. Так появились исследования, касающиеся диффузии православных ценностей не только на территории субъектов РФ, но и их отдельных районов [11].

Такой интерес исследователей к вопросам, связанным с историей православия, не случаен. Бесспорно, вероучительная доктрина и обрядовая сторона этой христианской конфессии оказывала серьезное, можно сказать, решающее воздействие на повседневную жизнь русского народа практически со времен принятия Крещения в Киевской Руси X в., вплоть до революционного переворота 1917 г. и первых следующих после него лет. Называя православие «культурообразующей религией на Русской земле», протоиерей Н. Флоринский делает акцент на том, что оно формировало, помимо прочего, «культурные традиции и образ жизни, этические нормы, эстетические идеалы» [12, с. 130]. То есть именно влияние предписаний православия определяло нормы бытового поведения представителей всех сословий населения Российской империи. Проявления такого влияния на повседневную жизнь можно обнаружить, например, в системе пищевых запретов и ограничений, которые содержит Устав Русской православной церкви, формируя календарные периоды многодневных постов и постных дней, степень строгости ограничений в употреблении масла, рыбы и вина на их протяжении, а также время недель, когда эти ограничения снимаются (Святки, Светлая седмица) и т.д. Религиозные праздники диктовали также традиции ритуализированного потребления пищи в определенные дни, например, мед и плоды нового урожая после освящения их на специальном богослужении в храме 14-го (1-го по ст. стилю), и соответственно, 19 (6-го по ст. стилю) августа на Преображение Господне, а также куличи и творожные пасхи на праздник Воскресения Христова.

Сам распорядок жизни русского народа определялся религиозными предписаниями. Важные этапы дня: его начало и окончание, приемы пищи, работа или учение сопровождалось определенными молитвами. Сюда же можно отнести еженедельное посещение воскресных богослужений. Значение проявлений внешних, ежедневных атрибутов благочестия как фактора, оказывающего влияние на формирование авторитета русского крестьянина среди односельчан, указывает М.Ю. Садырова, приводя в качестве одного из аргументов следующие поговорки: «Хлеб ест, а креститься не умеет», «Поено да кормлено, а дома не помолено» [13, с. 88]. Этим же исследователем отмечается снижение влияния православия на менталитет и, как следствие, на повседневную жизнь русского крестьянства в предреволюционные десятилетия.

В связи со снятием идеологических запретов советского периода, а, следовательно, увеличения доли и численности практикующих православных христиан в структуре населения современной России, данная конфессия продолжает во многом влиять на разные аспекты жизнедеятельности и быт наших современников.

Однако проблемам влияния православия на повседневную жизнь современного населения России, в отличие от исторических периодов прошлого, уделяется немного внимания. Интерес к событиям, связанным с Русской православной церковью, обостряется в связи с проектами о передаче в ведение приходов или епархий этой Церкви принадлежавших ей в дореволюционный период храмов (например, Исаакиевского собора в С.-Петербурге), либо постройки новых (собора св. Екатерины в Екатеринбурге). О том, как Церковь понимает своё место в нынешнем российском обществе, члены нашего, преимущественно секуляризированного, общества знают очень немного. При этом РПЦ, как значимый социальный институт, реагирует на запросы и проблемы, определяющие повседневную жизнь людей.

На уровне регионов РФ и их частей эти проблемы и способы их решения выглядят особенно наглядно. Попытаемся рассмотреть их на примере Плюсского района, одного из семнадцати районов Псковской области. Район, как и область в целом, очень быстро теряет население. Все предпринятые до сих пор меры и методы, направленные если не на улучшение, то хотя бы на стабилизацию экономической и социальной ситуации в этой области, не дали положительных результатов. Псковская область представляет собой одну из самых бедных территорий России, а Плюсский район – одну из самых бедных частей Псковской области. Но так было далеко не всегда, о чём свидетельствует история церковного строительства на этих землях, измеряемая многими сотнями лет.

Псковская область хранит большое историко-культурное наследие, выраженное в том числе в объектах православной культовой инфраструктуры. В связи с депопуляционными процессами в регионе, влекущими за собой изменение статуса и даже исчезновение населенных пунктов, дальнейшее существование многих храмов отдаленных районов Псковской области находится под угрозой, поэтому данный вопрос требует детальных исследований в области исторической и конфессиональной географии.

История Псковской епархии как самостоятельной епископии начинается в 1589 г., а до этого времени ее территория находилась под управлением Новгородского архиерея. Новгородский период длился несколько столетий (992–1589). За это время в Пскове и его окрестностях было построено более 75 церквей и 25 монастырей (10 в уездах). Время постройки большей части православных храмов датируется периодом XIV–XV вв. [14].

Конфессиональное пространство Псковской области, как региона древнего освоения, где, можно сказать, зародился и принял первые очертания церковно-административного деления очаг русского православия, заслуживает отдельного и глубокого внимания исследователя.

Православие и сейчас доминирует в регионе по численности приверженцев и количеству объектов культовой инфраструктуры: на 1 января 2012 г. из 264 зарегистрированных религиозных организаций к Русской православной церкви относились 217 [10, с. 179].

Рост числа православных приходов на территории Псковской области с начала 1990-х гг. повлек за собой усложнение структуры церковно-административного деления и 24 декабря 2014 г. в составе Псковской митрополии, до этого состоявшей из 13 благочиний [15], была выделена Великолукская и Невельская епархия, а число благочиний осталось прежним. Благочиния Псковской митрополии либо совпадают в границах с одноименными административными районами области (Гдовское, Печерское), либо объединяют храмы нескольких соседних районов субъекта (Островское, Дедовичское). Плюсское благочиние также включает в себя храмы Плюсского и Стругокрасненского административных районов.

Процесс восстановления культовой дореволюционной инфраструктуры, характерный для территории России, коснулся и Псковской области. Но вовлечены в этот процесс главным образом крупные и средние города. В малых городах и сельской местности всё происходит медленнее и сложнее, особенно если в их пределах нет каких-либо прославленных святынь.

Обращение к Плюсскому району в качестве примера «сельской глубинки» Северо-Запада неслучайно. Это относительно небольшой район, занимающий большую часть бассейна реки Плюсса. С Плюссой в числе прочих рек Северо-Запада связана деятельность святой равноапостольной княгини Ольги, при которой здесь были поставлены первые погосты. Сколько их было, достоверно сказать трудно, считается, что пять. Некоторые из этих погостов, например, Которск, сохранились до нашего времени. Река Плюсса в обозначенный период имела намного большее значение, чем сейчас, так как была одним из транспортных путей, связывавших Великий Новгород с Балтийским морем. Во время существования феодальных республик Средневековья бассейн Плюссы принадлежал Новгородскому княжеству, и значительная часть сельскохозяйственных земель здесь относилась к новгородским монастырям. К сожалению, сведений о храмах того времени сохранилось очень немного.

В XVII в. с установлением новой границы Московского государства и Шведского королевства по Столбовскому миру эта граница стала частично проходить по р. Луга, а вдоль Плюссы располагались московские пограничные поселения, крупнейшим из которых был Ляцкой погост (нынешнее село Ляды Плюсского района). После того как по Ништадскому миру эта граница отодвинулась далеко на север и запад, земли вдоль Плюссы стали раздаваться помещикам, и здесь возникло

множество усадеб, каждая из которых имела по крайней мере домовую церковь. В XVII–XVIII вв. возникают крупные сёла (Заянье, Ляды, Посолодино, Заполье и др.), где вскоре выстраивается крупная церковь, иногда и не одна (в Заянье – четыре). Здесь был даже Посолодинский монастырь, упразднённый в ходе церковной реформы Екатерины II.

В XIX в. церковное строительство продолжается, и одним из необычных его элементов было возведение церквей для православных эстонцев. В это время жители Эстляндской и Лифляндской губерний в больших количествах переселяются в Лужский и Гдовский уезды Санкт-Петербургской губернии. Одна из самых крупных эстонских православных церквей существовала в с. Заянье.

После революции 1917 г. здесь, как и по всей стране, происходит массовое закрытие церквей. Здания многих из них были заброшены настолько, что восстановление их вряд ли возможно в настоящее время (например, церковь в д. Ктины). По всей видимости, закрыты были вообще все храмы в пределах тогдашних Плюсского и Лядского районов, но этот вопрос требует дальнейшего изучения по архивным источникам. Часть бывших церковных зданий была разрушена во время Великой Отечественной войны.

Сразу после войны восстанавливается церковь в с. Лосицы. До революции, помимо погоста Лосицы, приход Успенского храма составляли 450 дворов девятнадцати деревень в радиусе 12 верст от него [16, с. 37]. Сейчас Лосицы расположены так, что до них добраться очень сложно. Церковь была очень бедной, и про её жизнь в советские годы очень подробно рассказывается в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Сейчас в Лосицах действуют уже две православных церкви. В 1990-е гг. и первые годы XXI в. были восстановлены храмы в с. Заполье, Заянье, отстроилась новая церковь в с. Ляды, был возрожден храм в районном центре – п. Плюсса. Сейчас в пределах района находится 9 действующих церквей и 12 часовен. Но Никольская церковь в Заянье сгорела в самом начале 2015 г., и насколько её удастся восстановить в прежнем виде и вообще восстановить, сказать очень трудно. Большая часть часовен построены в начале 2000-х гг. и значатся как действующие, а некоторые из дореволюционных стоят в полуразрушенном состоянии и невозможно даже определить их название (часовня в д. Алексино). Одним из факторов строительства новых храмов на территории Плюсского района можно назвать относительную близость к Санкт-Петербургу и, как следствие, сезонное пребывание жителей города в качестве дачников. Так, в д. Должицы храм св. Ксении блаженной был построен по инициативе и при помощи жителей Петербурга, проживающих в этой деревне.

С формальной точки зрения ситуация с возрождением и строительством церквей в нынешнем Плюсском районе вроде бы и неплохая. Но возникает вопрос – кто является прихожанами этих церквей? Население данной территории в 20-е гг. XX в. превышало сорок тысяч человек, и это население более или менее равномерно распределялось по всей территории существовавших тогда Плюсского и Лядского районов. Сейчас там живёт менее десяти тысяч человек, и больше половины населения приходится на два населённых пункта – посёлки Плюсса и Заплюсье (последний был выстроен после войны для целей торфодобычи, ныне прекращённой). При церкви в Лосицах действует приют милосердия Новомучеников и Исповедников Российских. В Заянье шёл хоть и небольшой, но всё же поток паломников, хотя добираться туда очень сложно, особенно общественным транспортом. Прочие церкви и часовни здесь существуют главным образом за счёт т. н. дачников, как правило, выехавших отсюда жителей или их потомков, приезжающих в эти края на лето. Другими словами, в пределах прогнозируемого будущего в этих краях, где свет Православия был зажжён ещё во времена св. княгини Ольги, он может снова погаснуть. И не потому, что вернется период официальной антирелигиозной пропаганды и целенаправленного уничтожения всего, что связано с верованием и культом, хотя и это тоже не исключено. А просто потому, что некому будет формировать приходскую общину вновь построенных и возрождённых храмов. И это относится не только к Плюсскому району Псковской области, но и к другим глубинным районам Северо-Запада России.

Пример Плюсского района – ярчайшая иллюстрация тех проблем, которые стоят как перед Российским государством, так и перед Русской православной церковью. С фактическим «опустыниванием» земель, больше тысячи лет назад ставших основой для возникновения государства, нынешняя Россия фактически «теряет» территории – не под воздействием внешних сил, а просто потому, что там становится некому жить. Церковь теряет паству, ради которой она и существует. Все социальные проблемы современного периода ярчайшим образом проявляются на подобных Плюсскому району депрессивных территориях.

Список литературы

1. Даринский А.В. Русская православная церковь (географические аспекты) // География в школе. – 1992. – № 6. – С. 11–15.
2. Криндач А.Д. География религий как научное направление // Вестн. Моск. ун-та. Сер. геогр. – 1992. – № 3. – С. 63–69.
3. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Историко-архитектурный потенциал периферийных районов Ленинградской области как фактор развития православного паломнического туризма // Актуал. вопросы церковной науки. – 2019. – № 2. – С. 440–444.

4. Дементьев В.С. Территориальное устройство Русской Православной Церкви на Северо-Западе России в Средневековый период // Псковский регионологический журнал. – 2019. – №1 (37). – С. 99–108.

5. Дашковская О.Д. Изучение экономического положения Русской Православной Церкви в конце XVIII – начале XX в.: история, современность и перспективы // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманит. науки. – 2016. – №2 (35). – С. 11–14.

6. Мареева Е.П. Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Тамбов, 2003. – 267 с.

7. Кырлежев А. Мировое православие: типология автокефальных церквей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 1 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-pravoslavie-tipologiya-avtokefalnyh-tserkvey> (дата обращения: 06.08.2019).

8. Мраморнов А.А., Мраморнова О.И. Особенности изучения епархиальной истории Русской православной церкви (к вопросу о новом научном направлении) // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. и социальные науки. – 2013. – № 4. – С. 75–80.

9. Дударенок С.М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока России в постсоветский период // Диалог со временем. – 2015. – № 52. – С. 323–344.

10. Мурашова Т.В. Отражение фактора пограничности в структуре конфессионального пространства Псковской области. // Псков. регионологич. журн. – 2013. – №16. – С. 77–183.

11. Ефимов А. Н. Древние погосты земли Стругокрасненской // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журн. – 2007. – № 26. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-pogosty-zemli-strugokrasnenskoj> (дата обращения: 11.09.2016).

12. Флоринский Н., прот. Влияние русской православной церкви на культуру народа // Русин. – 2006. – № 2. – С. 130–136.

13. Садырова М.Ю. Основные тенденции эволюции религиозной жизни крестьянства на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Пензенской губернии) // Вестн. Самар. ун-та им. С.П. Королева. История. Педагогика. Филология. – 2012. – №2-2(93). – С. 88–93.

14. Смирчанский В. Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии. Т.1. Исторический очерк IX–XVII вв. – Псков: Тип. губернского правления, 1875. – 232 с.

15. Псковская епархия – 2009: Справочник / Составители П. Воробьев, А. Зилотов. – СПб.: Ладан, 2009. – 280 с.

16. Памятные записи о церквях и приходах в уездных городах и селах Петроградской епархии. – Пг.: Тип. Культура, 1915. – Ч. 1: Уезды Гдовский, Лужский, Новолодожский и Петергофский. – 206 с.

References

1. *Darinskii A.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' (geograficheskie aspekty)* [Russian Orthodox Church (geographical aspects)] // *Geografiya v shkole* [Geography at school]. – 1992. – №6. – P. 11–15.

2. *Krindach A.D. Geografiya religii kak nauchnoe napravlenie* [Geography of religion as a scientific direction] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of Moscow University. Geographical series]. – 1992. – №3. – P. 63–69.

3. Balabeikina O.A. Martynov V.L. *Istoriko-arkhitekturnyi potentsial periferiinykh raionov Leningradskoi oblasti kak faktor razvitiya pravoslavnogo palomnicheskogo turizma* [Historical and architectural potential of the peripheral districts of Leningrad region as a factor of development of Orthodox pilgrimage tourism] // *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki* [Actual issues of church science]. – 2019. – №2. – P. 440–444.

4. Dement'ev V.S. *Territorial'noe ustroistvo Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na Severo-Zapade Rossii v Srednevekovyi period* [Territorial structure of Russian Orthodox Church in the North-West of Russia in the Medieval Period] // *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regional Journal]. – 2019. – №1 (37). – P. 99–108.

5. Dashkovskaya O.D. *Izuchenie ekonomicheskogo polozheniya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v kontse XVIII – nachale XX v.: istoriya, sovremennost' i perspektivy* [Study of the economic situation of the Russian Orthodox Church in the late XVIII – early XX centuries: history, modernity and prospects] // *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University P.G. Demidova. Series: Humanities]. – 2016. – №2 (35). – P. 11–14.

6. Mareeva E.P. *Tserkovnyi faktor v demograficheskom povedenii naseleniya Tambovskoi gubernii v XIX–XX vv.* [Church factor in the demographic behavior of the population of Tambov province in the XIX-XX centuries]: Dis. ... kand. ist. nauk [Thesis for the Candidate degree in History]. Tambov, 2003. – 267 p.

7. Kyrlezhev A. *Mirovye pravoslavie: tipologiya avtokefal'nykh tserkvei* [World Orthodoxy: typology of autocephalous churches] // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. – 2016. – №1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-pravoslavie-tipologiya-avtokefalnyh-tserkvey> (access date: 06.08.2019).

8. Mramornov A.A., Mramornova O.I. *Osobennosti izucheniya eparkhial'noi istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (k voprosu o novom nauchnom napravlenii)* [Features of the study of diocesan history of Russian Orthodox Church (on the issue of a new scientific direction)] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2013. – №4. – P. 75–80.

9. Dudarenok S.M. *Osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya religioznogo prostranstva Dal'nego Vostoka Rossii v postsovetskii period* [Features of the formation and development trends of the religious space of the Russian Far East in post-Soviet period] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. – 2015. – №52. – P. 323–344.

10. Murashova T.V. *Otazhenie faktora pogrannichnosti v strukture konfessional'nogo prostranstva Pskovskoi oblasti* [Reflection of borderline factor in the structure of confessional space of the Pskov region] // *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regional Journal]. – 2013. – №16. – P. 77–183.

11. Efimov A. N. *Drevnie pogosty zemli Strugokrasnenskoj* [Ancient graveyards of Strugokrasnenskaya land] // *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov. Scientific-practical, historical-local history journal]. – 2007. №26. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-pogosty-zemli-strugokrasnenskoy> (access date: 11.09.2016).

12. Florinskii N., *prot. Vliyanie russkoi pravoslavnoi tserkvi na kul'turu naroda* [The influence of Russian Orthodox Church on the culture of the people] // *Rusin* [Rusin]. – 2006. – №2. – P. 130–136.

13. Sadyrova M.Yu. *Osnovnye tendentsii evolyutsii religioznoi zhizni krest'yanstva na rubezhe XIX–XX vv. (po materialam Penzenskoi gubernii)* [The main trends in the evolution of religious life of the peasantry at the turn of the XIX–XX centuries (Based on

materials of Penza province)] // *Vestnik Samarskogo universiteta im. S.P. Koroleva. Istoriya. Pedagogika. Filologiya* [Bulletin of Samara University named after S.P. Korolev. History. Pedagogy. Philology]. – 2012. – № 2–2(93). – P. 88–93.

14. *Smirichanskii V. Istoriko-statisticheskii sbornik svedenii o Pskovskoi eparkhii. T. 1. Istoricheskii ocherk IX–XVII vv.* [Historical and statistical collection of information about the Pskov diocese. T. 1. Historical outline of the IX–XVII centuries]. – Pskov. Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1875. – 232 p.

15. *Pskovskaya eparkhiya – 2009: Spravochnik* [Pskov Diocese – 2009: Handbook] / Compilers P. Vorob'ev, A. Zilotov. – SPb.: Ladan, 2009. – 280 p.

16. *Pamyatnye zapisi o tserkvakh i prikhodakh v uezdnykh gorodakh i selakh Petrogradskoi eparkhii. Ch. 1: Uezdy Gdovskii, Luzhskii, Novoladozhskii i Petergofskii* [Commemorative records of churches and parishes in district towns and villages of the Petrograd Diocese. Part 1: Gdov, Luga, Novoladozhsky and Peterhof uyezds]. – Pg.: Tip. Kul'tura, 1915. – 206 p.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470)"19"

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

В.С. Мильбах

Кого же завербовал в заговор И.Э. Якир?

Феномен массовых политических репрессий в среде командно-начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в 1937–1938 гг. продолжает привлекать внимание историков и общественности. Историография данной проблематики представлена десятками научных работ, в которых отражены результаты исследований процесса внутривойсковой чистки в армии и на флоте. Документы, хранящиеся в архиве Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центральном архиве ФСБ позволяют восстановить неизвестную информацию о некоторых репрессированных командирах.

Развернувшиеся весной 1937 г. массовые политические репрессии в войсках Киевского военного округа (КВО) охватили все его соединения и части. Значительная часть высшего командного состава КВО была арестована органами НКВД по обвинению в подготовке заговора. По версии следствия большинство из арестованных были вовлечены в заговор бывшим командующим войсками КВО командармом I ранга И.Э. Якиром.

Ключевые слова: Киевский военный округ, арест, протокол допроса, вербовка в заговор, вредительство, приговор, расстрел, архивно-следственное дело, фальсификация, реабилитация.

V.S. Mil'bakh

Who was recruited by I.E. Yakir into the conspiracy?

The phenomenon of mass political repressions among the commanding officers of the Workers 'and Peasants' Red Army (RKKA) in 1937-1938 continues to attract the attention of historians and the public. The historiography of this issue is presented by dozens of scientific papers, which reflect the results of studies of the process of internal purge in the army and navy. Documents stored in the archives of the Office of the Federal Security Service of Russia in St. Petersburg and the Leningrad Region, the Central Archive of the Federal Security Service allow to recover unknown information about some repressed commanders.

The massive political repressions that unfolded in the spring of 1937 in the troops of the Kiev Military District (KVO) covered all its formations and units. A significant part of the high command staff of the KVO was arrested by the NKVD on charges of plotting. According to investigators, most of those arrested were involved into the conspiracy by the former commander of the KVO troops, 1st rank commander I.E. Yakir.

© Мильбах, В.С., 2019

© Mil'bakh V.S., 2019

Key words: Kiev Military District, arrest, interrogation protocol, recruiting into conspiracy, wrecking, sentence, execution, archival investigation, falsification, rehabilitation.

О судьбах советской военной элиты во второй половине 1930-х гг.: говорится в работах О.Ф. Сувенирова «Трагедия РККА 1937–1938» [1], В.Н. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1937–1938» [2], Н.С. Черушева «1937 год: Элита Красной армии на голгофе» [3], С.Е. Лазарева «Социокультурный состав советской военной элиты 1931–1938 гг. и ее оценки в прессе зарубежья» [4], А.А. Печенкина «Военная элита в СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление» [5].

В данных работах содержится определенная информация о репрессированном в 1937–1938 гг. командовании Киевского военного округа (КВО), находящегося на важном стратегическом направлении, самого большого по численности и оснащению вооружением и военной техникой военного округа накануне Второй мировой войны. Известно, что командующий КВО командарм I ранга И.Э. Якир также стал жертвой политического террора: был арестован как участник военно-фашистского заговора и расстрелян. Архивные документы по делу И.Э. Якира долгое время были не известны широкому кругу историков. Изучение документов архивно-следственных дел некоторых репрессированных военнослужащих, в том числе и И.Э. Якира, позволяет выяснить, насколько были обоснованы выдвинутые против него обвинения в политических преступлениях.

Иона Эммануилович Якир с ноября 1925 г. занимал должность командующего войсками Украинского (с 1935 г. – Киевского) военного округа. В 1928–1929 гг. он был на учебе в военной академии в Германии. До определенного времени он, как и многие выдающиеся военачальники Красной армии, герои Гражданской войны, вызывал полное доверие у высшего политического руководства, был удостоен высоких должностей и наград: он был членом Политбюро ЦК КП(б)У, членом ЦК ВКП(б), членом ЦИК СССР и ВУЦИК, членом Военного совета при наркомате обороны СССР, трижды награжден орденом Красного Знамени [6, с. 18–19].

Весной 1937 г. в стране и в армии развернулись массовые политические репрессии, которые коснулись и И.Э. Якира. 10 мая 1937 г. он был освобожден от должности командующего войсками КВО и назначен на равнозначную должность в Ленинградский военный округ. Перевод перед арестом в другой военный округ практиковался в период репрессий с целью ограничить возможность кандидату на арест организовать какое-либо сопротивление, опираясь на своих преданных сослуживцев.

Документы Центрального архива ФСБ свидетельствуют, что командарм I ранга И.Э. Якир был арестован 28 мая 1937 г. Приказом НКО № 00132 от 31 мая 1937 г. И.Э. Якир был уволен с военной служ-

бы по ст. 44 п. «в» положения о прохождении службы командно-начальствующим составом (в связи с арестом).

В ходе обысков у Якира был изъят целый арсенал холодного и огнестрельного оружия, которым он и не пытался воспользоваться: шесть пистолетов разных систем и три охотничьих ружья с боеприпасами к ним, три шашки, три старинных пистолета [7, л. 6].

Постановление, подготовленное помощником начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитаном ГБ З.М. Ушаковым (Ушимирским), в котором указаны вменяемые И.Э. Якиру статьи за контрреволюционные преступления (58-6, 58-8, 58-9, 58-3 и 58-1 УК РСФСР), было утверждено начальником 5-го отдела УГБ НКВД комиссаром ГБ II ранга И.М. Леплевским только 3 июня 1937 г. Делу присвоен № 11922 [7, л. 8].

В начале следствия И.Э. Якир оказывал сопротивление, считая случившееся недоразумением. Однако его упорство вскоре было сломлено, в результате чего появилось заявление «арестованного Якира И.Э.» на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова, написанное в 21.00 31 мая 1937 г.: «Я не могу больше скрывать свою преступную антисоветскую деятельность и признаю себя виновным в том, что в течение последних лет был членом право-троцкистского военного заговора и его центра, возглавлявшегося Тухачевским М.Н. Став на путь полного раскаяния я полностью и подробно расскажу о всех делах и людях, участвовавших в право-троцкистском заговоре, известных мне» [7, л. 18].

Следствием были получены признательные показания от Якира и изобличающие его показания других арестованных, которые и легли в основу обвинительного заключения о контрреволюционной деятельности и вынесения расстрельного приговора.

Представляют интерес сведения о вербовке И.Э. Якиром в заговор других военнослужащих. В заявлении на имя Н.И. Ежова, перед тем как отразить процесс вербовки, он отметил: «Возможно я не буду вполне точен в датах каждой вербовки и не изложу их в хронологическом порядке, но укажу здесь кого я одновременно вербовал» [8, л. 57]. Как пишет Якир, первыми он завербовал комкора С.А. Туровского и А.И. Лапина.

«Туровского я знал хорошо, как бывшего командира из корпуса червонных казаков ПРИМАКОВА. Знал его колебания в политических вопросах, хотя он внешне вел себя так, как сторонники генеральной линии партии. Знал также его недовольство руководством Красной Армии. После короткого предварительного разговора, я увидел, что можно открыто без риска с ним говорить. Происходило это, насколько я помню, или в моем вагоне или в Киевском Доме Красной Армии, после военной игры. ТУРОВСКИЙ дал свое согласие. У меня создалось

такое впечатление, что и до нашего разговора он кое в чем был осведомлен, возможно ПРИМАКОВЫМ» [8, л. 57].

Примечательно, что дату и детали вербовки не называет, место вербовки точно не помнит. В чем состояла сущность вербовки, в какую организацию вербовался С.А. Туровский, какое задание получил завербованный – из изложенного совершенно не ясно. Характерно, что сам Якир слова «вербовка», «завербовал» не употребляет, заменяя их словами «это» или «разговор». В целом создается впечатление, что вербовки в контрреволюционную организацию или заговор не было вовсе, но, возможно, были разговоры на внутривластные темы и обмен мнениями о том, как осуществляется руководство Красной армией.

Сведения о вовлечении в преступный заговор Лапина также не отличаются конкретикой: «ЛАПИНА я знал, как бывшего зиновьевца. С ним я имел беседу в моем кабинете дважды. Во второй раз я, не говоря ему о центре и заговоре, предложил связаться и прощупать значительную группу военных инженеров – работников укрепленных районов Белорусского военного округа».

«Позже я завербовал в нашу организацию военного заговора начальника противоздушной обороны Киевского Военного Округа ШВАЧКО, командира 1-й кавалерийской дивизии НИКУЛИНА, помощника начальника военных сообщений КОВЯКА, начальника штаба 6-го корпуса СМИРНОВА, командира 17-го корпуса ГЕРМОНИУСА и коменданта Летичевского укрепрайона САБЛИНА. Я имел две беседы со ШМИДТОМ, не знаю, можно ли считать, что я его завербовал, ибо он сам уже имел связи и входил в террористическую организацию» [8, л. 57–58].

Особое внимание уделил Якир вопросу о «червонных казаках – бывших командиров корпуса ПРИМАКОВА»: «Кроме завербованного мною командира 1-й червоноказацкой дивизии НИКУЛИНА, с другими командирами конницы, я прямых разговоров не имел, но раз летом 1936 г. в Шепетовке я имел наводящую беседу с командиром 7-го конного корпуса ГРИГОРЬЕВЫМ П.Н. Я не ставил перед ним прямо вопроса о нашей организации, ибо знал его резкое недовольство БУДЕННЫМ и полагал, что могу на него рассчитывать как на «своего» человека. Повторяю, что ГРИГОРЬЕВА в организацию я открыто не завербовал. Командир 1-го стрелкового корпуса ДЕМИЧЕВ – человек небольшого развития, хотя он бывший примаковец, я его также не вербовал, но также рассчитывал на него, как на человека работающего со мной много лет» [8, л. 60].

По словам Якира, вербовочная работа в заговор продолжалась, но кто, когда и кого завербовал арестованный командарм I ранга точно не помнил: «Не то ТУРОВСКИЙ, не то САБЛИН докладывал мне о том, что завербовал начальника штаба Киевского укрепленного райо-

на полковника СЕМЕНОВА. Знаю, что также был завербован командир отдельного пулеметного батальона, а затем командир полка Новоград-Волынского укрепленного района СКАЛЬБЕРГ, или ШТАЛЬБЕРГ, фамилии я точно не помню. Кто-то из участников заговора сообщил мне о вовлечении в заговор инструктора Политуправления Киевского военного округа КОНЦЕВОГО, комиссара Киевской пехотной школы ЖУРАВЛЕВА и быв. начальника бронетанкового отдела штаба округа, теперь начальника штаба 45 механизированного корпуса ПОПОВА» [8, л. 59].

Иногда в сведениях, приведенных Якиром в заявлении, встречаются прямые противоречия. Например, в случае с вербовкой комдива Раудмеца: «Кроме перечисленных здесь лиц, я имел все основания рассчитывать на коменданта Могилев-Подольского укрепленного района РАУДМЕЦ, мной завербованного, но имеющего целый ряд иностранных связей, обиженного и антисоветски настроенного. Не вербовал я его потому, что знаю его как болтуна» [8, л. 60]. Так и остается загадкой вербовал или не вербовал И.Э. Якир И.И. Раудмеца.

Как бы подводя итог о работе по вовлечению в заговор, Якир в своем заявлении резюмировал: «Значительное количество командиров Киевского Военного округа я не посвящал в существование заговора, ибо рассчитывал на них лично в полной мере и полагал, что они и так будут выполнять мои указания как командующего и, будучи посвящены в последнюю минуту, поддержат дело заговора, безгранично мне доверяя» [8, л. 59]. Тем самым Якир признавал, что конкретной вербовки он не осуществлял, а соблюдение секретности в заговорщической работе сводилось к тому, что «значительное количество командиров» считались Якиром послушными исполнителями любых, даже преступных приказаний контрреволюционного содержания, т. е. потенциальными заговорщиками.

Также в заявлении проводится мысль о том, что «существующая в Москве организация установила связь с ТРОЦКИМ, имеющим в свою очередь близкие и непосредственные отношения с германским генеральным штабом и правительством» [8, л. 58]. Связь московских заговорщиков с Л.Д. Троцким – идея, положенная в основу обвинений, выдвинутых против участников военного заговора во главе с Тухачевским, которая не имела реальной основы.

В справке по архивно-следственному делу № 967581 по обвинению И.Э. Якира и других, подготовленной 30 ноября 1955 г. 3-м главным Управлением КГБ при СМ СССР, отмечено: «В числе завербованных в военно-троцкистскую организацию лично Якиром последний (т. е. Якир) назвал начальника штаба 6 стрелкового корпуса Смирнова. Однако о времени, обстоятельствах вербовки и практической антисоветской деятельности Смирнова Якир не допрашивался.

Крыжановский Владимир Прокофьевич, Сидоренко Владимир Семенович, Бородин Николай Иванович, Кузьмицкий Дмитрий Петрович, Сергеев, Игнатов, Саранцев, Никольский, Дементьев, Ермаков, Титченко, Евдокименко, Березин, Курьянов, Лихачев и Ольшанский Михаил Михайлович, а также Мясников по показаниям Якира не проходят» [9, л. 53 об.–54].

Следовательно, все перечисленные лица, которые после ареста показывали о вербовке их Якиром или о связях с ним по заговорщической деятельности, Якиром в числе заговорщиков не назывались. Возникают вопросы: насколько соответствуют действительности показания этих арестованных, имелись ли вообще основания у органов НКВД для ареста этих командиров?

Наряду с вопросами о вербовке в заговор появляется и другой вопрос: в чем конкретно заключалась практическая составляющая контрреволюционной деятельности этих лиц, якобы завербованных в заговор Якиром или известных ему по совместной заговорщической деятельности?

Нечто отдаленно напоминающее конкретику содержится в задании, порученном И.Э. Якиром комдиву Ю.В. Саблину: «САБЛИНУ я указал на особое значение летичевского укрепленного района на случай наступления немцев на Правобережье и предложил ему через своих инженеров разработать вопрос о понижении боеготовности укрепленного района, особенно его правого фланга».

Следует отметить, что в Летичевском УРе в 1931–1936 гг. было построено 340 пулеметных и 7 артиллерийских ДОТов. Однако полностью оборудование этого 126-километрового УРа не было завершено: на левом фланге по соседству с Могилев-Ямпольским УРом имелся неприкрытый участок в 34 км, а на правом фланге по соседству с Новоград-Волынским УРом имелся неприкрытый участок в 30–40 км [10, с. 78]. Каких-либо усилий для вредительства в оборудовании одного из флангов не нужно было и предпринимать, поскольку закончились выделенные денежные средства и до 1938 г. активное строительство здесь замерло. Вряд ли Саблин смог что-то предпринять дополнительно для проведения вредительства, так как сам был арестован в сентябре 1936 г.

Относительно заданий другим военнослужащим, якобы связанным с ним по контрреволюционной деятельности, Якир показал следующее: «Кроме того, всем основным людям заговора, при вербовке, я ставил задачу организации вредительства, как материального, так и боевой подготовки» [8, л. 58]. Показаний И.Э. Якира о том, кому и что конкретно исполнить, в какие сроки, в материалах дела не зафиксировано.

Суд не заметил неточностей и явных несоответствий в материалах дела. 11 июня 1937 г. специальным судебным присутствием Вер-

ховного суда СССР по сфабрикованному обвинению в участии в военном заговоре в Красной армии и в подготовке свержения Советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне И.Э. Якир был приговорён к смертной казни и 12 июня 1937 г. расстрелян.

В середине 1950-х гг. в ходе проведенной проверки Главной военной прокуратурой было установлено, что обвинения, выдвинутые против И.Э. Якира, безосновательны, признательные показания были получены от него в результате применения недозволенных методов, арестован и осужден он был незаконно. Репрессированный командарм I ранга Якир реабилитирован посмертно 31 января 1957 г.

Следовательно, зафиксированные показания Якира о вербовке и вредительской работе достаточно сомнительны, но поскольку они взяты за основу обвинения, то следует вывод о заказном характере данного политического дела, а И.Э. Якир стал жертвой следовательских фальсификаций и судебного произвола в период начала массовых политических репрессий в стране и в армии.

Список литературы

1. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998. – 528 с.
2. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998. – 432 с.
3. Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. – М.: Вече, 2003. – 544 с.
4. Лазарев С.Е. Социокультурный состав советской военной элиты 1931–1938 гг. и ее оценки в прессе зарубежья. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ, 2012. – 232 с.
5. Печенкин А.А., Военная элита в СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. – М.: ВЗФИ, 2006. – 272 с.
6. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: биограф. слов. – М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012.
7. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-9000. Т. 12 (Из протокола обыска квартиры и личного вагона).
8. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-63882 (Выписка из заявления И.Э. Якира на имя Н.И. Ежова).
9. АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-63478. Т. 2 (Справка по архивно-следственному делу № 967581 по обвинению Якира И.Э. и других от 30 ноября 1955 г.).
10. Ленский А.Г. Сухопутные силы РККА в предвоенные годы: справ. – СПб., 2000.

References

1. *Suvenirov O.F. Tragediya RKKA 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. – М.: TERRA, 1998. 528 p.
2. *Khaustov V., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1937–1938* [Stalin, NKVD and repressions 1937-1938]. – М.: TERRA, 1998. 432 p.

3. *Cherushev N.S. 1937 god: Elita Krasnoi Armii na golgofe* [1937: Elite of the Red Army at Calvary]. – M.: Veche, 2003. 544 p.
4. *Lazarev S.E. Sotsiokul'turnyi sostav sovetskoii voennoi elity 1931–1938 gg. i ee otsenki v presse zarubezh'ya* [The sociocultural composition of the Soviet military elite of 1931-1938 and its ratings in the foreign press]. – Voronezh: Voronezhskii TsNTI, 2012. 232 p.
5. *Pechenkin A.A., Voennaya elita v SSSR v 1935–1939 gg.: repressii i obnovenie* [Military elite in the USSR in 1935-1939: repression and renewal]. – M.: VZFI, 2006, 272 p.
6. *Cherushev N.S., Cherushev Yu.N. Rasstrelyannaya elita RKKA (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnye): 1937–1941. Biograficheskii slovar'* [Shot elite of the Red Army (commanders of the 1st and 2nd ranks, comkors, divisional commanders and equal): 1937–1941. Biographical Dictionary]. – M.: Kuchkovo pole; Megapolis, 2012.
7. *Tsentral'nyi arkhiv Federal'noi sluzhby bezopasnosti Rossii (TsA FSB)* [The Central Archive of the Federal Security Service of Russia (CA FSB)]. D. R-9000. Vol. 12 (*Iz protokola obyska kvartiry i lichnogo vagona* [From the protocol of the search of the apartment and personal wagon]).
8. *Arkhiv Upravleniya Federal'noi sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti (AUFBSB po SPB i LO)* [Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and the Leningrad Region (AUFBSB for St. Petersburg and the Leningrad Region)]. D. P-63882 (*Vypiska iz zayavleniya I.E. Yakira na imya N.I. Ezhova* [Extract from the statement of I.E. Yakir addressed to N.I. Yezhov]).
9. AUFBSB po SPB i LO. D. P-63478. T. 2 (*Spravka po arkhivno-sledstvennomu delu №967581 po obvineniyu Yakira I.E. i drugikh ot 30 noyabrya 1955 g.* [Information on the archive-investigative case No. 967581 on charges of Yakir I.E. and others of November 30, 1955]).
10. *Lenskii A.G. Sukhoputnye sily RKKA v predvoennye gody. Spravochnik* [Ground forces of the Red Army in the prewar years. Directory]. – SPb., 2000.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 394:63-055.2

ГРНТИ 03.01.11: Современное состояние исторической науки

Е.В. Годовова, С.В. Любичанковский

Новое слово в историографии повседневной жизни российского крестьянства

**Рецензия на книгу Мухина З.З. Русская крестьянка
в пореформенный период (вторая половина XIX –
начало XX в.). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. 736 с., ил.**

Представлена рецензия на монографию З.З. Мухиной «Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века)», изданную в Санкт-Петербурге в 2018 г. Это комплексное исследование повседневной жизни русской крестьянки в пореформенный период, рассмотренной через бытовые, ритуальные, мировоззренческие, этические, правовые, поведенческие аспекты. Автор монографии приходит к выводу, что в целом модернизационные процессы положительно сказались на крестьянках. Они стали осваивать новое пространство в семейной и социальной жизни. Новые тенденции в укладе жизни русских крестьянок были важным маркером перемен в пореформенной жизни деревни в целом, имели перспективу продолжения и развития в следующие десятилетия XX в., но до обретения женщинами достойного места в семье и обществе было еще далеко.

Ключевые слова: З.З. Мухина, история крестьянства, история повседневности, гендерная история, русская женщина, крестьянка, повседневная жизнь крестьянки.

E.V. Godovova, S.V. Lyubichankovskiy

**A new word in historiography of everyday life of Russian peasantry.
Book review: Mukhina Z.Z. Russian peasant woman in the post-reform
period (second half of the 19th – beginning of the 20th century).
St. Petersburg: DMITRY BULANIN, 2018.736 p., III.**

A review of the monograph by Z.Z. Mukhina “Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th – beginning of the 20th century)”, published in St. Petersburg in 2018 is presented. This is a comprehensive study of the daily life of a Russian peasant woman in the post-reform period, examined through everyday, ritual, worldview, ethical legal, behavioral aspects. The author of the monograph conclude that, on the whole, modernization processes had a positive effect on the peasant women. They began to explore a new space in family and social life. New trends in the life of

Russian peasant women were an important sign of changes in the life of post-reform countryside as a whole, had prospects of continuation and development in the next decades of the 20th century, but it was too long till women found a worthy place in family and society.

Key words: Z.Z. Mukhina, history of the peasantry, history of everyday life, gender history, a Russian woman, a peasant woman, daily life of a peasant woman.

В 2018 г. в Санкт-Петербурге при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований вышла книга известного исследователя повседневности, яркого представителя научной школы Н.Л. Пушкиревой, доктора исторических наук Зинары Зиевны Мухиной «Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века)». Монография посвящена актуальной теме, связанной с изучением повседневной жизни русской крестьянки в период модернизации российского общества. Вклад женщины в материальную и культурную жизнь крестьянского общества был столь велик и разнообразен, что недооценка, а тем более забвение этого вклада не позволяет достичь сколь-нибудь полного понимания жизни крестьянства, а следовательно, жизни страны соответствующего периода в целом [1, с. 12]. Выявление традиций, передающихся из поколения в поколение, а также новаций в отношении к женщине, женскому труду в семье, ее обязанностям и правам – путь к пониманию содержания перемен в статусе женщин в стране в более поздние периоды, их удач и/или неудач, основа для осмысления недавнего прошлого и конструирования современной гендерной политики.

Во введении рецензируемой монографии четко определены хронологические и территориальные рамки, дано методологическое обоснование исследованию. Структурно в работе выделены введение, пять глав, заключение, список сокращений, список источников и литературы, приложения.

Глубокий и обстоятельный анализ отечественной и зарубежной литературы позволил автору объективно осветить повседневную жизнь русской крестьянки в условиях модернизирующегося общества. Монография написана на основе привлечения большого количества опубликованных и неопубликованных источников, среди которых документы четырех фондов Российского государственного исторического архива, трех фондов Центрального государственного исторического архива, одного фонда Государственного архива Российской Федерации, двух фондов Центрального исторического архива Москвы, двух фондов архива Русского географического общества при РАН, одного фонда архива Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, трех фондов Государственного архива Курской области, одного фонда архива Муниципального казенного учреждения культуры «Старооскольский краеведческий музей» и одного фонда архива

народного Русского музея Старооскольского педагогического колледжа; законодательные и нормативные документы, статистические материалы, источники личного происхождения, художественная литература и фольклорные тексты. Используемые автором источники представляются достаточно репрезентативными для реконструкции повседневной жизни русской крестьянки Европейской России пореформенного периода. Анализ используемого корпуса отечественной и зарубежной (работы на английском и немецком языках) историографии представлен в первой главе монографии «Русская крестьянка как объект исторического исследования». Следует отметить, что, несмотря на огромное количество опубликованных книг по крестьянству, комплексного труда, объединяющего достижения этнологов, историков, антропологов и т. д., посвященного русской крестьянке, до сих пор не было, и работа З.З. Мухиной заполнила этот пробел историографии.

Во второй главе «Социализация девочки и девушки в крестьянской семье» З.З. Мухина выделяет следующие этапы социализации крестьянки: ребенок 3–4 лет, девочка 7–8 лет, подросток, девушка и замужняя женщина. При этом для каждой возрастной группы автор указывает на свои особенности, зависящие от различных форм воспитания: трудового, религиозно-нравственного, влияния сверстников, игр и т. д. Многообразие этих социализирующих факторов эволюционировало и формировало личность крестьянки. При этом, как подчеркивает автор, в пореформенный период наблюдается рост самосознания и самостоятельности женщин, что оказывает влияние на подрыв патриархальных отношений [1, с. 140]. Под влиянием имущественного и социального расслоения в пореформенный период значительно деформировались институты брака и семьи.

Третья глава характеризует жизненный уклад замужних крестьянок. Здесь автор прослеживает повседневную жизнь крестьянки с учетом сложной стратификации (невестки, снохи, младшей снохи, большухи и т.д.). На трансформацию семейных отношений большое влияние оказало женское отходничество. Несмотря на то что это явление было менее распространено, чем мужское, оно вело к ослаблению патриархальных семейных связей, раскрепощению женщин, повышению материальных и духовных запросов, росту самосознания. Модернизационные процессы повлияли на всю жизнь крестьянки, в том числе связанную с беременностью и родами. Традиционный уклад обусловил крайнюю нетерпимость общественного мнения при нарушении женщинами установленных канонов поведения. Однако к концу XIX в. патриархальные гендерные отношения стали размываться, затронув область интимных отношений. Из городской среды в деревенскую проникают новые формы организации личной жизни, например внебрачное сожителство, что оказало влияние и на демографическую ситуацию. Изменения коснулись и правовой сферы, а это про-

явилось в обретении женщиной новых имущественных и – в меньшей степени – социальных прав.

В четвертой главе монографии раскрываются особенности социального статуса незамужних, разведенных и представляющих иные группы неполноправных крестьянок. За пределами семейных групп старые девы, чернички, монашки имели особые статусы. Автор монографии отмечает, что эти женщины составляли такую же органичную и неразрывную часть крестьянского социума, как и другие социовозрастные группы [1, с. 401]. Двойственным в крестьянском социуме было положение вдов и солдаток. С одной стороны, они были свободны от власти мужа, а с другой, не всегда сильны экономически, вследствие чего значительное число этих женщин становились нищенками и проститутками. Женщины, которые в силу жизненных обстоятельств выпадали из общего порядка (старухи, вдовы, сироты, знахарки, колдуньи и др.), образовывали самостоятельные маргинальные группы. В условиях трансформирующегося общества устройство жизни для этих групп крестьянок оказалось особенно сложным.

В пятой главе «Изменение социокультурных стереотипов восприятия женщины в крестьянском социуме» автор монографии дает характеристику внешнему виду и одежде крестьянок, меняющимся в зависимости от возраста и социального статуса; описывает женское образование и повседневное поведение женщин: быт, досуг, сплетни, а также проявление девиаций как в семье, так и вне ее; раскрывает социокультурные стереотипы восприятия женского мира в фольклоре и крестьянском социуме. Автор монографии рисует портрет русской крестьянки пореформенного периода и отмечает, что в ней парадоксальным образом сочетались злобность и доброта, жестокость и милосердие, высоконравственное и низменное [1, с. 524].

В заключении книги автор делает ряд выводов, которые вытекают из содержания работы, носят обобщающий и аналитический характер. Модернизационные процессы, происходящие в России, были неоднозначно встречены крестьянками. С одной стороны, наблюдалось стремление укрепить пошатнувшуюся стабильность традиционного общества, а с другой, стремление к изменениям, чему способствовало влияние городской среды.

Обогащают монографию приложения, где представлены интересные документы, служащие иллюстрацией основных положений исследования.

Таким образом, автор монографии «Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века)», опираясь на методы истории повседневности, антропологической истории, культурной антропологии, а также системный, гендерный и междисциплинарные подходы, рассматривает жизнь русской крестьянки комплексно, отражая во всей полноте все стороны её жизни. При этом

автор не просто описывает, но и раскрывает суть и причины социокультурных изменений, происходящих в крестьянской семье. Книга З.З. Мухиной вносит весомый вклад в изучение истории русского крестьянства, отечественной этнологии и одновременно служит отправной точкой для будущих исследований. Она уже в настоящее время используется в научных исследованиях историков, этнографов, социологов и даже психологов! Уверены, что в ближайшем будущем материалы этого исследования будут востребованы при создании обобщающих трудов по социальной истории России, по истории русской культуры и гендерной проблематике.

Литература

1. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 736 с., ил.

References

1. *Mukhina Z.Z. Russkaya krest'yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Russian Peasant Woman in the Post-reform Period (second half of the 19th – the beginning of the 20th century)]. – SPb.: DMITRII BULANIN, 2018. 736 p., il.

Сведения об авторах

Абдрахманов Константин Алексеевич, ассистент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург; e-mail: olga8011@yandex.ru

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: ida777@yandex.ru

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбургский филиал; e-mail: godovova@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории, Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «КБНЦ РАН», г. Нальчик; e-mail: gugowa@mail.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна, лаборант-исследователь, НОЦ Исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sstasja@yandex.ru

Крылова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru

Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: martin-vas@yandex.ru

Мильбах Владимир Спартакович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Михайловская военная артиллерийская академия; e-mail: v.milbach@yandex.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик; e-mail: elenalchik@yandex.ru

Самарина Любовь Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: Ravel-Poletika@mail.ru

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, РФ; e-mail: s-irina@yandex.ru

Текуева Мадина Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой этнологии, истории КБР и журналистики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик; e-mail: tekuevamadina@gmail.com

About Authors

Abdrakhmanov Konstantin Alekseevich, Assistant, Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Balabeikina Ol'ga Aleksandrovna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg; e-mail: olga8011@yandex.ru

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Pro-Rector for Research; e-mail: ida777@yandex.ru

Godovova Elena Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian, Socio-Economic, Mathematical and Natural Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: godovova@mail.ru.

Gugova Marina Khabasovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Modern History, Institute of Humanitarian Studies – branch of the "Federal Scientific Center "KBSC RAS", Nalchik; e-mail: gugowa@mail.ru

Zhukova Anastasiya Evgen'evna, Research Assistant, REC of Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: sstasja@yandex.ru

Krylova Elena Nickolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the department of advertising and public relations of Pushkin Leningrad State University; e-mail: hellennak@yandex.ru

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: svlubich@yandex.ru

Martynov Vasilii L'vovich, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg; e-mail: martin-vas@yandex.ru

Mil'bakh Vladimir Spartakovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Mikhailovskaya Artillery Academy, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines; e-mail: v.milbach@yandex.ru

Nal'chikova Elena Aniuarovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Youth Work Organization, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik; e-mail: elenalchik@yandex.ru

Samarina Lyubov Andreevna, PhD student, Pushkin Leningrad State University; e-mail: Ravel-Poletika@mail.ru

Sinova Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of international relations, history and political science, St. Petersburg state economic University; e-mail: s-irina@yandex.ru

Tekueva Madina Anatol'evna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ethnology, History of KBR and Journalism, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik; e-mail: tekuevamadina@gmail.com

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. Drake L.L. *Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.

2. Mel'tsin M.O. *Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (11)

На обложке размещена репродукция картины
В. Е. Маковского «Освящение публичного дома», 1900 г.,
Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 27.09.2019. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 1597

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10